

Annotation

Мир, который разошёлся с нашим примерно в 1000 году н.э. Мир, в котором никогда не было Чингисхана и Наполеона. Сможет ли герой, проживший обычную жизнь в нашем мире, начать новую жизнь в том? Как можно прожить жизнь достойно и защитить себя и своих близких в мире, который никогда не знал политкорректности и прав человека, но в котором есть магия и боги? Вот так неожиданно сложилась судьба Кеннера Арди, когда-то простого российского завлаба, а ныне сына изгнанной из рода аристократки - немного отморозка, немного параноика, и совсем немного идеалиста.

*

Пролог

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Вместо эпилога

*

За последним порогом. Начало

Пролог

Смерть – это не только конец пути, но и начало чего-то нового. Это последний порог, за которым начинается новый путь, на котором кто-то поднимется ещё выше, а кто-то спустится вниз. Этот порог нужно было просто перешагнуть, но я споткнулся...

Меня влекло куда-то вдаль с непреодолимой силой, не оставляющей никакой возможности для сопротивления. Мелькали какие-то странные световые поля, нити, куски структур. Мыслей не было совершенно, сознание просто фиксировало происходящее без какого-либо анализа или оценки. Пришло понимание, что я умер, но это также не вызвало никаких эмоций – всего лишь факт, ничем не выделявшийся из десятков и сотен других фактов. Я не мог думать и испытывать эмоции – для этого нужно было быть живым, но опять же, это меня совершенно не беспокоило.

Следом осознал ещё один факт: я таю. С каждым мгновением от меня (души? сознания?) отрывался новый кусочек личности, привычек, воспоминаний, размываясь и оставаясь позади. Эмоций по-прежнему не было, но появилось понимание, что это неправильно. Я всё ещё не мог и не хотел бороться, но каким-то образом это ощущение неправильности что-то изменило в происходящем. Появилось чувство, что давление постепенно слабеет, и я начинаю замедляться. Внезапно давление исчезло совсем, меня швырнуло куда-то вбок, и сознание померкло.

*

Снова пришёл в себя я нескоро – точнее говоря, снова начал себя осознавать. Понадобились месяцы, чтобы слабый мозг младенца развился достаточно, и на общем фоне растительного существования начали мелькать какие-то мысли. Думать было нелегко; даже простейшие попытки что-то вспомнить из прошлой жизни быстро утомляли, и я засыпал или снова проваливался в бездумное созерцание. Но время шло, и постепенно способность связно

мыслить восстанавливалась. Память, однако, сильно пострадала, и воспоминания о прошлой жизни были во многом отрывочными, а частью даже просто непонятными. Остался ли я той же самой личностью? Не знаю... хотелось бы верить, что да. Много ли мы помним о себе десятилетнем в шестьдесят? Но личность остаётся той же самой, стало быть, есть ещё что-то, что делает нас теми, кто мы есть – принципы, воззрения, привычки. Впрочем, вне зависимости от ответа на этот философский вопрос, придётся жить с тем, с чем придётся. Оставалось лишь надеяться, что с развитием мозга вернутся и воспоминания.

Не сказал бы, что младенческое существование было очень уж утомительным – просто в силу того, что осознанное бытие занимало не так уж много времени. Я старался больше думать и узнавать мир вокруг, но получалось это не то чтобы очень уж хорошо. Хотя прогресс определённо наблюдался.

Больше всего раздражало хождение под себя, но с этим оставалось только смириться. На горшок меня никто сажать не собирался, да и что толку, если я себя никак не мог контролировать? Организм делал в пелёнки по своему графику и совершенно не интересовался мнением мозга по этому вопросу. Всё, что я мог – это потребовать смены пелёнки, и я дисциплинированно ревел, как и полагалось младенцу.

Через какое-то время мозг немного развился, и жить стало чуть поинтереснее. Непонятные пятна постепенно стали складываться в очертания предметов, приобретая цвет и объём. Кровать, грудь, какая-то мягкая игрушка (заяц? енот?), рука, которая, несомненно, была моей, хотя таковой почти не ощущалась. Вообще, надо заметить, что мускулы у меня жили, казалось, собственной жизнью. Было практически невозможно просто взять игрушку – рука дёргалась почти произвольно. Можно было только улучшить момент и вцепиться. Хватательные движения получались неплохо.

Постепенно удалось идентифицировать окружающих людей. Женщина, кормившая меня грудью, – надо заметить, молодая и очень красивая, – была, несомненно, моей матерью. Однако часто меня кормила другая женщина, которую я затруднялся как-то обозначить. Кроме того, часто рядом оказывался ещё один младенец – брат? Сестра? Непонятно...

Примерно тогда же произошло неприятное событие, которое меня порядком напугало. Я проснулся оттого, что меня довольно грубо тыкали пальцем. Надо мной склонилась женщина с холодными глазами, рассматривая меня равнодушным взглядом гадюки. Мать говорила ей что-то резкое, а та что-то лениво цедила в ответ. В конце концов, она отвесила матери презрительную пощёчину, и та замолкла. Она ещё раз довольно больно ткнула меня – я просто взбесился от злости и неожиданно для себя заплакал. Тьфу! Так у меня состоялось знакомство с бабушкой, которое, к счастью, продолжения не получило.

Хотя инцидент на этом и закончился, я вдруг осознал, что мир вокруг не вполне уютное место, а я ещё как минимум лет пятнадцать буду совершенно беспомощным. Конечно, варианты развития у ребёнка довольно ограничены, но просто сидеть и ждать, когда вырастешь и станешь большим и сильным – это опасный путь. Я твёрдо решил использовать любую возможность стать сильнее, и скоро такая возможность неожиданно подвернулась.

*

Я лежал в кровати, и повернув голову, наблюдал за матерью, которая уронила что-то мелкое, вроде иголки, и вполголоса ругаясь, пыталась её найти. Дело было вечером, люстра под потолком светила не очень ярко, и разглядеть потерянную мелочь на полу было почти невозможно. Внезапно мир как-то беззвучно качнулся, и над головой у матери появился крохотный яркий шарик. Я просто оторопел от изумления. Довольно быстро мать нашла потерянное, шарик потух, и мир стал прежним.

Нет, мы охотно представляем себя могучими волшебниками, но как бы мы ни рассуждали о заклинаниях, плетениях и тому подобных вещах, все мы понимаем, что магия – это фантазия, которой в реальной жизни места нет. И вот я своими глазами вижу что-то, совершенно противоречащее привычной мне картине мира. Отрицать или игнорировать это было невозможно – мать действительно создала нечто, испускавшее свет. Сомнения ещё оставались, но было сложно объяснить увиденное иначе, чем каким-то видом магии.

После этого я стал пристально наблюдать за матерью, и быстро обнаружил, что она довольно активно, хотя и по мелочи, использует магию в повседневной жизни. Немного посветить, притянуть небольшую вещь, до которой трудно дотянуться, подогреть остывший чай – было удивительно, как я раньше всего этого не замечал.

Вскоре я понял, что её действия как-то связаны с лёгкой дымкой, которая затягивает буквально всё. Эта дымка никак не мешала видеть окружающее, да и виделась она скорее не глазами, оттого я раньше и не обращал на неё внимания. Точнее, просто решил, что это что-то возрастное, что пройдёт позже само, когда глаза полностью разовьются, и выбросил это из головы. Теперь же я стал целенаправленно приглядываться, и очень скоро выяснил, что эта дымка не совсем однородна – когда мать создаёт, например, шарик света, то дымка рядом как бы стягивается и формирует некую структуру. В целом это было довольно похоже на какую-то разновидность поля, хотя я не совсем понимал, отчего зависит его конфигурация и каким образом в нём создаются неоднородности. Поскольку никаких приспособлений мать не использовала, дело явно было в волевом усилии, но как она это делала? Палочкой она не махала, и бессмысленных слов не выкрикивала.

Постепенно я начал понимать принцип – нужно было выделить точку концентрации внимания, и стягивать поле в эту точку. Даже небольшое повышение концентрации дымки в выбранной точке требовало огромных усилий, и результатом обычно была сильная усталость, переходившая в сон. Но всё равно это был результат, и я был полон энтузиазма. Собственно, больше мне делать было практически нечего – мать работала, и я часто был предоставлен сам себе. Когда её не было дома, за нами приглядывала вторая женщина. Пригляд был неплотный, да и вообще с нами никто особо не нянчился. Не то чтобы о нас не заботились, просто мы были спокойными детьми, а у взрослых хватало других забот.

*

Здесь стоит рассказать об обитателях квартиры. Где-то месяцам к шести-семи я уже составил полное представление об окружающей обстановке и людях. Прежде всего, это моя

мать, которую звали Милославой или просто Милой. Второй младенец оказался девочкой Леной, а её мать звали Натой. Жили мы все вместе в довольно приличной трёхкомнатной квартире – не нищета, но скорее благородная бедность. Непонятно, были ли мы родственниками или просто соседями, но причина совместного проживания была довольно очевидной. Мать и Ната работали, а мама ещё и училась – во всяком случае, она часто сидела за учебниками. Вдвоём у них получалось по очереди кормить детей и вообще присматривать. В общем-то, решение разумное – с приходящей няней мороки было бы гораздо больше, да и оставлять грудного ребёнка на чужого человека не каждый решится.

С языком, однако, было сложно, и это сильно мешало понимать многие вещи. Сам язык был явно родственным русскому, но помогало это мало. Это было похоже на то, как слышится украинская или другая славянская речь – ухо временами выхватывает знакомые слова, но в целом всё сливается в какое-то невнятное болботанье, в котором совершенно невозможно уловить какой-то смысл. Ещё в нём встречались дремучие архаизмы времён «Слова о полку Игореве» – «аки», «бьяше», «велми», и тому подобные. Приходилось учить язык практически с нуля, хотя, конечно, с китайским или японским было бы гораздо сложнее. С разговором дело обстояло ещё хуже, мой язык категорически не желал меня слушаться, и вместо членораздельной речи получался типичный бессмысленный детский лепет. Забавно, что у девочек с разговорной речью дело продвигалось поуспешнее. В общем, с маскировкой попаданца дело обстояло превосходно, выдать себя песнями Высоцкого у меня не получилось бы при всём желании.

С Леной мы практически постоянно были вместе, у нас даже коляска была двойная, как у близнецов. К тому же без меня она хуже засыпала и капризничала, так что мы очень часто спали рядом. Как-то месяцев в девять мы так же лежали рядом – она о чём-то болтала сама с собой, ну а я, как обычно, тренировался в управлении полем. Я уже уверенно создавал локальные концентрации поля, постепенно переходя к более сложным упражнениям по созданию форм. Вот и сейчас я немного закрутил поток, сделав шар, к которому сверху примыкали два сильно вытянутых эллипсоида. Неожиданно соседка засмеялась, ткнула в ту сторону пальцем, и счастливо выкрикнула: «Дая!», что, видимо, означало «заяц». От неожиданности я потерял концентрацию, и фигурка развеялась, вызвав протестующее хныканье. Лена насупилась, и шар снова начал неуверенно собираться. Тут я отошёл от удивления и начал помогать, и совместными усилиями заяц был восстановлен во всём своём великолепии трёх овалов. С этих пор совместное собирание разных фигурок стало нашей излюбленной игрой, причём девочка если и уступала мне, то совсем немного. Интересно, а как с этим дело обстоит у других детей?

*

Когда нам было три года, умерла Ната. Что произошло, я не знал – детям, естественно, никто не рассказывал. Уже позже я выяснил, что причиной был совершенно глупый несчастный случай из тех, что происходят гораздо чаще, чем мы думаем. Лена, по-моему, толком не поняла, что произошло, и со временем привыкла звать Милу мамой. А вскоре мама, наконец, закончила свою учёбу, мы стали жить побогаче и переехали в небольшой дом в хорошем районе.

В четыре года я довольно быстро научился читать, хотя что тут удивительного? Разбираться, куда я попал и чем этот мир отличается от моего, не кинулся – во-первых, у мамы таких книжек и не было, а во-вторых, зачем? Ясно, что мир отличается довольно сильно – и что мне даст факт, что тут не было, допустим, Наполеона? Да ничего совершенно. Мамины книжки я всё же пересмотрел, правда, ничего интересного там не обнаружил. В основном это были непонятные мне медицинские справочники, жутковатые анатомические атласы, да несколько женских романов. Их я прочитал – разницы с нашими совершенно никакой, только декорации чуть другие. Он утонул в бездонной синеве её глаз... грудь её с волнением вздымалась... он впился ей в губы обжигающим поцелуем... В конце дело неизменно заканчивалось свадьбой страниц на пятьдесят. Ради того, чтобы это прочитать, совершенно не стоило напрягаться с попаданием в другой мир. Женщина – это константа Вселенной, что тут ещё скажешь.

Тогда же я начал задумываться: для чего я тут, чего я хочу добиться, и в чём вообще смысл моего существования? После краткого знакомства с бабушкой у меня появилась идея фикс, что я должен быть достаточно сильным и способным защитить себя и своих близких. Однако несмотря на важность этой цели, на глобальную она никак не тянула. Для чего мне был дан второй шанс? Случайно ли так получилось, или же он был дан с какой-то целью? И если так, то что от меня ожидается? Типичную книжную чепуху насчёт спасения мира и поворота истории я не рассматривал вообще. Даже если у этого мира и есть какие-то проблемы, наши масштабы совершенно несопоставимы. Это выглядело бы чем-то вроде муравья, который пытается остановить наступление ледникового периода, утепляя хвоинками ближайший одуванчик. Никаких разумных идей в голову не приходило, и в конце концов я решил вернуться к этому вопросу позже, когда немного подрасту и пойму своё место в новом мире.

Глава 1

– Стой спокойно, – я пытался завязать шнурок на Ленкином ботиночке, пока она порывалась уже куда-то бежать.

Тут она вспомнила, куда мы собираемся, и настроение сменилось.

– Не хочу в лечебницу, – заявила она. – Там щиплетя.

– Надо немного потерпеть, да и не сильно там щиплетя. Ты же хочешь быть умной и красивой?

– Я и так красивая!

– Но наверное, не очень умная.

– Сам ты дурак! – надулась.

– Вот я потому и не капризничаю, что хочу стать умным. А ты такой и останешься.

Ленка замолчала и задумалась. С пяти лет мама начала проводить над нами разные

процедуры. Сначала это были микстуры для укрепления костей, суставов, связок, сейчас к ним добавилось лежание в специальной камере, которое должно было увеличить скорость прохождения сигналов по нервной системе – во всяком случае, именно так я понял из предельно упрощённого объяснения. Полный курс из нескольких десятков разных процедур был рассчитан на двенадцать лет – если на взрослый организм повлиять было практически невозможно, то организм ребёнка вполне можно было улучшить осторожным воздействием по мере роста. Процедуры стоили безумно дорого, требовали постоянного надзора целителя, и были очень мало кому доступны. Но у нашей мамы, младшего целителя княжеской лечебницы Живы Одаряющей, такая возможность имелась.

Наконец, мы покинули дом и, миновав небольшой палисадник, вышли на улицу.

Дом у нас очень скромный – по меркам аристократии, конечно: два этажа и сад соток в тридцать, с небольшим бассейном. К дому примыкал маленький тренировочный зал, рядом гараж и флигель, где жила семья слуг – тётка Арина, которая готовила и убирала в доме, и её муж, дядька Ждан, который ухаживал за садом, выполнял работу шофёра, ну и вообще на все руки. Мамина машина – большой седан, похожий на довоенный Хорьх. Ездила она на ней редко, и сама не водила никогда. Автомобили здесь, кстати, назывались самобегами, хорошо хоть не самобеглыми телегами. Впрочем, в бытовом обиходе, как и у нас, чаще использовалось слово «машина».

На первом этаже дома – гостиная, столовая, кухня, и ещё одна комната неопределённого назначения, в которой мама любила сидеть вечерами с каким-нибудь журналом. На втором этаже мамина спальня, кабинет, и наши с Ленкой комнаты. Её комната, правда, практически не используется – Ленка категорически отказывается там жить и постоянно перетаскивает свои куклы и книжки ко мне. Я уже так привык, что она всегда рядом что-то напевает своим куклам, что без неё ощущал какой-то дискомфорт. Спала она тоже со мной, обнимая меня, как плюшевого мишку. Я пробовал тихонько уходить в другую комнату после того, как она заснёт, но от этого было только хуже – она вскоре просыпалась, осознавала, что меня рядом нет, и в слезах шла меня искать. Постепенно я смирился с ролью мягкой игрушки. Будь я и в самом деле полностью ребёнком, терпеть бы это, наверное, не стал, но у меня-взрослого это белобрысое чудо вызывало приступы острого умиления, так что в конце концов я сдался.

Район наш назывался Кропотов Луг – тихий, маленький, из небольших особняков с участками. Жили у нас люди приличного достатка, в основном дворяне. Отношения с соседями мы поддерживали хорошие, но вообще жили довольно уединённо. Мама была постоянно занята в лечебнице, и одновременно писала диссертацию. Сказать по правде, у неё и на нас-то времени не хватало. Одно время она собиралась взять няню, но меня идея быть под постоянным надзором постороннего человека в восторг не привела. У мамы я давно пользовался репутацией серьёзного и ответственного ребёнка, на которого можно положиться, так что хоть и с большим трудом, но всё-таки удалось её убедить, что мы прекрасно обойдёмся без няни. Мы с Ленкой тоже ни с кем особенно не общались – взрослые меня, естественно, не воспринимали, а играть со сверстниками в детские игры... взрослым я себя не назову, детский организм всё-таки здорово влияет, но не настолько же я ребёнок. Ну а Ленка ходила за мной хвостиком, и создавалось ощущение, что кроме меня, ей

вообще никто не был нужен.

Ленка сунула мне в руку ладошку и с надеждой спросила:

– Леденец купим?

– Во-первых, от сладкого болят зубы и появляются прыщи...

– У-у...

– А во-вторых, обязательно купим, но только на обратном пути.

На углу столкнулись с дядькой Любомиром, нашим квартальным, который командует стражей нашего района. Был Любомир отставным ратником – воевал, был несколько раз ранен, потом счастливо женился и решил, что пора заканчивать бегать под пулями. К нам он всегда относился хорошо по причине нашей вежливости и отсутствия вредности – преступность в нашем районе отсутствовала, зато детвора, а особенно подростки, были для стражи постоянной головной болью. Возможностей воздействовать на дворянских отпрысков у стражи было немного, детки это чувствовали и использовали по полной.

Не так давно жена Любомира, Марьяна, заболела, но в лечебницу по какой-то причине обращаться не стала. Когда она начала умирать, а вызванный лекарь развёл руками, Любомир вспомнил о нашей маме. Мама выслушала его сбивчивые мольбы, молча собралась и отправилась к нему. В результате Марьяна пошла на поправку, а мы с Ленкой приобрели верного друга в силовых структурах района.

Любомир небрежно отдал нам честь, а я в ответ вежливо приложил два пальца к виску. Любомир заулыбался – почему-то веселило его безмерно такое приветствие от шестилетнего клопа.

– Драсти, – пискнула Ленка.

– Здравствуй, егоза, здрав будь, воин (это мне, хе-хе). Гуляете? – прогудел он.

– В лечебницу идём, к маме, – доложила мелочь.

– Поклон передавайте госпоже Милославе от нас с Марьяной.

– Как она, выздоровела? – спросил я.

Любомир расцвёл.

– Уже вставать начала. Я ей запрещаю, да ведь разве удержишь.

– Передадим обязательно, дядька Любомир.

– Ну бегите давайте.

Мамина лечебница находится минутах в двадцати ходьбы от нашего дома – старинное трёхэтажное здание, украшенное барельефами, и целая россыпь корпусов отделений в большом ухоженном парке. Пускали туда только родственников больных и только в приёмные часы, но нас там хорошо знали, и сторож в вестибюле лениво махнул нам рукой – проходите, мол. Кабинет мамы был закрыт, и мы заглянули к дежурной сестре.

– А, Кеннер, – подняла она глаза от бумаг, – госпожа Милослава пока занята, подождёте полчаса у неё в кабинете. Пойдёмте, я вам открою.

Кабинет у мамы был совсем крохотный – стол, заваленный бумагами, полочка с медицинскими справочниками, небольшой диван. Ленка сразу же залезла на него и объявила:

– Играем в жу-жу!

Игра была непростой, требовала серьёзной концентрации и умения работать с полем Силы. Я практически всегда выигрывал, но частенько поддавался, чтобы мелкая не теряла интерес. Заключалась игра в том, чтобы создать жалящую искорку (которая обозначала пчёлку), и ужалить ею оппонента. Главная сложность была в том, что помимо управления своими искорками, нужно было почувствовать и вовремя развеять чужие, которые могли прилететь с любого направления. Ленка могла управлять тремя, а я четырьмя, но когда я создавал четыре, то автоматически побеждал, поэтому обычно ограничивался тоже тремя.

В первый раз я победил, во второй, немного поддавшись, проиграл. Третья, решающая битва была в самом разгаре, когда дверь открылась и в кабинет вошла мать. С одного взгляда она поняла, чем мы занимаемся и буквально побелела. Я тоже перепугался. Ленка, увлечённая и ничего не замечающая, вlepила мне свою жу-жу прямо в лоб и счастливо засмеялась.

– Кеннер! – такое обращение ничего хорошего не сулило, а от тона матери меня просто пробрала дрожь. – Кто это видел?

– Никто, – я искренне не понимал, что случилось.

– После процедуры вы сразу идёте домой и ждёте меня.

– Хорошо, мама.

– Ты меня понял? Из дома никуда!

– Да, мама, я всё понял.

Больше мы не разговаривали. У матери явно не было настроения что-то обсуждать, Ленка тоже почувствовала напряжение и помалкивала, только смотрела на нас испуганными глазами. Я терялся в догадках, но спросить ничего не решался.

*

После ужина, тоже проходившего в напряжённом молчании, мать позвала меня в кабинет.

– Так, садись и рассказывай. Кто-нибудь видел, как вы с Силой играете?

– Никто не видел, – хмуро ответил я. – А что случилось-то?

Мать задумалась, ей явно не хотелось ничего объяснять. Наконец, она вздохнула и решилась.

– Если Ренские узнают, что ты одарённый, тебя у меня могут отобрать.

– Какие ещё Ренские? – я был в шоке. – Как отобрать?

– Сложно объяснить, – вздохнула она. – Тебе, вообще-то, рановато всё это рассказывать, многого не поймёшь.

– А что, лучше ничего не знать? – возразил я. – Расскажи, а если чего-то вдруг не пойму, то спрошу.

Мать глубоко задумалась; я терпеливо ждал.

– Ну хорошо, расскажу, – неохотно согласилась она. – Твоя бабка Ольга, моя мать – она Мать рода Ренских. Я была наследницей и должна была стать следующей Матерью. Ну, мама так хотела, я не очень. Я тогда уже до девятого ранга добралась...

– До чего добралась? – не понял я.

– Я же говорю, не всё поймёшь, – вздохнула она. – Неважно, потом узнаешь. Так вот, я там влюбилась в бездаря, ты на горизонте наметился. Матери поломала все планы. Мы с ней тогда много лишнего друг другу наговорили, и дело кончилось тем, что она меня из рода изгнала. Я взяла фамилию бабушки, поэтому мы сейчас Арди, а не Ренские. Ну а с тобой всё просто – одарённых мальчиков мало рождается, даже когда оба родителя одарённые. Если род узнает, что ты одарённый, да ещё так рано Силу принял, они, скорее всего, попытаются тебя к себе забрать.

– И что, смогут ребёнка у матери отнять? – усомнился я.

– Если по закону, то нет, конечно. Я тебя уже после изгнания родила, как Арди. Ты Ренским ни минуты не был. Но это по писаному закону, а судья может и по-другому решить. У сильного рода много возможностей в свою пользу закон согнуть. Князю услугу какую-нибудь пообещают, или ещё что-нибудь.

– А зачем я им вообще?

– Как бы тебе попроще объяснить... – мать задумалась. – Вот смотри: если мать одарённая, а отец – бездарь, то из десяти детей одарёнными родятся только двое, а восемь будут бездарями. А если оба родителя одарённые, тогда наоборот – восемь будут одарёнными и только двое бездарными. Одарённые мальчики рождаются редко, поэтому одарённых

мужчин не хватает. Роды всячески пытаются их себе заполучить – обычно просто заманивают, конечно. А вот если есть возможность, как с тобой, силой к себе затащить, то могут и попробовать.

– Так что, – не понял я, – мне теперь надо всю жизнь прятаться?

– Нет, конечно. В четырнадцать лет у одарённых первое совершеннолетие, ты будешь считаться ограниченно дееспособным, ну, это значит, почти взрослым. Уговаривать и завлекать могут, но просто взять и забрать уже не получится. Там уже потребуется согласие самого ребёнка.

– А с Леной что?

– А её князь может забрать в княжеский приют. Мне её удочерить позволили только потому, что она никому не интересна была. Ната была бездарной, и отец у неё тоже был бездарь, а у бездарных пар одарённые дети очень редко рождаются. Вот, кстати, интересно – откуда же у Лены дар прорезался? У Натки в роду вроде все бездарными были...

Есть у меня кое-какие догадки, мама, но ими я с тобой, пожалуй, делиться не буду.

– В общем, если узнают, что у неё так рано сила проснулась, то удочерение могут и отменить. Князю ведь сильные Владеющие тоже пригодятся. А я для князя непонятно кто – то ли совсем с родом порвала, то ли завтра помирюсь.

– А ты можешь помириться?

– Нет! – глаза её гневно сверкнули. – Я матери никогда не прощу, что она тебя убить хотела.

– Как это убить хотела? – в недоумении переспросил я.

– Я ещё беременная была, когда она меня от Аспекта отлучила, не стала ждать, когда рожу. Дети такое очень плохо переносят, бывает, что и мёртвыми рождаются.

– Так ведь не убила же, – возразил я. – Может, она об этом вообще не подумала.

Тут мне пришла в голову мысль: а ведь может быть, и убила. Кто знает – я на своём месте, или же вместо кого-то поселился? С мамой я этого обсуждать не буду, конечно, да и сам думать на эту тему не хочу. Выжил, и точка.

– А сколько я пережила, пока не убедилась, что ты живой и не овощем родился!? Всё, не хочу про это говорить, нечего тут обсуждать!

Мама помолчала успокаиваясь.

– Кени, ты мне вот ещё что скажи – вы давно с Леной вместе с Силой играете?

– Да сколько себя помню, всегда играли.

– Всё ясно теперь, – задумчиво покивала она. – Я-то давно эти странности заметила, вот только понять не могла, в чём тут дело. Даже не знаю, хорошо это или плохо. Ну, ничего тут не изменишь, придётся теперь с этим жить. Ты только не пугайся, здесь ничего плохого нет, просто слишком рано это случилось. А так-то люди с этим нормально живут.

– Да что такое-то? – запаниковал я.

– Ты же знаешь, кто такие близнецы? Как наши девочки-соседки, Марта с Гертой. У близнецов часто встречается связь душ, особенно когда оба близнеца одарённые. Такие близнецы между собой очень близки, разлуку плохо переносят, бывает даже, что понимают друг друга без слов. Так вот, если Владеющие долго вместе живут или работают, и совместно Силу используют, то у них души тоже как бы настраиваются друг на друга. Вот это и называется «связью душ» или ещё «синдромом близнецов».

– И что потом?

– Потом женятся чаще всего, – засмеялась мама, – если до того не женаты были. И если не родственники, конечно.

– А если не хотят жениться?

– Тогда до этого не доводят. Это же не сразу происходит, для этого несколько лет нужно.

– А если две женщины? Ну, или двое мужчин?

– Кхм, рано тебе, ты этого пока не поймёшь. – «Ошибаешься, мама, ещё как пойму». – В общем, ты не пугайся, но похоже, что у вас с Леной какая-то связь уже образовалась.

Тут до меня постепенно начало доходить – а если бы вместо Ленки был мальчик? Или она была бы родной сестрой? Или... БРАТОМ?? Мне стало дурно. Должно быть, у меня на лице эти мысли отразились, но мама моё перекошенное лицо истолковала неверно.

– На самом деле в этом ничего страшного нет, – попыталась успокоить меня она. – У одарённых в семьях так ведь и происходит обычно, просто у вас как-то очень уж рано это проявилось.

Ну, я как бы и не против, это и в самом деле не так уж страшно, особенно по сравнению с другими возможными вариантами. Но надо иметь в виду, что с Силой шутить не стоит – свяжет тебя с козой, будешь всю жизнь бляять.

– Непонятно только, почему в вашей паре ты главный, – задумчиво сказала мама. – В таких парах обычно девушки ведут, они всегда сильнее. Может, потому что ты старше? – «Ага, на целых два месяца». – Всё равно, странно это.

Да ничего странного, мама. Я сильнее Ленки, а главное, моя взрослая психика гораздо лучше развита. Но опять же, тебе это знать совершенно незачем.

– Значит, так. Ты всё и сам понимаешь, а с Леной я поговорю. Ты за ней тоже приглядывай. Я подберу упражнения для начинающих, будете всерьёз заниматься. Игры свои не бросайте, это полезно, но если придумываешь игру, сначала показывай её мне. И чтобы посторонние ничего не видели, пока вы младшую школу не закончите.

– Я всё понял, мама, не беспокойся, – заверил её я. – А ещё мы Любомира встретили, он поклон передавал.

– Про Марьяну ничего не говорил?

– Сказал, что встаёт уже.

– Ну и славно, – мать покачала головой, – вот же дура баба. Вовремя бы в лечебницу пошла, её бы и класть не стали. Хорошо хоть додумались меня позвать, а так бы и померла. Ну ладно, иди уже, собирайтесь там ко сну.

Озадачила мать меня крепко, и ушёл я задумчивый. Если повспоминать наши с Ленкой отношения, то и в самом деле, они сильно выходят за рамки обычной детской дружбы или отношений брат-сестра. Взять хотя бы то, что она всегда тянется за мной, что бы я ни делал. И наоборот – Ленка любит рисовать, и я тоже увлёкся рисованием, хотя в прошлой жизни рисовал как курица лапой и к рисованию никакой склонности не испытывал. Тут я нервно прислушался к себе: нет, поиграть в куклы вроде не тянет.

Ну и, конечно, тот факт, что мы всегда вместе, и друг без друга чувствуем себя очень неуютно. Это уже серьёзное подтверждение, потому что обычно у брата с сестрой так не бывает, они, скорее, наоборот, постоянно ссорятся. У нас же я не то что ссор, даже каких-то споров не припомню. Видимо, надо и в самом деле привыкать к тому, что с будущей женой у меня уже сейчас полная ясность.

Хорошо это или плохо? С одной стороны, немного напрягает такая предопределённость. Но если посмотреть с другой, то среди аристократов вообще принято сговариваться о браке буквально с пелёнок, и ничего, живут, и нередко даже счастливо живут. Да и чем плохо, когда жена тебе абсолютно верна и разделяет все твои увлечения?

*

Только я лёг в постель, как в комнату с топотом ворвалась Ленка, запрыгнула ко мне и выдохнула: «Рассказывай дальше!». Каждую вечернюю сказку она ожидала с ужина и слушала её, затаив дыхание и тихо повизгивая от сладкого ужаса в самые напряжённые моменты. Храбрая девочка Лена, перенесённая ураганом с Валдая в волшебную страну, вместе с верными друзьями шла в Изумрудный город по дороге из жёлтого кирпича[1]. Идти ей предстояло долго – хотя в запасе были ещё Незнайка и Карлсон, вечеров впереди было много, и я был твёрдо настроен расходовать истории экономно.

[1 – Главный герой слегка адаптировал повесть А.М. Волкова «Волшебник Изумрудного города».]

*

Постепенно мама стала нагружать нас больше и больше. Минимум два часа в день нам приходилось заниматься скучными упражнениями на концентрацию и уплотнение Силы. К тому же добавились физические упражнения – мы стали вместе с мамой бегать по утрам. Пока только один круг вокруг квартала, но для шестилеток это было очень немало. Ленка капризничала и ворчала, но бежала дисциплинированно. Потом мы с пыхтеньем бежали в душ, а мама продолжала свои утренние двенадцать кругов.

Как-то раз за завтраком, мама как бы между делом сказала:

– Вам пора фехтованию учиться и всему прочему. Я договорилась насчёт учителей для вас, будете заниматься.

– А зачем нам фехтование? – удивился я.

– Как зачем? – в свою очередь, удивилась мама. – Ты же дворянин, тебя могут и на дуэль вызвать. С шести лет дворян и начинают фехтованию учить.

– А мне тоже надо? – влезла мелкая.

– Конечно. Ты ведь тоже дворянка. Я как тебя удочерила, так тебя сразу в реестр и вписали.

Это Ленку полностью удовлетворило. Ей по большому счёту было всё равно чем заниматься – главное, чтобы со мной вместе.

– Мама, я всё равно не понимаю, – для меня вся идея выглядела какой-то средневековой, что-то из кинофильма про трёх мушкетёров, – если, допустим, мы Владеющие, то зачем нам шпагой махать?

– Дворяне обычно не владеют Силой. Поэтому дуэли проходят только на шпагах, Силу использовать запрещено. Ты можешь быть хоть Высшим, но если фехтовать не умеешь, то про тебя будут говорить, что ты в коровнике своё дворянство выслужил. Ну и извиняться придётся всегда. Кто такого уважать будет?

Что-то сомневаюсь я, что можно так просто вызвать на дуэль кого-то из Высших. И даже если найдётся такой не в меру отважный идиот, совсем не факт, что этот вызов будет принят. В моём старом мире любой дворянин тоже теоретически мог вызвать на дуэль хоть министра, но практически он просто выставил бы себя клоуном. И это в лучшем для него случае, когда министр воспринял бы подобный вызов с юмором.

Впрочем, для ребёнка такие соображения выглядели чрезмерно умными, так что высказывать их я не стал, а вместо этого спросил:

– И что, вот так можно вызвать любого на дуэль и убить?

– Нет, конечно, серьёзный повод нужен. Дуэльный комитет решает, стоит ли повод дуэли.

Может заставить извиниться вместо дуэли или просто не разрешить. А дуэль до смерти очень редко разрешают, я такого и не припомню.

– Так ведь можно и случайно убить.

– Будут расследовать и до правды всё равно докопаются. Если действительно случайно, можно ссылкой отделаться, а если нарочно – казнят.

Чувствовалась продуманная система. Мне, как человеку двадцать первого века, дуэль всё равно казалась анахронизмом, но что-то в этом было.

– Мама, я вот ещё что спросить хочу, – нужно пользоваться случаем, раз уж мама разговорила, – а почему мы дворяне, если нас из рода изгнали?

– А это здесь при чём? – удивилась она. – Дворянства может только князь лишить, а ему на наши размолвки с родом плевать с высокой башни. Да даже если бы мы дворянами и не были – мне этой зимой на седьмой ранг сдавать, я Старшей стану. А это сразу потомственное дворянство.

– А что вообще дворянство даёт?

– Ну ты и спросил, – задумалась мать. – Даже не знаю, как ответить, чтобы тебе понятно было. Много даёт, и многого требует. Дворянин налоги не платит, правда, только личные. С предприятиями сложнее, я там и сама деталей не знаю. Недвижимость и землю дворянин покупает без ограничений. Ещё обычный суд его судить не может. Много чего ещё по мелочи.

– То есть как судить не может? – поразился я. – Убил мещанина и ходишь дальше спокойно?

– Примерно так, – мать засмеялась, – но не совсем. Обычный суд не может судить, зато Суд Чести может и судит. Но судят они по-разному. Вот представим, что мещанин на тебя в драку полез и тебя ударил, а ты его убил. Будь ты тоже мещанин, пошёл бы в тюрьму, а дворянина могут и оправдать. Или виру[2] небольшую заплатишь. Но только если он на тебя действительно напал. Ещё бывает наоборот, мещанин может годом тюрьмы отделаться за то же самое, за что дворянина казнят. Потому что тот дворянскую честь замарал.

[2 – Вира – мера наказания, обычно в виде денежного штрафа.]

– Ты ещё сказала, что дворянство многого требует?

– Многого, да. Должен князю служить, а если не служишь, обязан содержать того, кто вместо тебя будет служить. Если война, обязан воевать, откупиться уже не получится. Не можешь перепродажей заниматься, только своё производство. Не можешь деньги в рост ссужать, то есть акциями банка, к примеру, дворянину владеть неместно. Ну это тебе пока сложно понять, потом сам разберёшься, там много всего. Есть такая книжка, называется «Древо Чести Благородной», вам её ещё наизусть учить придётся.

– А Владеющие все дворяне?

– Нет, из простолюдинов многие отказываются от дворянства, когда ранг получают, – ответила мать. – Права-то все любят, а вот обязанности не всех устраивают. Но отношение к таким не очень хорошее, и уважения им сложнее добиться.

Здесь общество и без сословности оказалось совсем непростым. Например, я никак не мог понять даже такую, казалось бы, очевидную вещь, как отношения полов. С первого взгляда они представлялись довольно похожими на отношения в моём старом мире – женщины здесь в основном предпочитали заниматься семьёй, но женщины, занимающиеся карьерой, были не редкостью и никакого осуждения не вызывали. Ситуация, однако, сильно осложнялась, когда в рассмотрение включались роды. Непонятно было вообще, что именно делает род родом и чем род отличается от обычной дворянской семьи, но самое главное – каждый род управлялся Матерью рода. Означало ли это матриархат? Моя мать, выходец из рода, которую с детства готовили в Матери, никаких матриархальных привычек не проявляла. Напротив, она находила совершенно естественным, что, например, в семье наших слуг главой является мужчина. С другой стороны, она несколько раз отзывалась о мужчинах с изрядным презрением. Меня такая двойственность сбивала с толку, но я не представлял, как можно попросить разъяснить это, не выходя из образа ребёнка. Точнее говоря, не сильно выходя – мать, похоже, уже смирилась с моими вопросами, но всё же лучше было с этим не перегибать.

*

Прихватив у Арины по пирожку для себя и Ленки, я вышел во двор. Ленка во что-то играла с соседскими девчонками, и оттуда периодически доносился пронзительный визг. Отчего девчонки всегда так визжат? Идти туда не хотелось, и я, доев свой пирожок, принялся за Ленкин. Дверь гаража была распахнута настежь, а изнутри слышалось звяканье каких-то железок. Немного подумав, я решительно двинулся к гаражу.

Дядька Ждан, открыв капот маминой машины, что-то ковырял в моторе. Я подошёл вплотную, и встав на цыпочки, заглянул туда. Мотор выглядел странновато. Я не специалист в автомобильных моторах, но обычно могу распознать основные компоненты. Здесь же я не мог идентифицировать ничего, кроме собственно блока цилиндров.

– А что ты делаешь, дядька Ждан? – если непонятно, надо спрашивать. Тупые вопросы от ребёнка – это нормально.

– Техническое обслуживание делаю, – рассеянно отозвался дядька Ждан, сосредоточенно крутя какие-то болты. – Раз в полгода положено конвертор с сепаратором чистить.

Что-то не припомню я в двигателях внутреннего сгорания никаких конверторов. Да и с сепараторами тоже не вполне ясно.

– А что это такое?

– Тебе что, в самом деле интересно? – глянул он на меня. – Тебе же непонятно будет.

– Я пойму, – упрямо отозвался я.

– Ну смотри, могу и рассказать. Если скучно будет слушать, скажешь, – согласился дядька Ждан. – Ты же знаешь, что в машину надо спирт заливать, чтобы она ездил?

Знаю ли я, что в машину надо заливать спирт? Интересная концепция. Насколько я знаю, чаще спирт заливают в водителя. А в книжке про Незнайку, помнится, машины ездили на газированной воде с сиропом. Про газировку я всё же решил не упоминать.

– Только спирт можно? – вместо этого спросил я.

– В том-то и дело, что не только, – дядька взглянул на меня с уважением. – Что угодно можно, лишь бы хоть как-то горело. Ну, не совсем так, там немного сложнее. Но очень многое можно, хоть растительное масло. Вот для того, чтобы машина ехала нормально на чём угодно, и нужен конвертор.

Он замолчал, отвлѣкшись на закручивание очередного болта.

– Но госпожа Милослава не крохоборничает, мы всегда только спирт льѐм. У нас и чистить-то ничего не надо, я больше для порядка обслуживание делаю. А вот взять соседа нашего, Сиротина – самобег купил роскошный, всё в хrome, а льѐт туда ради экономии что попало. Водитель их, Фѐдор, рассказывал, что он как масло меняет, хозяин приказывает на отработанном масле ездить. Купчишки! – сплюнул Ждан с презрением. – Хоть миллион заработают, а всё равно за веверицу[3] удавиться готовы. Фѐдор говорил, каждые три месяца чистить приходится, грязь чуть не лопатой выгребает.

[3 – Самая мелкая монета, 1/12 векши.]

– А для машины всё равно, что ли, что туда заливают? – удивился я. – Ну, кроме того, что чистить надо.

– Нет, конечно, не всё равно. Человека ведь если всякими отходами кормить, здоровья ему это не добавит, верно? Вот и с самобегом то же самое. Просто Сиротин к тому времени свой самобег уже продаст, а покупатель и не поймѐт, что машина убитая, возраст-то у неё небольшой. Торгашу ведь обмануть в радость. Ему даже не деньги нужны, а надуть кого-то приятно.

– А сепаратор зачем?

– А когда топливо сгорает, дым-то чистить ведь надо? От спирта почти ничего не идѐт, а с отработанного масла знаешь, сколько вони будет? Вот сепаратор всякую пакость и отделяет.

– А без него машина ведь поедет?

– Поедет, только недалеко, – засмеялся дядька Ждан. – Дальше квартала не уедет, первый же

стражник остановит.

– И что потом?

– Для начала штраф. На второй раз большой штраф. А на третий раз суд будет. Ну, если как у нас, на чистом спирту ехать, то, может, и без сепаратора не остановят. Но всё равно нехорошо людей травить.

– А как они внутри устроены?

– Этого не скажу. Это же артефакты, их Владеющие делают. Я даже раскручивать не пробовал, не дай боги, сломаю. В хорошем самобеге, как вот в нашем, чуть не половина узлов артефактные, туда лезть не стоит.

Дядька Ждан захлопнул капот и любовно протёр его чистой тряпочкой.

– Всё понял-то? – с улыбкой спросил он меня.

– Многое, – уклончиво ответил я.

*

Весна уверенно начинала переходить в лето. Мы постепенно втянулись и в упражнения с Силой, и в утренние пробежки, и в занятия фехтованием три раза в неделю. Как-то за завтраком мама сказала:

– Кени, Лена, сегодня к концу моего дежурства подойдёте ко мне в лечебницу.

– А зачем? – удивился я. С процедурами у нас сейчас был плановый перерыв на три месяца, и мы только раз в пять дней пили довольно мерзкие на вкус коктейли.

– Попробуем хотя бы примерно измерить ваши характеристики силы, в лечебнице есть кое-какие приборы.

Замеры оказались довольно занудным занятием – удерживать шарик света на месте, гонять его по кругу, отбивать летящий шарик в указанное место и тому подобные упражнения, немного похожие на простейшие аркадные игры. Наконец, с замерами закончили, мама упаковала в сумку стопку заполненных бланков, и мы все двинулись домой. Обработывала мама данные несколько дней, что-то подсчитывая и рисуя графики, и в конце концов позвала меня в кабинет.

– В общем, по основным показателям результат такой, – мама достала исчириканную бумажку. – Плотность у Лены по второму рангу, у тебя немного больше, но тоже второй. Объём у обоих на первый ранг. Контроль у Лены двойка, а у тебя целая тройка.

– А это много или мало?

– Для шестилетних-то? Очень много, очень. Ненормально много. Для вашего возраста и первый ранг ненормально. А контроль у вас – это вообще что-то запредельное. Когда меня отлучили, я до четвёртого ранга откатилась. Со вторым-третьим рангом поступают в Академиум, четвёртый-пятый ранг – это выпускник Академиума, так что сам прикидывай. Но сейчас главное, чтобы развитие продолжалось, а то ведь бывает, что сначала всплеск, и на этом всё заканчивается. Вам никак нельзя останавливаться с тренировками. Если развитие затормозится, то потом его уже будет не разогнать.

В принципе, большой неожиданности в таком результате для меня не было – я уже давно пришёл к определённым выводам о причинах своего раннего развития. Главную роль сыграло моё видение Силы – хотя неясно, было ли это связано с памятью о коридоре света, или же такое видение было присуще всем младенцам. В пользу последнего предположения говорило то, что Лена тоже увидела Силу, но это могло быть и следствием нашей близости. В результате и раннее осознание себя, и тренировки с младенческих лет дали ожидаемый результат.

– А какой показатель самый важный?

– Смотря для кого. Для целителя главное контроль, вы уже сейчас могли бы помощниками целителя работать, если бы дар был, конечно. Хотя для целителя ранг вообще мало значит, главное, дар иметь. Мой наставник всего седьмой, но считается одним из сильнейших. Для воина важнее объём и плотность. Для ремесленника – контроль и немного плотность. – Мама пристально на меня посмотрела. – Кени, ты понимаешь, что всё это не делает вас Владеющими?

– Понимаю. Знания и опыт нужны.

– Хорошо, что ты это понимаешь, – улыбнулась мама. – Умный ты у меня.

– Мне приходится быть умным, – пробурчал я, – у меня две женщины на руках.

Мама захохотала, схватила меня в охапку, и начала тискать.

– Ну что такое! – возмущённо завопил я. – Что за привычка меня тискать, как игрушку!

– Ладно, ладно, не сердись, больше не буду. Очень уж трудно удержаться. – Мама поцеловала меня в макушку. – А Леночке лучше про результаты не говори – ты-то посерьёзнее, а она совсем ещё ребёнок, может и похвастаться перед кем-нибудь.

Глава 2

Лето постепенно шло к концу, и нагрузки у нас ещё прибавилась. Стало больше физических упражнений, и к тому же мы начали заниматься развитием эмпатии. Как сказала мама: «Это мало у кого получается, но у вас может выйти, хотя бы друг с другом». Разные тренировки занимали заметную часть нашего времени, и в конце концов мать вспомнила о развлечениях, здраво рассудив, что дети не могут непрерывно учиться. В один из выходных она заявила:

– Сегодня поедem в визион.

– А что это?

– Я знаю, – влезла Ленка. – Марта с Гертой там были, хвастались. Они вообще задаваки.

– И что там? – спросил я.

– Долго объяснять, – она снисходительно махнула рукой. – Сам увидишь.

Всё ясно – сама толком не поняла, о чём девчонки хвастались. Мать прятала улыбку.

Визион оказался чем-то вроде пафосного кинотеатра. Бархат и позолота, дети с родителями сидят за столиками, официанты разносят закуски и напитки. Всё включено в стоимость билета, заведение явно не для бедных. Я ожидал чего-то грандиозного, однако всё оказалось гораздо проще – на большой экран проецировалась картинка, чтец зачитывал текст, всё это сопровождалось игрой на клавире[4]. Потом картинка менялась. Я был совершенно разочарован, но очень скоро мне пришлось изменить своё первоначальное мнение. Стоило только внимательно всмотреться и вслушаться, как всё преображалось. Картина на экране приобретала выпуклость и цвет, наливалась жизнью и буквально затягивала в себя зрителя. Создавалось полное ощущение присутствия – цвета, звуки, запахи, всё давало чувство реальности повествования. Это больше не было статичной картинкой на экране – я действительно стоял в настоящем летнем лесу, а другие зрители ощущались как что-то неясное где-то на грани восприятия. Какая-то магия здесь, несомненно, присутствовала.

[4 – Клавишный музыкальный инструмент, похожий на фортепиано.]

Маленькие зрители, включая Ленку, были в полном восторге. Давали героическую историю, где звери защищали свой лес от подлых захватчиков, в роли которых выступали довольно отвратительного вида свиньи в каких-то тевтонских шлемах. Псов-рыцарей, то есть свиной-рыцарей, в конце концов с позором изгнали, вызвав у публики бурное ликование.

Жаль, что этот мир ещё не дорос до братьев Люмьер, представляю, какое потрясающее тридэ сделали бы здесь из обычного фильма. Изобрести синематограф, что ли – попаданец я или тварь дрожащая[5]? Вот только не знаю, как эти самые киноплёнки устроены, а то непременно ошарашил бы местных продвинутой технологией.

[5 – Главный герой переименовал фразу из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».]

Надо сказать, что я много времени посвятил раздумьям о перспективах прогрессорства. Дело в том, что хотя с первого взгляда и казалось, будто я получил немало роялей из кустов, каждый мой подарок был, как бы это сказать, слегка с гнильцой. Мать – аристократка, но изгнанная, с другими аристократами контактов не поддерживает, и к тому же в плохих, если не сказать враждебных отношениях с Матерью сильнейшего рода. Вхождению в столичное общество это, мягко говоря, не способствовало. Да, моя семья обеспечена, но эта

обеспеченность базируется исключительно на личных доходах матери. Довольно больших доходах, но случись с ней что-то, и всё благополучие растает как дым. То есть деньги у семьи водятся, а вот состояния нет. С моей силой вопрос также не совсем ясен – развитие, в принципе, может остановиться в любой момент, а мой текущий уровень не дотягивает даже до минимального ранга Владеющего. Конечно, родился я в крестьянской семье, ситуация была бы не в пример хуже, но всё же понимание, что карета в любой момент может превратиться в тыкву, порядком нервировало. Мне хотелось бы иметь более надёжную основу.

Использование изобретений моего старого мира просто напрашивалось, но в конечном итоге мне так и не удалось придумать, как извлечь из этого хоть какую-то пользу. Мелочи вроде замка-молнии или складного ножа здесь благополучно придумали и без умного меня. Что-то же посерьёзнее выглядело совсем безнадёжным. К примеру, я неплохо знал устройство биполярного транзистора, но был не в состоянии превратить это знание в комплект технологической документации. К тому же производство полупроводников базировалось на огромном числе непростых технологий, начиная от зонной плавки и кончая фотолитографией, которые, в свою очередь, основывались ещё на чём-то и так далее. Развить целую группу отраслей было далеко за пределами возможностей одного человека, даже если представить, что найдётся сумасшедший, готовый эту безумную затею профинансировать.

Однако и более-менее подходящие под текущий технический уровень вещи также не выглядели перспективными. Например, я в общих чертах представлял себе устройство дизельного двигателя, но не знал устройства многих важнейших частей, да и вообще мои познания были на уровне картинки из популярной книжки. Всё то, что я знал, легко мог придумать любой инженер-двигателист. Единственным моим преимуществом было точное знание, что это направление не тупиковое, но заинтересовать нужных людей голой идеей было совершенно нереально, а изготовить хотя бы действующий макет было не в моих силах, и я это осознавал с полной ясностью.

В конце концов я пришёл к выводу, что идея прогрессорства – это полный бред, годный лишь для написания фэнтези. Каждый мир развивается по собственному пути; если какое-то изобретение находится в рамках этого магистрального пути, его сделают и без попаданца. Можно вписаться и снять немного сливок, но для этого слишком многое должно совпасть: запрос общества на нововведение, достаточно полные знания именно по этому вопросу, а главное, способность убедить нужных людей, что ты можешь выдать реальный и востребованный продукт. Или же нужно быть одновременно гениальным организатором, гениальным финансистом и гениальным инженером. Может быть, такие люди и существуют, но это явно не мой случай.

Окончательно меня убедило в этом выводе знакомство с местной авиацией. Сначала я считал, что воздухоплавание здесь представлено лишь медлительными грузовыми и грузопассажирскими дирижаблями. Но однажды в выходной мать взяла нас на аэродром смотреть демонстрационные полёты, и я с большим удивлением обнаружил, что авиация тяжелее воздуха в этом мире всё-таки присутствует. Здешние самолёты представляли собой

«рус фанер» в самом примитивном варианте, и были дорогой игрушкой для экстремальных спортсменов, примерно как мотодельтапланы в нашем мире. О пассажирской авиации речи не шло вообще – мать порядком удивилась моему вопросу, заявив, что сразу столько сумасшедших найти будет слишком сложно.

Подумав немного, я понял, что причина здесь в отсутствии военной авиации. В нашем мире именно она обеспечила отработку технологии и позволила в конце концов создать более или менее надёжные летательные аппараты. Лишь потом они начали постепенно внедряться в гражданскую жизнь. Но когда я завёл с матерью разговор о том, что можно с высоты бросать на врага что-нибудь взрывающееся, вроде бочонка с порохом, она снисходительно потрепала меня по голове и объяснила глупому малышу:

– Понимаешь, Кени, даже я, целитель, совершенно невоенный человек, легко сниму эту тарактелку с любой высоты. Например, создам у неё перед носом локальное разрежение Силы. Техника плохо выдерживает резкие перепады Силы – у неё или мотор заклинит, или крылья отвалятся, или ещё что-нибудь сломается. А тому, что она сбросит, я не дам даже до земли долететь.

Авиация была хорошим примером того, как условия мира предопределяют путь его развития. Кстати, позже я понял, что идея с транзисторами тоже была нежизнеспособной – хотя простые и грубые технические конструкции в этом мире работали, что-то более сложное сбило из-за естественных колебаний поля Силы. Заставить надёжно функционировать приборы, основанные на квантовых эффектах, такие, как полупроводники, было практически невозможно.

На том и закончились мои мечты двинуть этот мир по пути его прогресса и моего процветания. Разумеется, если подвернётся возможность «изобрести» что-то простое и востребованное вроде замка-молнии, я такой возможностью непременно воспользуюсь. Но как основа для обустройства моей жизни прогрессорство явно не подходило.

В целом, этот мир местами производил очень странное впечатление смеси времён. Помнится, меня просто потрясла огромная телега, которую тащил здоровенный битюг, но при этом колёс у телеги не было, и она парила над землёй на уровне полуметра. Мир в чём-то напоминал девятнадцатый век, но девушки ходили в мини-юбках, а одежда и поведение людей были скорее характерны для моей прошлой современности. Автомобилей – причём примитивных – было довольно мало, мобильных телефонов не было вовсе, но при этом люди жили лет до ста пятидесяти, рак лечился амбулаторно, и даже в бедных кварталах на лицах не было печати безнадёжности. Какой мир я бы предпочёл, будь у меня такой выбор? Не уверен, что свой...

*

Летом произошла ещё одна история, которая немного добавила мне понимания этого мира. Мы с мамой поехали за покупками, а Ленка осталась дома одна. Представившейся возможностью она решила воспользоваться на полную. Взгромоздив на стул табуретку, она залезла в шкаф и вытащила баночку земляничного варенья, но не смогла удержать её в руке.

Банка упала и разбилась. Ленка в панике сбежала в свою комнату, а когда мы вернулись, и началось разбирательство, выдала дичайшую историю про землетрясение (мы как раз только что прочитали детскую книжку про вулканы и землетрясения), от которого дом шатался, и банки с вареньем вылетали из шкафов. Тот факт, что на кухне так и осталась стоять конструкция из стула и табуретки, рассказчицу не смутил.

Я до этого никогда не видел маму такой сердитой. Ленку она отругала так сурово, как не ругала нас никогда. Та перепугалась и зарыдала. Тут, наконец, и пробудилась эмпатия – на меня нахлынула такая волна детского горя и отчаяния, что я кинулся её утешать. Мама следом. Ленке для утешения была выдана другая баночка с вареньем, которое она ела, шмыгая носом и размазывая по лицу слёзы пополам с вареньем.

Когда она, наконец, успокоилась, мама принялась ей объяснять:

– Понимаешь, Леночка, мне не жалко для тебя варенья. Если бы ты не начала врать, я бы тебя и ругать не стала. Тебе нельзя говорить неправду никогда, даже в мелочах. Будешь врать – потеряешь силу, станешь бездарной.

– Как такое может быть? – тут уже удивился я. – Сила что, следит за этим?

– Нет, Силе до этого дела нет. Тут другое. Когда ты управляешь Силой, у тебя должна быть полная уверенность, что всё получится. У Владяющего каждое действие и каждое слово есть абсолютная истина, в которой не может быть никаких сомнений. Говоря неправду, ты подрываешь свою уверенность. Ты начинаешь приучать себя к мысли, что твоё слово может быть не истиной, а просто пустым звуком, понимаешь?

– То есть Владяющий всегда говорит только правду?

– Я думаю, Высшие – всегда, ложь им слишком дорого обойдётся. Если Высшая тебе что-то сказала, можно смело считать, что это правда. Но там надо, наоборот, смотреть, что она не сказала. Врать она не станет, но она может умолчанием подвести тебя к какой-то мысли. Есть много способов заставить человека самого себя обмануть. А низкоранговые, конечно, могут иногда и соврать. Не все же хотят развиваться – это сложно, надо много работать, а каждый следующий ранг даётся всё тяжелее. Вот такой находит себе тёплое место, и всё, ему больше ничего не надо, у него всё хорошо. Но есть всем известный факт – тот, кто врёт, хоть иногда, хоть в мелочах – никогда не поднимется высоко. Не хотите говорить правду – лучше просто молчите.

После этого события у меня немного сдвинулось дело с эмпатией. Точнее, я начал понимать, как она работает. Чужие эмоции воспринимаются как свои, и самое сложное было в том, чтобы определить, что это наведённые эмоции, отделить их от своих, и проанализировать их как бы со стороны, отстранившись. Главная трудность с тренировками состояла в том, что эмоции должны были направляться на меня, и быть достаточно сильными. Равнодушие не генерировало ничего и никак не определялось. Сильные чувства у окружающих получалось вызывать редко, так что дело продвигалось медленно. Возможно, на более высоком уровне владения эмпатией можно будет определять и ненаправленные эмоции, но пока до этого

было очень и очень далеко.

*

Так незаметно прошла осень, а потом и зима. Минули и наши дни рождения – мне мама подарила отличный складной нож, а Ленка получила какую-то особенную куклу, по которой она сохла последние месяца три. К учителю фехтования добавились учителя танцев и этикета, а немного попозже – музыки и рисования. Мы постепенно втянулись в учёбу и привыкли к своей постоянной занятости. Свободное время у нас, конечно, тоже было, но именно по принципу «делу время, потехе час». Для этого мира такое считалось совершенно нормальным – дети очень рано начинали помогать взрослым, а если семья была богатой, и помогать не требовалось, то они были постоянно заняты учёбой и тренировками. Огромный контраст с моим родным миром, где нормой было сунуть ребёнку планшет, чтобы не донимал родителей, и тот часами пялился в него, играя или смотря мультики.

Как-то мы шли домой из кондитерской, в которую регулярно ходили за Ленкиными любимыми сливочными тянучками. На перекрёстке с узкой аллейкой нас перехватила группа из пяти пацанов лет восьми-девяти.

– Так, насекомые, ну-ка быстро сюда подошли! – скомандовал вожак.

Гопы дворянского квартала, ну надо же! Мы подошли, и я немедленно выдал главному отличный джеб. Брызнула кровь из разбитого носа, и я добавил прямой правой в челюсть. Ленка сориентировалась мгновенно, и молодецким пинком по яйцам вывела из игры ещё одного – нет, вот откуда что берётся, а? Где она могла научиться так ловко проводить операцию по смене пола? Хочется верить, что не у мамы в лечебнице, там должно быть погуманнее. Тем временем мне прилетел хороший удар в глаз, и я слегка потерял ориентацию. Ленка с умеренным успехом отмахивалась сразу от двоих, похоже, её сочли самой опасной. Хотя мы были заметно сильнее и быстрее своих сверстников, тут силы были явно неравны, и исход боя выглядел predetermined. На наше счастье, раздался свисток стражника, и бой сразу же прекратился. Пацаны кинулись вглубь аллейки, и даже несчастный трансгендер поднялся и торопливо заковылял следом. Мы тоже не стали ждать карающей руки закона и рванули в другую сторону.

Ввалившись домой, мы сразу наткнулись на маму. Таких больших глаз у неё я ещё не видел. Из кухни высунулась Арина и тоже застыла с открытым ртом.

– Вы что, друг с другом подрались? – наконец, с изумлением спросила мама.

Мы посмотрели на одинаковые фингалы друг у друга и начали хохотать.

Позже Ленка спросила:

– Ты почему сразу драться полез?

– А ты разве не почувствовала, что он злится и хочет поиздеваться? Они бы в любом случае

нас бить начали, так чего было ждать?

– Нет, ничего не почувствовала. Я там сама вдруг разозлилась.

– Это не ты разозлилась, это ты его злость почувствовала. Надо учиться отделять свои чувства от чужих. Постарайся запомнить, как чужие чувства выглядят и не давай им себя запутать.

Ленка задумалась.

– А можно ведь было и убежать.

– Девушка, вы не из коровника дворянка?

Ленка захихикала и начала на меня наскокивать и пихаться. На том и закончилась эта история, но вскоре она получила неожиданное продолжение.

*

На следующий день на прогулке мы опять наткнулись на квартального.

– Ого! – удивлённо воскликнул Любомир. – Это кто же вас так разукрасил?

Надо сказать, что мама наотрез отказалась лечить наши синяки, заявив, что она мирный целитель, и боевые ранения не её специализация.

– Пустяки, – я махнул рукой. – Мы разобрались.

– А победил-то кто?

– Да что-то вроде ничьей вышло.

– Ну да, Мирон так мне и докладывал: бились, мол, они как львы, но вынуждены были отступить, – Любомир откровенно ухмылялся. – А что же так-то?

– Умения не хватило, – пояснил я. – Нас драться не учат – только танцы, музыка, всё такое.

– А зачем вам уметь драться? Вы же дворяне.

– Так это вдвойне нехорошо, когда дворянина какая-то мелкая шушера бьёт.

– И то верно, – засмеялся Любомир. – Ну я вам тогда вот что скажу. Брат мой, Данислав, держит школу для ратников вольных отрядов. Детей он тоже учит, но берёт редко, только от друзей-знакомых. От меня возьмёт, конечно. Если мать уговорите. И сами крепко подумайте, там трудно учиться.

– Спасибо, дядька Любомир! Посмотрим, что получится...

*

Было совершенно ясно, что Ленка потянется за мной, так что принимать решение следовало вместе.

– Лен, давай подумаем, нужно ли нам учиться драться. Я один не хочу решать.

– А сам что думаешь? – рассеянно спросила она, исправляя какую-то неправильность в наряде куклы.

Вопрос действительно был неоднозначным. С одной стороны, Владеющим умение драться вроде и ни к чему. К тому же свободного времени у нас не так уж много, и добавить к нашим занятиям ещё и школу Данислава – значит урезать его ещё больше. Даже мне, ребёнку с психикой взрослого, нелегко жить в таком ритме – детский организм накладывал свои ограничения.

С другой стороны, Владеющими мы фактически станем только после семнадцати лет, когда достигнем второго, полного совершеннолетия. До тех пор нас просто не станут учить ничему серьёзному – и, кстати, совершенно правильно. Пока будущий Владеющий не научится ответственно и с полным контролем использовать свои способности, ему доступны лишь безобидные упражнения по развитию и контролю Силы. То есть как минимум до этого времени любой хулиган может практически безнаказанно настучать нам по физиономиям. К тому же я, как взрослый и поживший человек, прекрасно понимал, что в бою сила не главное. Дай ботану любую силу, и его всё равно будут тиранить все кому не лень. Чтобы стать воином, нужно с детства вырабатывать в себе воинский дух, а романы, где ботан-программист переносится в другой мир, сразу становится великим магом и начинает нагибать окрестные народы – это всего лишь мечты конкретного ботана, с реальной жизнью никак не связанные.

Здесь стоит упомянуть, что рассказ нашей мамы про права и привилегии дворян был совершенно верным, однако существовало множество нюансов, которые порой сильно меняли ситуацию. В частности, несмотря на сильную сословность общества, оно было довольно демократичным, главным образом за счёт работающего механизма социальных лифтов. Сословное обучение, вроде английских закрытых школ, активно не поощрялось – судя по всему, князь справедливо полагал, что закукливание сословий ведёт к застою и загниванию общества в целом. Конечно, в той младшей школе, куда мы вскоре пойдём, дворян было много, а в школе в каком-нибудь рабочем районе их не было вовсе, но тем не менее в целом никакой сегрегации не наблюдалось.

Всё это приводило к довольно любопытному эффекту – дворянские дети вели себя скромно и своё дворянство не выпячивали. Ведь что мог сделать дворянский отпрыск, если мещанский сын с ним подрался или даже просто набил морду? Теоретически он мог подать жалобу в суд Чести, после чего мещанину, возможно, пришлось бы несладко. На практике это означало бы позор, постоянные насмешки и ущерб для репутации на всю оставшуюся жизнь. Так что умение начистить обидчику грызло для дворянских детей внезапно оказывалось совсем не лишним. И для дворянок тоже – девочки здесь, особенно одарённые

девочки, росли активными, и даже близко не были безобидными ромашками.

– Я думаю, нам стоит поучиться. Понимаешь, если мы...

– Да согласна я, согласна, – отмахнулась Ленка.

– Что, вот так сразу? – я не понял такой сговорчивости.

– Ты же мужчина, вот ты и решай.

Ага, замечательная позиция – ты решай, ты и будешь виноват, если что. Так-то все женщины этим приёмом пользуются, но эта молодая какая-то очень уж ранняя.

*

Разговор с матерью я начал издалека.

– Как-то даже стыдно с синяками ходить. Сегодня Любомира встретили, ухмылялся. Просто позор какой-то...

– Сводить синяки не буду, – отрезала мать, не поднимая глаз от журнала.

– Да я не про то, – махнул я рукой. – Сам не хочу к тебе с каждой царапиной бегать.

– А про что? – мать слегка заинтересовалась.

– Может, нам стоит немного поучиться? Это же, наверное, не в последний раз, придурков-то хватает.

– Давай ближе к делу, не ходи кругами, – мать, наконец, отложила свой журнал.

– Любомир говорит, у его брата хорошая школа, – я пожал плечами с безразличным видом. – Можно было бы походить.

– А зачем вам это вообще? Вы Владеющими будете – чем вам поможет умение в морду дать?

– Ну, во-первых, Владеющими мы станем очень нескоро. А во-вторых, умение драться и для Владеющего полезно.

– В чём польза-то? Что-то я не слышала, чтобы Владеющий победил противника кулаками.

– А я вот не слышал, чтобы кто-то победил, отжимаясь на поле боя. А ратников почему-то отжиматься заставляют. С кулаков ведь и начинают учиться.

– Знаешь, Кени, – мать вздохнула, – мне не нравится вот эта твоя направленность на сражения. Ещё и Леночка за тобой тянется.

– Думаешь, не придётся?

– Мне бы не хотелось.

– Мне бы тоже не хотелось. Но если вдруг придётся, не хочу быть беспомощным телёнком.

Мать задумалась, смотря куда-то в неведомые дали.

– Ты как-то очень уж быстро превращаешься из ребёнка в мужчину, – наконец, сказала она с лёгкой печалью в голосе. – Ну хорошо, от меня что требуется?

– Твоё согласие, – начал перечислять я. – Оплата обучения. Не знаю, что там ещё потребуется, форма может какая-то.

– Хорошо, – кивнула мать. – А скажи-ка мне вот что: ты понимаешь, что потом отыграть назад не получится, и вам придётся заниматься там до конца? Владеющий не может менять свои решения, как флюгер. Если решение принято, оно должно быть исполнено. Иначе придётся силой расплачиваться.

На мгновение стало страшновато, даже мурашки пробежали. Очень нелегко привыкнуть, что слово здесь весит так много. Пусть это всего лишь слово семилетнего ребёнка. Но отступить я не собирался, да и не для этого разговор затевал.

– Я всё понимаю и решения не изменю.

– Значит, решено, – отрезала мать. – Скажи Любомиру, пусть договаривается.

*

Данислав Лазович имел суровое, словно высеченное из камня, лицо и ледяные глаза. Двигался он очень плавно, и в целом производил впечатление чрезвычайно опасного человека. Ленка на всякий случай спряталась за меня и осторожно выглядывала из-за моего плеча.

– Госпожа Милослава, – поклонился он матери.

– Почтенный Данислав, – мать кивнула в ответ. – Благодарю вас за то, что нашли возможность заниматься с моими детьми.

– Это самое малое, что я могу сделать для вас, – ответил он. – Наша семья у вас в долгу.

Мать с достоинством кивнула. Всё же аристократическое воспитание чувствуется сразу – я, во всяком случае, старый-я, – обязательно начал бы мямлить какую-нибудь чепуху вроде «да не за что» или «так поступил бы каждый», и неизбежно потерял бы лицо. Интеллигенту крайне сложно сохранить достоинство, пытаясь на равных разговаривать с человеком с такой явной и буквально давящей аурой опасности – слишком уж он отличается от привычно-уютной академической публики. Мне бы очень хотелось, чтобы моя интеллигентность осталась там, в сияющем коридоре, вместо утерянных и наверняка важных воспоминаний. Но к моему огромному сожалению, я сохранил её полностью, ну или почти

полностью; приходилось буквально по капле выдавливать из себя интеллигента[6]. Надо сказать, что у Ленки эта проблема отсутствовала совершенно – она была аристократкой, во всём вела себя, как аристократка, и никакой двойственностью, в отличие от меня, не страдала. Старая память — это не только костыль, но и груз.

[6 – Главный герой перефразировал известное выражение А.П. Чехова.]

– Нужно ли что-то приобретать дополнительно? – спросила мать.

– Не беспокойтесь об этом, госпожа. Мы сами снабжаем учеников всем, чем нужно, дополнительные расходы будут просто включаться в ежемесячный счёт. Однако я попросил подойти сюда нашу лекарку, возможно, у неё будут какие-то рекомендации.

– Я должна подчеркнуть один момент, – сказала мать. – Мне хотелось бы, чтобы дети занимались по полной программе и получили полный объём знаний и навыков. Без скидок.

– Разумеется, госпожа, – кивнул Данислав. – Я сам буду заниматься с вашими детьми. Скидок не будет.

– Насколько я знаю, вы служили в «Волках Севера», почтенный? – мама вопросительно посмотрела на Данислава.

Мама явно навела справки – до этого она точно ничего не слышала про брата Любомира. В общем-то, этого следовало ожидать.

– Именно так, госпожа. Прошёл путь от кадета до тактического офицера. Потом семь лет служил старшим инструктором отряда по боевой подготовке. Пять лет назад открыл школу.

– Достойный путь, – кивнула мама.

Дверь открылась, и в комнату вошла молодая женщина. На мгновение задержав на маме взгляд, она склонилась в поклоне:

– Госпожа Милослава.

– Мы знакомы? – вопросительно подняла бровь мать.

– Односторонне, – улыбнулась та. – Я посещала ваши лекции по коррекции аномального онтогенеза[7]. Позвольте представиться: Анна Бехтева, лекарка, четвёртый ранг.

[7 – Онтогенез – процесс развития организма начиная с момента оплодотворения.]

– Рада знакомству, госпожа Анна, – кивнула мама.

– Не думаю, что вы нуждаетесь в моих скромных советах, госпожа, но на всякий случай скажу: детям мы обычно рекомендуем минерализованные коктейли по стандартному укрепляющему курсу А-1.

– Я делаю своим детям процедуры полного курса Тоффеля.

– Полного? – брови у лекарки поползли вверх. – Впрочем, чему я удивляюсь. Полагаю, по физическому развитию они соответствуют детям примерно на год старше?

– Да, примерно так, – согласилась мама.

– А скорость реакции?

– Повышенная, но за пределы базового диапазона пока не вышла. Можно не учитывать.

– В таком случае я не вижу никаких проблем, – сказала Анна. – Позвольте вручить вам наши рекомендации по домашним упражнениям – возможно, вы захотите как-то объединить их со своей программой. Если у вас, госпожа, нет ко мне вопросов, то позвольте вас покинуть.

Дальше последовали снятие мерок и краткая экскурсия по школе. На том посещение и закончилось; через неделю для нас изготовят форму и защиту, а ещё через несколько дней наша новая группа начнёт заниматься.

*

Как правило, я старался задавать как можно меньше вопросов, чтобы не выпадать из образа ребёнка. Да, дети часто фонтанируют вопросами вроде «мама, а почему небо голубое?», однако подобные темы меня интересовали слабо – почему небо голубое, я прекрасно знал и сам, а вот насчёт матери, кстати, совсем не уверен. Вопросы, которые меня интересовали в первую очередь – структура власти в княжестве, разделение полномочий, судебная практика, и тому подобные, – от семилетнего ребёнка выглядели бы странно, и задавать их следовало крайне осторожно.

В качестве отступления замечу насчёт судебной практики – изучив вопрос по доступным мне обрывочным источникам, я выяснил, что мать дала мне сильно упрощённую картину. Кроме Мещанского суда и суда Дворянской Чести, существовал также Круг Силы, который разбирал дела и споры Владеющих, а также Княжеский суд. Причём разделение полномочий между ними было довольно запутанным – например, в зависимости от конкретных обстоятельств, я мог попасть под юрисдикцию любого из этих четырёх судов. Существовали и другие суды, например, Гильдейский, который ведал тяжбами купцов, но с ними я вряд ли мог пересечься. Судопроизводство было весьма сложным – некоторые суды руководствовались сводом законов, причём у каждого своим, тогда как другие использовали прецедентное право. Словом, это был рай крючкотвора.

Сегодня как раз представился подходящий случай прояснить давно интересовавший меня вопрос:

– Мама, а вот госпожа Анна – она лекарка, а ты целительница. Это одно и то же?

– Нет, Кени, это совсем не одно и то же. Это довольно сложно объяснить в двух словах.

– Объясни в трёх, – предложил я.

– Ну хорошо, – засмеялась мама, – тогда слушай. Ты ведь знаешь, что техника плохо работает там, где высокая концентрация Силы, или где колебания Силы слишком велики?

– Знаю, – согласился я, – ты рассказывала.

– А знаешь, почему люди и животные себя там прекрасно чувствуют? Потому что живые клетки стабилизируют поле, прямо воздействовать на них Силой практически невозможно. Так вот, дар целителя как раз и состоит в том, что он может своей силой воздействовать на организм напрямую. Проще говоря, он может как бы обмануть организм больного и прикинуться его частью.

– А лекари?

– А лекарю нужно сделать разрез и залезть внутрь, чтобы что-то там исправить. И даже так он силу обычно использует не напрямую, а чтобы сделать сложный разрез, или пережать артерию, или ещё что-то. Ещё лекари используют алхимию, она очень эффективна, особенно когда делается под конкретного больного. Лекари, вообще-то, многое могут, но до целителей им очень и очень далеко.

– А кого больше – лекарей или целителей?

– Лекарей много, они в основном и лечат. Целителей очень мало. В нашей лечебнице их трое, но это центральная лечебница княжества, к нам со всего княжества сложных больных привозят. В большинстве лечебниц ни одного нет. Ты же изучал большие числа? Знаешь, что такое миллион?

– Конечно, знаю, – оскорбился я.

– Вот смотри: в княжестве тридцать шесть миллионов жителей. На всех них приходится тридцать четыре младших целителя и девять старших. Причём старшие лечат редко, а больше наукой занимаются. Сможешь сам прикинуть, сколько жителей на одного целителя приходится?

– Тысяч девятьсот, да? – прикинул я.

– Ну, наверное, так. У меня с арифметикой не очень, – засмеялась мама. – Я лучше тебе поверю.

– Так что получается – ты можешь издали сердце у человека остановить?

– Нет, не могу. Надо же сначала настроиться на организм. Это не сразу делается, и надо при этом человека касаться. Но знаешь, мне не обязательно сердце останавливать. С седьмым рангом я могу не хуже любого боевика, например, каменный шип в сердце воткнуть. Остановит ещё надёжнее.

Я вспомнил ещё один интересный вопрос:

– А ты можешь сделать так, чтобы у человека дар появился?

– Нет, конечно, – мама даже удивилась вопросу. – Дар – это свойство души, а мы душу даже почувствовать не можем, не то что изменить в ней что-то.

– А боги?

– Боги? – мама задумалась. – Скорее всего, тоже не могут. Во всяком случае, я не слышала, чтобы боги кого-то наделили даром. Вот Сила может, так она и считается сущностью более высокого порядка. Хотя, если подумать, ещё неизвестно, наделяет ли она даром, или просто помогает дару развиваться до его естественного предела.

– А какие ещё сущности есть?

– Если какие-то и есть, в нашем мире они себя не проявляли.

– В «нашем мире»? А другие миры существуют? – спросил я с безразличным видом, но пульс ускорился.

– Может да, может нет, – мама пожала плечами. – Какой смысл гадать о том, что мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть?

Ну, положим, я могу подтвердить, но мне-то другое интересно.

– А боги вообще существуют?

– Не поняла, – мама выглядела слегка сбитой с толку. – А куда бы они делись?

– Ну, в смысле, кто-нибудь их видел?

– Да много кто видел. Я, например, видела.

Мама правильно поняла моё изумлённое лицо и пояснила:

– Всех новых целителей Жива благословляет лично. Меня тоже благословила, когда меня в целители посвящали.

Вопросов у меня сразу возникло бесчисленное множество, но маме явно надоело просвещать любопытного ребёнка:

– Всё, хватит уже разговоров. Идите с Леной книжку почитайте и ложитесь спать.

Оказывается, здесь есть настоящие боги, которые спускаются со своих Олимпов и ходят среди людей, как в мифах Древней Греции! Впрочем, сейчас я бы не рискнул называть их «мифами». Мир сразу стал выглядеть гораздо менее уютным – мне сложновато понять, как

жить и вести себя в мире, где легко можно встретиться с богом.

*

Я проснулся оттого, что на меня кто-то запрыгнул с разбега. Впрочем, почему «кто-то»?

– Ленка, ты чудовище! – простонал я, пытаюсь восстановить дыхание.

– А ты засоня, – презрительно откликнулась она. – Просыпайся, мама уже на пробежку собирается.

Я кое-как открыл глаза. Ленка сидела на мне, умытая и свежая, но ещё растрёпанная после сна.

– Давай быстрее вставай и умывайся. Только сначала причеши меня.

Ленка млела, когда я расчёсывал ей волосы, мне тоже это ужасно нравилось, так что как-то незаметно это превратилось в мой священный долг и почётное право.

– Косички заплетать? – спросил я, закончив с расчёсыванием.

– Некогда, сделай просто два хвостика.

Едва дождавшись окончания, она рванула на выход, крикнув на бегу: «Догоняй, копуша!».

Когда я вышел на улицу, женщины как раз заканчивали первый круг. Мама с иронией посмотрела на меня, когда я пристроился к ним, но говорить ничего не стала. На следующем круге Ленка отвалилась и побежала в душ, а я остался ещё на круг.

За завтраком мама спросила:

– Вы помните, что сегодня первое занятие у Данислава? Не жалеете ещё, что затеяли это?

Ленка незаметно поёжилась. Данислав её пугал.

– Не понимаю, о чём ты говоришь, мама, – с напускным удивлением сказал я. – Что решено, то решено.

Мама хмыкнула, и дальше завтрак протекал в молчании.

*

Форма представляла собой широкие штаны, и куртку без пуговиц, но с поясом, который просто оборачивался вокруг талии несколько раз. Это было очень похоже на кимоно для восточных единоборств – ну, насколько я помню эти самые кимоно.

Ленка судорожно сжала мою руку.

– Ты что так боишься? – спросил я её шёпотом.

– Не знаю, – ответила она тоже шёпотом. – Страшный он какой-то.

Тут я её понимал – Данислав просто излучал опасность, и, по правде сказать, мне возле него тоже было немного не по себе.

– Не бойся, – прошептал я, – я тебя в обиду не дам.

Ленка хихикнула и немного расслабилась.

Так и дошли до тренировочного зала, Данислав был уже там. Завидев нас, он подошёл и принялся внимательно нас рассматривать. Я сделал равнодушное лицо. Ленка мельком глянула на меня и тоже надела маску скучающей аристократки. У Данислава на лице мелькнула мимолётная улыбка, и он сказал:

– Ко мне обращаться: «наставник». Всё понятно?

– Да, наставник, – ответил я.

– Да, наставник, – пискнула Ленка.

Данислав кивнул.

– Вижу, поладим. Пока собирается остальная группа, поглядим, что вы можете.

Минут пятнадцать мы прыгали, подтягивались, отжимались. В конце Данислав просто сказал: «Достаточно», никак не комментируя наши успехи. Тем временем собралась остальная группа: мальчик лет восьми, девочка и два мальчика чуть постарше. Теперь настала их очередь показывать, что они могут. Мы на их фоне выглядели неплохо, но не сказать, что на голову выше. Примерно на том же уровне.

– Посредственно у всех, – подытожил Данислав, когда всё закончилось и мы, наконец, построились перед ним. – Не скажу, что совсем плохо, но пока что вы к спаррингам не готовы.

– А как мы тогда будем учиться драться? – вылез один из старших мальчиков. Придурок, что тут скажешь.

Данислав заморозил его взглядом.

– Вопросы вы будете задавать, когда я разрешу. Для тех, кто не может держать рот закрытым, спарринги будут. Со мной. Вам не понравится.

Все прониклись.

– Спарринги устраивать не будем, потому что всё, что вы сейчас можете – это пыхтеть и

толкаться. – Это было жестоко, я всё-таки оценивал себя выше. – Ближайшие полгода вы будете заниматься базовой подготовкой и учиться двигаться. Дальше посмотрим.

Базовой подготовкой мы и занялись в последующие три часа. Мы бегали, прыгали, подтягивались, учились двигаться, падать, вставать. Когда дядька Ждан привёз нас домой, у нас не было сил выползти из машины.

За ужином мама спросила:

– Ну как прошло первое занятие?

– Здорово прошло, – ответил я. – Легковато было, ну, это, наверное, чтобы мы постепенно втянулись.

Ленка хрюкнула, но тоже покивала.

Глава 3

Этот жаркий летний день был особенным. Нет, не так – это был Особенный День. Младшая школа осталась позади, и сегодня я наконец-то перестану считаться ребёнком. Ну, не совсем перестану, до полной самостоятельности ещё очень далеко, но всё же, всё же...

Впрочем, лучше обо всём по порядку. Младшая школа пролетела без событий – точнее сказать, без значимых событий. Скажем, штурм снежной крепости – это грандиозное событие для девятилетнего, но кому оно ещё может быть интересным, кроме такого же девятилетнего? Семь лет, полных такими вот событиями, миновали, и я не сказал бы, что они были для меня скучными. Ну а что – детский организм своего требует. Видимо, не настолько уж я и взрослый, как привык о себе думать.

Перед самым окончанием младшей школы все школьники проходят тест на владение Силой. Считается, что как раз к четырнадцати годам эта способность гарантированно проявляется, и тот, кто к этому возрасту не в состоянии минимально управлять Силой, не сможет этого никогда, а тот, кто этот тест прошёл, соответственно, является одарённым и имеет шанс развиваться дальше. Мы с Ленкой тест ожидаемо прошли и теперь готовимся пойти в старшую школу для одарённых. В столице их всего четыре – одна для мажорчиков, и три для детей попроще. Мы – мажорчики, и потому поступаем в старшую школу «Дубки».

Название школы символизирует то, что она превращает юные дубки, то есть учеников, в могучие дубы – нечто в этом роде было написано в проспекте школы. Когда будущее поступление обсуждалось дома, перспектива стать дубом меня изрядно повеселила, но семья причины веселья совершенно не поняла, а Ленка даже покрутила пальцем у виска. В этом мире сравнение с дубом подчёркивает силу, крепость и благородство сравниваемого, а хохмочка «чем больше в армии дубов, тем крепче наша оборона» никого бы не рассмешила, а была бы воспринята скорее как официальный лозунг.

Так вот, в чём же заключается особенность именно сегодняшнего дня? К сегодняшнему дню

стали готовы полные результаты наших тестов, а не просто «способности есть/нет», что определяется сразу в процессе тестирования. Тестирование было похоже на то, что мама тайком делала нам в шесть лет, только гораздо более точное, и сегодня мы, наконец, узнаем, насколько с тех пор развились. Мы получим «карточку одарённого» – документ, удостоверяющий личность, и станем совершеннолетними и дееспособными официально – по правде говоря, не вполне совершеннолетними и ограниченно дееспособными, но нам будет доступно довольно многое. Заключение многих видов договоров, открытие счетов в банке, даже приобретение предприятий и недвижимости (на карманные деньги, ага). И что самое главное, над нами больше не будет висеть угроза изъятия из семьи, которая порядком попортила мне кровь за эти годы.

Для неодарённых, кстати, отсутствует понятие «первого совершеннолетия» – они будут считаться детьми до семнадцати, когда наступает полное совершеннолетие. Собственно, и нам-то оно даёт не так уж много – права правами, но никакой взрослый не станет воспринимать всерьёз четырнадцатилетнего подростка. Рассчитывать на это может только четырнадцатилетний подросток, хе-хе. Я и не рассчитываю, а Ленке это вообще до лампочки – она излучает позитив просто так, не заморачиваясь вопросом, кто там и как её воспринимает.

Главной резиденцией Круга Силы было массивное серое здание с колоннами недалеко от старого Городища. Результаты тестов и карточки выдавали с бокового крыльца, где размещались отделы, связанные с делопроизводством. Толчеи перед крыльцом не было, хотя прямо перед нами туда зашли родители с довольно миленькой девочкой. Собственно, толчее взяться было и неоткуда – в почти четырёхмиллионной столице ежегодно появлялось лишь немногим более двух сотен новых одарённых.

По статистике, один одарённый приходится примерно на сто двадцать бездарных, то есть для нашего княжества это составляет примерно триста тысяч одарённых. Однако это число включает в себя всех одарённых, большинство из которых имеет первый ранг, и одарёнными считается весьма условно. До уровня Владяющего, то есть до четвёртого ранга, доходит примерно в десять раз меньше. До старшего уровня Владения – седьмого ранга, – добирается ещё меньше, ну а Высших, дошедших до десятого, можно пересчитать чуть ли не по пальцам.

Перед комнатой, в которой получали карточки, была небольшая очередь, но продвигалась она очень быстро, и буквально через несколько минут туда зашли и мы. Ленка почему-то заробела, и мне пришлось слегка подтолкнуть её вперёд.

– Лена Менцева, – почти прошептала она.

– Так, мыслёте[8]... есть Менцева, – клерк вытащил карточку из ящика с алфавитными разделителями. Глянув на золотой гербовый значок Лены, он продолжил. – Прошу вас прикоснуться сюда, госпожа Лена.

[8 – Мыслёте – название буквы М славянского алфавита.]

Карточки при изготовлении настраивались на ауру владельца, и от прикосновения на

карточке проявились надписи.

– Очень хорошо, прошу вас расписаться здесь и здесь, госпожа. Благодарю вас и поздравляю.

– Спасибо, – пискнула Ленка смущённо.

– Кеннер Арди, – пришла моя очередь.

– Аз[9], аз... Вот она. Прикоснитесь сюда, пожалуйста, господин Кеннер. Очень хорошо. Прошу вас расписаться. Благодарю, господин Кеннер, примите мои поздравления.

[9 – Аз – название буквы А славянского алфавита.]

– Вы становитесь взрослыми, дети, – сказала мать, когда мы вышли из здания Круга и устроились в ближайшем уличном кафе. Глаза у неё подозрительно поблёскивали – впрочем, даже я, старый циник внутри, чувствовал себя взволнованным.

– Ой, а мы же силу забыли посмотреть, – встрепенулась Ленка. – Мама, а где тут сила? У меня только имя показывает и всё такое.

– Это отдельно показывается. Вот здесь приложи палец и направь через него немного Силы, чтобы она через ауру прошла.

– О, получилось! У меня пять-четыре-три!

– У меня четыре-четыре-пять, – прочитал я со своей карточки.

– У-у... – недовольно протянула Ленка.

– У тебя просто терпения не хватает, оттого и контроль хуже, – объяснил я. – Зато у тебя плотность больше. Твой стиль – удар кувалдой в лоб, Ленка.

– Ты! – Ленка возмущённо запыхтела. – Мама, скажи ему!

Мама только посмеивалась. Тут у Ленки появился новый важный вопрос:

– Мама, а сколько силы нормально?

– Для вас? Один-один-один.

– Нет, я серьёзно!

– Я тоже серьёзно. Иногда двойка в какой-то позиции проскакивает, это считается очень хорошо. У Кена сейчас нормальный показатель для выпускника Академиума, а тебе действительно надо бы чуть-чуть контроль подтянуть.

Перед Ленкой развернулись неожиданные перспективы:

– Это что, получается, мы Владеющие? А какой у нас ранг?

– Нет, вы не Владеющие. Вы на самом деле даже не одарённые, потому что ранг у вас нулевой. Одарёнными вы официально станете после старшей школы, с такой основой вам присвоят третий ранг по окончании школы.

– Это почему нулевой?! – возмутилась Ленка.

– То, что в вашей карточке – это не ранги, а показатели уровня владения Силой, которые называются основой. Основа показывает, какой ранг у вас мог бы быть, если бы у вас были соответствующие знания и навыки. Сейчас у вас знаний ноль, значит, и ранг нулевой. Старшая школа даст вам знаний и умений на третий ранг, вот вам его и присвоят.

– Но у нас же не ноль знаний! – действительно, мама нас учила, и знаний у нас было далеко не ноль.

– Я вас учила не всему, что нужно для ранга, – покачала головой мама. – И в любом случае официально у вас знаний нет.

Мама была совершенно права – хотя многие владеющие занимаются со своими детьми дополнительно, обучать детей построению конструкторов крайне не рекомендовалось, а давать некоторые знания было прямо запрещено законом. Особенно это касалось применения Силы для любых разрушительных целей. Мама категорически отказалась нарушать закон, заявив, что он полностью обоснован, и она с ним совершенно согласна. Положа руку на сердце, мы и из разрешённых-то областей знали не так уж много. Что-то действительно сложное требовало развитого абстрактного мышления, и детский мозг с этим просто не справлялся. Причём это ощущал даже я, а Ленке приходилось ещё труднее.

На самом деле я и не рассчитывал, что мне удастся рано овладеть Силой. Пятиклассник не может пройти университетский курс, разве что это какой-то уж совсем уникальный уникам. А в этом мире это было и физически невозможно – википедий здесь не было, и знания свободно не распространялись. Не то чтобы доступ к знаниям так уж специально ограничивался, но, допустим, для школьника было невозможно просто приобрести университетский учебник. Все учебники находились в соответствующих библиотеках, а в книжные лавки поступала только художественная и научно-популярная литература. По этой же причине я до сих пор многого не понимал в истории мира, потому что учебник истории для младшей школы напоминал скорее сборник мифов с сильной долей пропаганды. Было примерно ясно, что расхождение с нашим миром появилось где-то в районе 6500 года, когда в мир пришла Сила. Судя по тому, что крещение Руси князем Владимиром состоялось незадолго до этого, по христианскому летоисчислению это получался примерно 1000-ый год. Точная дата прихода Силы была неизвестна, поскольку её пришествие заметили далеко не сразу. В отличие от нашего мира, где массовый отказ технологичных приборов немедленно вызвал бы апокалипсис, в мире, где транспорт ограничивался телегами, а водяная мельница считалась чудом техники, Сила никак себя внешне не проявляла. То, что мир изменился, люди поняли только тогда, когда начали в массовом порядке овладевать Силой.

Несмотря на то, что Сила пришла в мир незаметно, появление одарённых повлекло за собой огромные изменения. Темучжин[10] никак себя не проявил, и про Монголию никто в Европе даже не слышал. Из других следствий самым важным было отсутствие закрепощения крестьян. Хотя некоторые страны и попытались ввести крепостное право, это плохо для них кончилось. Мощь страны прямо зависела от количества сильных одарённых, что совершенно не сочеталось с рабством в любой форме. Сын крепостного крестьянина не имел ни малейшего шанса развить свой дар. Простое выявление одарённых тоже помогало слабо – четырнадцатилетнего сына крепостного ещё можно было обучить грамоте, но высшее образование было ему совершенно не по силам. Как результат, выжили и процветали только страны, которые ввели всеобщее образование, гендерное равенство (большинство одарённых были женщинами) и реально работающую систему социальных лифтов. Такой вот скачок из раннего феодализма в современность. Впрочем, этот скачок был сильно растянут по времени, и занял лет двести-триста, а до этого везде творился полный хаос. В Европе он особенно усугубился деятельностью католической церкви, которая объявила не служивших ей одарённых детьми Сатаны, подлежащими сожжению. А через несколько сотен лет массовые казни неправильных одарённых так подкосили Европу, что сейчас она с трудом отбивается от сарацин, которые к настоящему времени полностью захватили Испанию, и приглядываются к Сицилии. Наш князь тоже посматривает на Ливонию, и как однажды обмолвилась мать, она ещё не наша только потому, что верхушка княжества никак не может придумать, зачем нам эта дыра могла бы понадобиться.

[10 – Темучжин больше известен как Чингисхан.]

Особо стоит упомянуть летосчисление, которое оказалось для меня неожиданно шокирующим. Когда я, наконец, смог сопоставить наш календарь с христианским, то обнаружил, что наш нынешний 8233-й год соответствует примерно 2700-му году н.э. Откуда взялись лишние семьсот лет? Так долго занял мой полёт в сияющем коридоре? Или с пришествием Силы изменилась скорость течения времени? Или время не существует в отрыве от мира, и переходя из мира в мир, попадаешь в произвольный момент? Вопрос интересный, вот только кто бы на него смог ответить.

*

Мы бежали по лесу уже десять часов, но преследователи не отставали. Где-то впереди должна была находиться вторая группа, и меня не оставляло чувство, что нас целенаправленно на неё загоняют. Такое упорство было вполне объяснимо – ещё в самом начале погони преследователи совершенно позорно попались в простейшую ловушку, и пока они там барахтались, мы сумели подстрелить двоих. Теперь догнать нас и застрелить, а лучше взять живыми, было для них делом чести и единственным шансом реабилитироваться.

Каникулы у школьников в этом мире гораздо короче – никому и в голову не пришло бы позволить детям целых три месяца валять дурака. Занятия заканчиваются в середине июня, после чего школьники отдыхают полмесяца, а затем на весь июль уезжают в военно-спортивные лагеря – какие-то больше военные, какие-то в основном спортивные. Затем они опять отдыхают половину августа, и с середины августа начинается новый учебный год. Впрочем, месяцы здесь не римские, так что на самом деле учёба кончается в середине изока,

а начинается в середине зарева – не уверен, что местные месяцы точно совпадают с римскими, но примерное соответствие имеется. Ну и, если уж говорить о различиях, стоит упомянуть шестидневную неделю с одним выходным.

В лагере школы Данислава, где мы в этом году проводили месяц червен, то есть июль, мы были единственными четырнадцатилетками. Остальные кадеты были намного старше, что, естественно, делало унижение для наших преследователей совершенно непереносимым.

Я посмотрел на Ленку – держалась она отлично, но усталость уже проявлялась явно. Отрыв у нас был минут в двадцать-тридцать, не больше, так что пора было что-то придумывать.

– Лен, тут есть подходящая речка рядом, чтобы можно было вброд перейти?

– Хочешь пройти по руслу? Трюк так себе, но попробовать можно.

– Нет по руслу не получится, тут же не горные речки. Дно илистое, течение слабое, след будет виден лучше, чем на земле.

– А зачем тогда? – заинтересовалась Ленка.

– Не болтай, времени мало. Смотри карту.

– Если севернее возьмём, в паре вёрст подходящая будет. Десять-двенадцать шагов шириной, глубина до двух локтей.

– Самое то, побежали.

Речка оказалась как по заказу, с мутноватой, почти стоячей водой, и густо заросшими кустарником берегами. Мы разулись и переправились, поднимая ил со дна, затем обулись снова и пробежали ещё метров пятьдесят, оставляя достаточно заметные следы.

– Стой! – я поднял руку. – Снимаем обувь и возвращаемся тем же путём назад, следов не оставляем.

Мы неспешно побежали назад босиком, стараясь как можно меньше приминать траву. Русло речушки пересекала тёмная полоса взбаламученного ила, не оставляющая никаких сомнений относительно нашего маршрута.

– Лен, сейчас перебираемся обратно и аккуратно лезем в кусты.

– Думаешь, купятся?

– А других вариантов нет, нам не уйти. У них явно есть какая-то связь с группой впереди, они нас должны вот-вот перехватить. Попробуем подстрелить их на переправе.

– У меня только одна обойма, и в пистолете ещё почти полная.

– У меня примерно так же. Стреляем точно, патроны зря не тратим. Кто знает, что там дальше будет.

Пули представляли собой желатиновые шарики с краской, синяки от них оставались будь здоров. Из защиты выдавалась только лёгкая открытая каска с защитным стеклом, а разрешение свести синяки у лекарки рассматривалось наставниками как поощрение, которое надо заслужить.

Только успели как следует устроиться, как по возмущениям Силы почувствовали приближение погони. Впрочем, шума они производили столько, что мы их раньше засекали по звуку. На берег вывалились пятеро. Ленка тихонько фыркнула – выглядели они как загнанные лошади, один вообще пыхтел как паровоз. Дохляки, но, к сожалению, упорные.

– Назад, – скомандовал главный, – за кустами укрылись быстро. Они могут засаду устроить, чтобы нас на переправе подловить.

Умный, это неприятно. Вот его и надо будет в первую очередь завалить.

– Конь, переправляйся и посмотри след. Если всё нормально, махни нам.

Самый запыхавшийся двинулся вперёд. Конь, да? Не рысак явно.

Конь разулся, закатал штанины и неторопливо форсировал водную преграду. Начал обуваться обратно. Ха, да он же просто время тянет, чтобы отдышаться! Командир это тоже понял:

– Конь, если ты на счёт три не побежишь, то я устрою с тобой спарринг, можно прямо здесь.

Тот заторопился, быстро осмотрел кусты на берегу и потрусил вперёд, высматривая следы. Убедившись, что следы уходят достаточно далеко, и мы не спрятались где-то рядом, замахал своим.

– Пошли по одному, – приказал командир.

Я передал Ленке образ: двое последних на ней, командира в первую очередь. На самом деле наша связь не позволяла передавать ни образы, ни тем более фразы. Просто появлялось понимание, что другой хочет сказать. Разумеется, ничего сложного передать таким образом было невозможно.

Я прицелился в первого, Ленка взяла на прицел командира, шедшего последним. Когда они добрались до середины, мы начали стрелять. Всё побоище заняло несколько секунд, да они в любом случае были обречены – стоя по пояс в воде, от пуль не поворачиваешься, и залечь тоже не выйдет.

– Ну, сосунки... – злобно выдохнул командир.

– Мальчики, не скучайте без нас, – пропела Ленка. – Передавайте привет Коню, пока-пока!

Командир зарычал, от остальной команды тоже донеслось злобное ворчание. Коня видно не было – умный Конь сразу понял, что соотношение сил стало неблагоприятным, и где-то затихарился. Чувствую, ждёт его жёсткий спарринг.

Оторвавшись от невезучей команды версты на три и высмотрев подходящее местечко, я объявил:

– Отдых полчаса, сушим обувь, обедаем без огня.

– Плохо без огня, – пожаловалась Ленка.

– Потерпи немного, с огнём слишком опасно. Вторая группа должна быть где-то в этом районе. Если бы они были далеко, те неудачники не стали бы так выкладываться.

К счастью, вторая группа не показалась, и у меня появилась надежда, что мы, наконец, оторвались. Терять осторожность, однако, не следовало, и мы двинулись дальше, по очереди сканируя окрестности. Сканирование Силой работало всего лишь саженей на семьдесят, и отнимало массу сил, но это был наш главный козырь – никто ещё не знал, что мы одарённые, и работы с Силой от нас не ждали.

Последние пятнадцать вёрст мы преодолели часа за три, но за версту до лагеря я скомандовал остановиться. По условию наш забег засчитывался как успешный в тот момент, когда мы добирались до штаба. Вот это слово «штаб» вместо «лагерь» сразу наводило на мысль, что на последнем этапе нам подготовили феерическую подлянку, и хорошо, если одну. Причём, скорее всего, в штаб надо было войти, а не просто добраться до здания, в котором он размещался.

– Лен, нас там точно ждут.

– Да, я тоже так думаю, – согласилась она.

– Причём наверняка и в самом штабе ждут. Только в здание войдём, нас повяжут и не дадут в штабную комнату войти.

– Думаешь, настолько всё плохо?

– Не то чтобы уверен, но есть у меня такое предчувствие.

Предчувствие одарённого – это не то, от чего можно отмахнуться, и Ленка только кивнула.

– Значит, ждём темноты? – спросила она.

– Надо ждать, при свете нам туда точно не пробраться. Поспи, я подежурю.

Наконец, наступили сумерки, и мы осторожно двинулись к лагерю. К главным воротам не пошли, а вместо этого двинулись в обход. А вот и первая подлянка – в кустах недалеко от ворот сидела парочка и внимательно обзревала дорогу и прилегающие окрестности. Мы

сейчас прекрасно видели их со спины, но если бы мы попытались войти через ворота, нас бы ждал сюрприз.

– Эх, хорошо сидят, так и хочется пристрелить, – прошептала Ленка.

– Мне тоже, но нельзя, – прошептал я в ответ. – От звука выстрелов весь лагерь сразу на уши встанет.

Отползли от них подальше.

– Где через забор полезем?

– Напротив корпуса столовой. Потом только саженей двадцать через хоздвор перебежать и попадём на аллею ко второму корпусу. Там почти никто не ходит. Оттуда до штаба легко добратся.

– Никто не ходит, зато вечно по кустам тискаются, – недовольно сказала Ленка.

– Вот и мы по кустам поползём, а если кто засечёт, сделаем вид, что тискаемся.

– Дурак ты, Кени!

План сработал, до здания штаба мы добрались и теперь сидели возле стены, скрытые от чужих взглядов декоративным кустарником.

– Что теперь, Кени?

– Вон видишь дальше окно открыто? По-моему, с него как раз и начинается помещение штаба.

К этому времени стемнело окончательно, и мы без труда прокрались до окна. За ним происходил любопытный разговор:

– Ну так где твои любимчики, Данислав?

– Надо подождать.

– Я уже десятый раз тебя спрашиваю, и десятый раз ты мне отвечаешь одно и то же.

– Если я отвечу, что они твоих любимчиков допинывают, тебе от этого легче будет?

Оскорблённое молчание в ответ. Ленка беззвучно засмеялась. Мы дружно встали, заглянули в окно, и я очень вежливо спросил:

– Извините, мы не помешаем?

– Заходите, ребята! – махнул рукой Данислав.

Мы быстро залезли внутрь.

– Заходить нужно в дверь, а не в окно! – сварливо сказал собеседник Данислава, судя по всему, наставник противника.

– А что, нас там никто не ждёт? – удивился я.

Данислав захохотал:

– Ну что, Петер, вот, наконец, и определились добровольцы на хозработы. А вы, ребята, идите отдыхать – в столовой вас накормят, я договорился.

Я подошёл к двери, приоткрыл её и сказал в тёмный коридор:

– Эй, засада! Мы выходим, не пугайтесь.

Там что-то упало, и послышались сдавленные ругательства.

*

Следующий день был для нас днём отдыха, нас освободили даже от обязательной утренней зарядки. Мы как следует выспались, позавтракали и сейчас сидели на скамейке в тенёчке, наслаждаясь блаженным бездельем. Ленка, привалившись ко мне, читала честно стащенный у матери дамский романчик, а я просто подрёмывал, закрыв глаза. Внезапно я осознал, что вокруг нас понемногу, как бы случайно, собираются люди. Агрессии не чувствовалось, только любопытство, но это было явно неспроста. Вскоре, однако, всё разъяснилось.

– Ну вот я тебя и поймал, щенок!

Я приоткрыл глаза. Прямо передо мной маячил тот самый бездарный командир невезучей группы.

– Ты кто? – спросил я, подавив зевок.

– Не узнаёшь, урод? Я Семён Костоев, ты моё имя запомнишь надолго, обещаю.

Сложно всерьёз воспринимать человека, который злоупотребляет дешёвым пафосом.

– И что тебе надо от меня, Семён?

– Поднимайся и иди за мной. Спарринг тебе будет.

– Пощупал свой бицепс и решил, что сможешь со мной справиться?

Вокруг послышались смешки. Когда восемнадцатилетний вызывает на бой четырнадцатилетнего, это выглядит довольно жалко, и Семёв внезапно этот факт осознал. Но сдать назад он уже не мог:

– Я сказал, встал и пошёл!

– Слушай, Семён, какой спарринг, ты же ещё сортир не дочистил. Плохо сделанная работа – позор для говночиста.

Ленка хрюкнула, глядя в книгу. Кто-то сзади откровенно заржал. Семён начал наливать краской.

– Или ты идёшь в спортзал сам, или я тебя туда гоню пинками.

Ленка отложила книгу.

– Кени, он мне не нравится. Можно я из него дурь выбью? Пожалуйста.

– Хм, ну если тебе не лень. Только не калечь, он же не виноват, что дураком родился.

Зрители смеялись. Зря смеялись, кстати – мы хоть и выглядели на свои четырнадцать, но по силе Семёну вряд ли уступали, а по скорости точно превосходили. К тому же, хоть мы формально и не умели использовать Силу для нападения, зато давно освоили трюк с обёртыванием кулака сырой Силой. Ленка своим кулачком легко пробивала толстую доску, так что искалечить или даже убить могла запросто.

– Пойдём, убогий, – презрительно сказала Ленка, поднимаясь со скамейки.

Я прихватил Ленкину книжку и двинулся следом. За мной потянулась остальная публика, к которой по дороге присоединялись всё новые зрители.

Семён к противнице отнёсся совершенно несерьёзно. Первым делом он решил пугнуть её, изображив вялую имитацию удара в лицо. Ленка перехватила руку, потянула, и Сёма вдруг перелетел через неё, высоко задрав ноги. Удар с размаху о пол выбил из него дух. Ленка несильно пнула его в бок и лениво сказала:

– Вставай, хватит притворяться, я с тобой ещё не закончила.

Зрители были в экстазе. Широко разрекламированное представление «Семён наказывает наглых малолеток» плавно превращалось в нечто противоположное, и публика полностью одобряла изменение программы. Дальнейший бой превратился в показательное избиение. Семён никак не желал поверить, что мелкая девчонка сильнее его, и подставлялся снова и снова. Зрители каждый раз взрывались аплодисментами, отчего Семён постепенно впадал в бешенство, и соображал всё хуже. В конце концов, Ленке надоел этот цирк, последовала серия быстрых ударов, и Сёма ушёл в нирвану. Счастливые товарищи потащили бесчувственное тело к лекарке, не забывая как бы невзначай стучать им о подвернувшиеся косяки.

– Похоже, боевые товарищи не так уж сильно Семёна любят, – поделился я с Ленкой наблюдением, глядя им вслед.

– Ага, – хихикнула она. – Если он захочет повторить, бери со зрителей деньги. Платить будут.

Вечером меня вызвал Данислав.

– Семён Костоев исключён из школы и уже уехал домой, – сказал он, задумчиво глядя на меня. – А вот к тебе у меня есть кое-какие вопросы.

Я молча смотрел на него, ожидая продолжения.

– Вы с сестрой, конечно, ребята резкие, и про этот ваш полный курс мне лекарка объяснила, но четыре года разницы — это не шутка. Ты не разрешил бы сестре драться, если бы не был уверен, что она легко победит. Чего я о вас не знаю, Кеннер?

Я пожал плечами.

– Мы оба одарённые.

– И вы можете использовать дар для усиления, так? – спросил Данислав.

– Так, – согласился я, – но Лене это не понадобилось. Он правда слабак.

– Вы же только что прошли тест на способности. Как-то слишком уж быстро вы освоили свой дар.

Я молча улыбнулся, Данислав усмехнулся в ответ.

– Ладно, свободен.

– У меня тоже есть вопрос, наставник. Почему его исключили?

– Тебе его жалко, что ли? – удивился Данислав.

– Нет, мне просто интересна причина.

– Хм, ну что ж, отвечу, – сказал Данислав. – То, что он оказался плохим командиром, это бывает. То, что он не сумел проиграть достойно и затеял драку, ему большой минус, но на исключение всё-таки не тянет. А вот то, что он заставил драться с собой малолетнюю девочку...

– Справедливости ради, Лена сама вызвалась вместо меня.

– А он согласился. За такие вещи мы исключаем сразу. Наша школа готовит воинов, а не бандитов. На войне всякое случается, конечно, но наш выпускник должен иметь представление о чести. Ну а он ещё и опозорился в конечном итоге... даже его наставник голосовал за исключение. Я ответил на твой вопрос?

– Да, – я слегка поклонился. – Спасибо, наставник.

– Всё, иди.

Глава 4

Третий раз в первый класс – я, можно сказать, первоклассник-ветеран. Первый раз в той жизни, потом здесь, в младшей школе, и вот сейчас я иду с Ленкой в первый класс старшей школы для одарённых «Дубки». Тёмно-серый костюм с бордовым галстуком у меня, тёмно-серый же костюм с юбкой и бордовый бант вместо галстука у Ленки, всё как положено для первоклассников, готовящихся стать дубами, хе-хе. Золотые значки с гербом – теперь мы должны носить их всегда и везде. Как сказала мама, мы выросли, и возможные неприятности перестали быть детскими. Дворянин без явного знака своего сословия не может пользоваться дворянскими привилегиями, и, к примеру, в случае каких-то проблем с законом подпадает под юрисдикцию Мещанского суда. Значок, в общем-то, необязателен – сословным знаком также могут быть, например, шпага или серьга в ухе. Но поход в школу со шпагой – это как-то слишком уж экстремально, а к серьгам у мужчин я отношусь с предубеждением. Наш золотой знак, кстати, означает не менее двенадцати поколений благородных предков; более молодые семьи носят серебряные знаки.

Дворян в нашей школе очень мало – в нашем классе из двадцати четырёх школьников дворян всего трое – мы с Ленкой, и ещё одна девочка с серебряным знаком. Дело в том, что дворянские семьи, особенно старые, совсем не стремятся получить одарённое потомство – проблем с такими детьми больше, а пользы для семьи, по большому счёту, никакой. Чтобы было понятней, можно привести пример с профессией, например, лётчика в моём старом мире. Это уважаемая профессия, очень востребованная, и хорошо оплачиваемая. Но нужен ли свой лётчик в семье олигарха? Для такой семьи дети должны получать совсем другое образование, и сын, выбравший такую профессию, для семьи будет совершенно бесполезен. Вот и дворянской семье свой Владеющий ни к чему – лучше его просто нанять, а ребёнка научить чему-то более полезному – военному делу, или дипломатии, или управлению предприятиями, или ещё чему-нибудь. Конечно, любая дворянская семья была бы счастлива иметь в семье Высшего, но шансы, что ребёнок когда-нибудь поднимется до Высшего, слишком малы.

В родах одарённых много, но роды считаются скорее союзниками князя, чем подданными, и родовичи дворянства за ранги не получают. Вот так и получается, что из дворян здесь учатся либо редкие представители дворянских семей, либо столь же редкие дети Старших Владеющих, получивших наследственное дворянство.

Если говорить о нас, то дворянство мы получили через покойного деда, который женился на нашей бабушке Ольге, но при этом в род не вошёл. Дед Данята Хомский был представителем очень старой и близкой князю фамилии Хомских. Какой-то особой пользы для нас в этом нет, поскольку нынешний глава фамилии Путята Хомский, наш двоюродный дед, ни мать ни нас знать не хочет, и как-то сблизиться с нами не стремится. Что он там не поделил с братом – неизвестно, но именно из-за него мать предпочла после изгнания стать Арди, а не Хомской, так что в реестре мы записаны как независимая дворянская семья Арди, боковая

ветвь Хомских. В отличие от нас, они не просто семья, а дворянская фамилия, то есть большой аристократический клан с вассальными семьями, семейными предприятиями и своей гвардией.

Торжественная линейка проходила по типовому сценарию – школьников выстроили на площади перед школой, наши три первых класса в центре напротив старших, чтобы мы, так сказать, прониклись и ощутили. Я ещё за прошлую жизнь напроликался и наощушался достаточно, а вот Ленка слушала стандартную речь директора с волнением. Я не стал портить ей торжественный день, и тоже в меру сил поизображал энтузиазм. После рассказа о том, как нам повезло, и какие грандиозные перспективы перед нами открылись, учителя развели нас по классам.

– Здравствуйте, юные одарённые, – начал учитель, спортивного вида мужчина лет тридцати. – Меня зовут Антон Лендре, я ваш классный руководитель, а также буду преподавать у вас исчисления. Обращаться ко мне нужно «учитель». Для начала давайте познакомимся. – Он открыл журнал. – По очереди встаёте, называете своё имя и кратко рассказываете о себе. Что вы любите, чем увлекаетесь, кто ваши родители, в общем, всё, что может быть интересно вашим одноклассникам.

В нашем классе из двадцати четырёх учеников оказалось, включая меня, шестеро парней – в строгом соответствии со статистикой. Один немного ботанистого вида, другой производил впечатление какого-то борова, остальные трое ничем не выделялись. Боров мне сразу не понравился, и своим выступлением моего впечатления о нём не улучшил.

– Меня зовут Лев Штайн, мой отец – купец первого разряда Иероним Штайн. Увлекаюсь самобегами, отец обещал подарить мне самобег по окончании школы, пока езжу на его. Мой ранг два-два-один.

– Лев, – мягко сказал учитель, – у нас в школе не поощряются рассказы о своей основе. Она у тебя хороша для твоего возраста, но значение будет иметь та основа, с которой ты закончишь школу.

Ботаник мне, наоборот, понравился.

– Бажан Второв. Мой отец – помощник управляющего на предприятии семьи Стеблевых, мать преподаёт философию в ремесленной школе «Заречье». Увлекаюсь ремёслами, хочу заниматься семантическими структурами, и вообще семантиками.

Я уважаю ботаников. Не тех заучек, которые корпят над учебниками просто потому, что так надо, а людей, которые имеют цель и упорно к ней идут. Второв, похоже, из них, и если у меня появятся школьные друзья, то он первый кандидат. Посмотрим, как дальше школьная жизнь сложится.

Тем временем очередь дошла и до меня.

– Кеннер Арди, – представился я. – Живу с матерью и сестрой. Наша мать Милослава Арди –

целитель лечебницы Живы Одаряющей. Интересуюсь политикой и экономикой, люблю учиться.

– Кеннер? – учитель поднял глаза от журнала. – Редкое имя.

– Назвали в честь прапрадедушки, – я пожал плечами.

Взгляд учителя стал острым.

– А к Ренским ты какое-нибудь отношение имеешь?

– Мы с ними разошлись.

Теперь на меня уставился весь класс.

– Вот как? А сиятельной Ольге ты кем приходишься?

– Неважно, – повторил я. – Мы с Ренскими разошлись.

– Хорошо, – легко согласился учитель, – разошлись так разошлись.

Похоже, скандальную историю изгнания будущей Матери сильнейшего рода в столичном обществе ещё не забыли, да и прапрадедушку Кеннера хорошо помнили. Кеннер Ренский пришёл откуда-то с севера, и в род его приняли по браку. Был он благородным воином и великим героем (Ренские), а также полным отморозком и моральным уродом (все остальные) – в принципе, если отбросить эмоциональную составляющую, это сводилось к одному и тому же. В конце концов другие роды объединились и сумели дедулю упокоить, но шороху он навёл знатно, и память о себе оставил очень неоднозначную.

Следующей представлялась Ленка.

– Лена Менцева. Приёмная дочь Милославы Арди и сводная сестра Кеннера Арди. Люблю рисовать, играть на клавире, и драться.

Класс зашушукал. Учитель слегка растерялся.

– Э-э, мне кажется, драка — это не лучшее увлечение.

– Вы просто не пробовали, учитель, – серьёзно ответила Ленка.

– Хм, да. Ну хорошо, надеюсь, ты будешь заниматься своим увлечением вне школы.

– Я постараюсь, учитель.

Чувствуется, что мы с Ленкой произвели впечатление, каждый по-своему. Ленка, однако, немного лукавила – она действительно была не прочь подраться, но всё же не настолько, чтобы объявлять это прямо вот увлечением. Но я-то её эмоции хорошо чувствовал, и для

меня всё было совершенно прозрачно. Парень я видный, физически развитый, да ещё и аристократ. Девочки активно стреляли в меня глазками, вот Ленка и обрисовала перспективы – для умных. Для тупых будет отдельное, более доходчивое разъяснение.

Наконец, представились все. Девочка-дворянка Лида Шенбах оказалась дочерью княжеского Владелящего, недавно получившего седьмой ранг и пожалованного наследственным дворянством. Ещё в классе оказалось шесть родовичей – все девочки, и все из разных родов. Ренских не было. Остальные ученики оказались детьми простолюдинов – богатых простолюдинов, дети бедных поступали в одну из трёх бесплатных школ.

– Теперь, когда мы все друг друга узнали, – снова заговорил учитель, – я кратко расскажу о том, что вы будете изучать. В отличие от обычной школы, у нас не так уж много времени уделяется таким предметам, как правописание, словесность, богословие, история и землеописание. Мы просто не можем отвести на это больше времени, потому что вы и так будете заняты гораздо сильнее, чем в обычной старшей школе. И сейчас я кратко расскажу вам о предметах, которые у нас считаются главными.

Главный предмет, которому вы будете уделять наибольшее количество времени – это развитие основы. У всех вас, – он посмотрел на Штайна и повторил, – у всех вас основа недостаточно развита даже для простейших манипуляций, поэтому в первый год вы будете интенсивно работать над ней и совершенствовать навыки управления Силой. Со второго года вы начнёте изучать базовые конструкторы, но развитием основы будете заниматься всё время обучения.

Чрезвычайно важными предметами являются геометрия и начертание, которые необходимы для ритуалистики. Вы, возможно, слышали, что ритуалистика малополезна. Это верно, но те, кто так говорят, упускают одну важную деталь: она малополезна для Высших, и в какой-то мере, для верхних рангов Старшего Владения. Для обычных Владелящих ритуалистика часто единственный способ сделать что-то, в принципе им недоступное. И конечно, эти предметы совершенно необходимы тем, кто интересуется ремёслами Силы. Для таких учащихся мы организуем дополнительные занятия по их углублённому изучению. С третьего года к ним добавится стереометрия, необходимая для самостоятельного построения конструкторов.

Вы продолжите изучение привычных вам арифметики матриц и исчисления множеств, но к ним добавятся основы континуальных отображений – это тот базис, на котором строятся практически все области знания. Любые процессы, любые явления в природе можно описать как проекции континуальных множеств, и вы посвятите этому немало времени.

Философия изучает всё, что происходит вокруг нас – от движения атомов до рождения звёзд. Существует даже любопытная теория, что возможно существование пригодного для жизни мира вообще без Силы, только на основе философских явлений. Правда, принято считать, что такая Вселенная достаточно быстро самоуничтожилась бы, раздувшись и растворившись в первичном Ничто, но тем не менее, важен сам факт: философия и Сила есть два равнозначных столпа, на которых основано существование нашей Вселенной.

Алхимия. Если философия – это фундамент мироздания, то именно алхимия строит на этом

фундаменте прекрасное здание. Из девятиста с небольшим первичных элементов она создаёт практически бесконечное разнообразие веществ – от обычной воды до сложнейших эликсиров.

Биология изучает живые организмы и вообще жизнь во всех её проявлениях. Это основной предмет для тех, кто выбрал для себя лекарское дело, и очень важный для алхимиков.

Рисование и музыка у нас также являются профильными дисциплинами. Хотя мы не вполне понимаем, как они влияют на овладение Силой, совершенно точно доказано, что эти предметы необходимы для достижения рангов Старшего Владения и выше. Человек, не занимающийся рисованием и музыкой, выше пятого-шестого ранга подняться не может. Есть теория, что эти предметы помогают понять гармонию Вселенной и более полно принять Силу. Вполне возможно, что так оно и есть, у этой теории существует множество подтверждений.

И наконец, физические упражнения. Они тоже необходимы для развития Владеющего, и мы уделяем им большое внимание. Кстати, раз уж я упомянул про физические упражнения, запишите в свои дневники, что каждое утро вы должны пробегать две версты. Это обязательное требование для всех учеников.

На этом у меня всё, – завершил свой рассказ учитель, – и если у вас нет вопросов, то на этом мы с вами и закончим сегодняшнюю встречу.

У Штайна, однако, вопрос имелся:

– А зачем нам вообще бегать? Это что, так обязательно?

– Да, это обязательно. Это нужно и для физического развития, и прежде всего, для развития воли. Ещё раз повторяю для всех – бегать необходимо каждое утро, без всяких исключений!

– А если не бегать, то что будет? – настаивал Штайн.

– Ничего не будет, – учитель посмотрел на Штайна с явной иронией. – Мы не можем заставить вас учиться и становиться Владеющими, и не собираемся этим заниматься. Ещё есть вопросы? Нет? Вот и замечательно. Сейчас спуститесь вниз и перепишите расписание занятий. Зайдите в библиотеку и получите учебники. После этого можете погулять по школе – сегодня ознакомительный день и все двери открыты. Не стесняйтесь задавать вопросы учителям и старшеклассникам.

Здание школы оказалось действительно большим, и ходить по нему можно было долго. Мы посмотрели выставку картин учащихся, многие были действительно неплохи. Ленка и сама очень хорошо рисовала – настолько хорошо, что мы с мамой уже всерьёз подумывали об организации персональной выставки. Останавливало только то, что для полноценной выставки у неё пока не хватало работ. Но здесь пара-тройка её картин выглядела бы очень достойно.

Потом мы обнаружили музей философских приборов – ах, этот старый добрый девятнадцатый век! Лейденские банки, примитивные макеты электрических двигателей, собранные на лакированных деревянных основаниях, маятник Фуко под потолком. Тут же обнаружился и наш новый одноклассник-ботаник Бажан Второв, разглядывающий какую-то непонятную стеклянную трубку с порошком внутри.

– Привет, не подскажешь, что это такое? – решил я наладить контакт с одноклассником.

– Это? Это обнаружитель электрического поля, – он внезапно смутился. – В смысле, привет.

Я снова посмотрел на прибор. Ба, да это, случаем, не пресловутый ли когерер[11] нашего-всё Попова?

[11 – Когерер, или трубка Бранли – прибор, меняющий своё сопротивление под воздействием электрического поля. Когерер использовался А.С. Поповым в его радиоприёмнике. При этом надо отметить, что использование когерера было тупиковым направлением, так как он позволял лишь обнаружить наличие радиосигнала. Передача, к примеру, речи в аппаратуре на основе когерера была принципиально невозможной.]

– Дай я угадаю – там железные опилки. Если поле усиливается, они слипаются и проводят электрический ток. Так?

– Да, верно, – Бажан посмотрел на меня с уважением. – Я такой сам делал, но этот лучше.

– А зачем ты его делал?

– Ты же знаешь, что передача семантик работает, только если семантические структуры формируют и принимают одарённые? А мне хотелось сделать что-нибудь, чем могли бы пользоваться бездарные.

– Так это тупиковый путь. Обнаружитель не позволяет принимать сложные сигналы, так что это будет аналог обычной дрожалки, только гораздо больше и сложнее.

– Дрожалка позволяет только со второй дрожалкой связаться, а так можно на несколько приёмников передавать.

– Ну да, – согласился я, – но всё равно только простые сигналы.

– Есть ещё электрические трубки, – он показал на стеклянную колбу размером с обычную лампочку, с какими-то металлическими проволочками и пластинками внутри, – но там очень много теории, мне пока сложно разобраться. Хочу попробовать их как-нибудь с семантиками совместить.

Ага, электронные лампы здесь уже придумали.

– Хочешь как в визионе, только не в пределах зала, а далеко передавать? – Парень явно задумал изобрести телевидение.

Бажан закивал.

– Это непросто будет. Надо же сначала семантики как-то закодировать в полном объёме, потом передать, а в конце этот код преобразовать обратно в семантическое облако, причём без визионера. Тут работы на десятилетия, да не одному человеку.

Телевидение я ему точно не собираюсь помогать изобретать. А то ведь сначала фильмы, потом сериалы, потом разные Петросяны-Киркоровы, а там и цивилизации конец. Пусть лучше этот мир живёт, он мне нравится.

– Вот и отец мне то же самое сказал, – грустно сказал Бажан. – Но вообще, я думаю заняться чем попроще. Хочу сделать простой передатчик-приёмник, чтобы бездарные могли пользоваться. На электрических трубках такие делают для военных, но они огромные, надо на телеге возить. А я хочу на ремесленных семантиках попробовать, хотя бы только речь передавать.

– Военное ведомство за такое сразу уцепится, – кивнул я.

– Да, и деньги на этом можно заработать просто огромные.

– Ага, – согласился я. – Жаль только ты этих денег не увидишь.

– Это ещё почему?

– Ты простолюдин, за тобой ни рода, ни фамилии, извини за прямоту. У тебя это просто отберут. Ты знаешь, что самобег простолюдин придумал? А потом внезапно все права оказались у Вышатичей.

– И что, предлагаешь под тебя пойти? – окрысился Бажан.

– Я тебе разве что-то предлагал? – удивился я. – Ты спросил, я ответил. А если говорить вообще, то у тебя сейчас ничего и нет. Когда и если что-то сделаешь, тогда и можно будет обсудить, сможем мы друг друга как-то заинтересовать или нет.

Бажан ничего не ответил, но явно задумался. Пусть подумает – у богатых нравы здесь ничуть не лучше, чем в том мире. С изобретателем самобегов действительно грязная история вышла, вот пусть ей и поинтересуется.

– Кени, – к нам подошла Ленка, – там напротив девчонки нашли выставку старинных нарядов, я пойду посмотреть.

– Хорошо, я тебя найду потом.

Ленка удалилась, Бажан смотрел ей вслед, пока она не скрылась.

– Извини за вопрос – она тебе только сестра или...?

– Или.

– Жаль, – Бажан был разочарован, – самая красивая девчонка, и уже занята.

– Ничего, не расстраивайся. Выбор тут богатый, ещё найдёшь себе пяток единственных и неповторимых. Или они тебя найдут.

– Ага, – кивнул он, – меня старшие уже пугали.

Тут мне пришла в голову мысль:

– Слушай, а как тебе такая идея: если в визионе вместо статичных картинок сделать движущееся изображение?

– В каком смысле «движущееся»?

– Менять картинки очень быстро с небольшими изменениями. Тогда будет казаться, что они двигаются как живые.

– А, понял. Видел я этот фокус в музее ремёсел. Нет, это работать не будет.

– Почему? – удивился я.

– В визионе картинки ведь не для зрителя. Это семантические якоря для визионера. А к движущемуся изображению ты как заякоришься? Изображение-то будет, а визиона не получится.

Похоже, синематограф тут изобретать бессмысленно – по сравнению с визионом даже тридцатидесятилетний фильм выглядит убого. Вообще, как-то странно получается – я вроде бы пришелец из гораздо более развитого общества, но не в состоянии предложить ничего нового даже интересующемуся техникой школьнику. Все технические достижения моего старого мира либо не будут работать, как транзисторы, либо бесполезны, как авиация, либо просто никому не интересны.

Распрощавшись с Бажаном, я нашёл Ленку и вытерпел лекцию очень серьёзной девчушки об истории костюма, на чём наш первый школьный день, наконец, и закончился. Он, в общем-то, прошёл неплохо. Школа нам обоим понравилась, я завязал знакомство с интересным одноклассником, Ленка тоже познакомилась с девчонками. Нам пора как-то начинать встраиваться в общество, поначалу хотя бы в школьное.

К своим четырнадцати годам я уже определился с ближайшими целями – стать Высшим и превратить нас в полноценную дворянскую фамилию. Не так уж много времени осталось до того, как я по закону стану полноправным главой семьи, и к тому моменту стоило бы иметь реальный и конкретный план действий. Так что пора понемногу начинать присматривать возможных союзников и слуг. Для начала простолюдинов – дворяне вряд ли станут воспринимать нашу семью всерьёз, пока мы не наберём сил.

*

Дни шли за днями; мы постепенно втянулись и начали привыкать к увеличившейся нагрузке – от занятий с домашними учителями нас никто не освобождал, и мы по-прежнему посещали школу Данислава. Несмотря на мой расчёт на предыдущее образование, учиться мне оказалось ничуть не легче, чем Ленке. Главная проблема крылась в здешней математике – она изначально строилась на несколько изменённой теории множеств, и мои прошлые знания оказались совершенно неприменимыми. Например, здесь в принципе отсутствовало такое основополагающее понятие, как непрерывная функция – цитата: «в мире не существует ничего непрерывного». Весь матанализ, что я когда-то изучал, оказался даже не то что бесполезным, а попросту мешал. Со старой доброй евклидовой геометрией было попроще, но это только пока. В третьем классе мы начнём проходить основы геометрических искажений, и там мои старые знания никак не помогут. Алхимия с первого взгляда основывалась на обычной химии, но только с первого взгляда. Например, в ней не было понятия валентности, потому что алхимик с помощью Силы легко мог добавлять и убирать атомарные связи и, соответственно, чуть ли не в кастрюле создавать вещества, принципиально невозможные на той Земле.

Так что приходилось учиться, причём учиться только отлично, потому что плохая учёба позорит семью. И да, я уже здорово проникся местным аристократическим кодексом. Да и как могло бы быть иначе, если мне внушали это с самого раннего детства? Я помню свою прошлую жизнь – ну, значительную её часть, но отдаю себе отчёт, что я давно уже не тот человек, который умер там. Я Кеннер Арди, и та память для моей личности лишь небольшое дополнение.

Уроки развития основы мне особенно нравились. Во-первых, упражнения давались мне очень легко – мы их, да и не только их, выполняли каждый день с шести лет. Во-вторых, учитель частенько рассказывал нам что-то новое и интересное.

– Кто мне скажет, какое качество является важнейшим для Владеющего Силой? Матулич, твоё мнение?

– Дар, учитель.

– Неверно, дар предполагается всегда. Если его нет, то человек Силой не владеет и говорить не о чем. Кто ещё скажет? Волкова?

– Трудлюбие, – пискнула маленькая девочка с бантиками.

– Трудлюбие в любом занятии необходимо, но для Владеющего есть и более важное качество. Арди, что скажешь?

– Воля, учитель.

– Да! Верно! Именно своей волей Владеющий управляет Силой, и именно его несгибаемая воля меняет мир вокруг него. Месяц назад, в начале учёбы, вам было велено бегать две

версты по утрам. Кто из вас с тех пор бегают каждое утро без пропусков?

Руки подняли мы с Ленкой. Я оглянулся – что, это всё?

– Только Арди и Менцева? – учитель помолчал, – Ну что же, слушайте внимательно, потому что я это скажу только раз.

– Мы все являемся частью мира и меняемся вместе с ним, но и мир является нашей частью, и мы меняем его каждое мгновение. Каждое наше действие, каждое наше слово меняет Вселенную, но если некоторым из нас достаточно тихого слова, чтобы заставить мир стать другим, то большинству даже криком не вызвать ничтожнейшего изменения.

Владеющий меняет мир своей волей, но воля у всех разная. Если вы не можете заставить себя утром вылезти из постели и пробежать жалкие две версты, сможете ли вы изменить мир? С чего бы мир стал прислушиваться к вам, если вы не в силах заставить даже себя?

Вы можете спросить: «Какая Вселенной разница, бегаю я по утрам или нет?». Вселенной плевать на ваш бег, важна ваша воля. Настоящий Владеющий будет выполнять своё решение безо всяких скидок на обстоятельства, потому что его воля непреклонна. Он решил бегать по утрам? Дождь, снег, град – он бежит. В городе наводнение, пожар, ураган – он бежит. В город вошёл враг и вокруг свистят пули, но он бежит, потому что он так решил.

И вот когда его воля действительно становится нестигаемой, мир его замечает и начинает к нему приспосабливаться. Град обходит его стороной. Наводнение не задевает тропинку, по которой он обычно бегаёт. Вражеские пули всегда летят мимо. Настоящему Повелителю Силы не нужно даже формировать структуры Силы – мир сам меняется, чтобы угодить его желаниям. Но начинается всё с малого – для начала надо победить свою лень.

Учитель сделал паузу.

– Можешь не изображать скепсис, Штайн, мне всё равно, чему ты веришь, и я не собираюсь тебя убеждать. – Учитель обвёл класс взглядом. – Вижу, многие из вас приняли это просто за красивые слова. Что ж, я расскажу вам одну историю, а вы уж сами решайте, задуматься над моими словами, или же просто выкинуть их из головы.

Как вы, вероятно, знаете из истории княжества, примерно сто пятьдесят лет назад произошла война родов, в которой заметную роль сыграл Кеннер Ренский. Враждебные роды устроили на него несколько покушений, но ни одно из них не достигло успеха. Один из отчётов о проведённой операции, однако, оказался позже доступным публике. Те из вас, кто продолжают учёбу в Академиуме, будут разбирать его подробно, с анализом задействованных сил; я же просто перескажу его краткое содержание.

Убийца сумел пробраться в закрытый сад резиденции рода и подкараулить Ренского, когда тот задремал, сидя в беседке. Убийца был мастером-стрелком, вооружённым крупнокалиберной винтовкой с полным глушением звука. У него получилось выстрелить восемь раз. С расстояния тридцати сажен он умудрился не попасть ни разу. Три раза патрон

непонятным образом заминался в стволе, и убийца был вынужден выбивать его шомполом. Четыре раза произошла осечка – трижды не сработал капсюль, и один раз не воспламенился порох. В процессе стрельбы он сломал себе ключицу и палец. При попытке сделать девятый выстрел винтовка сломалась. Всё это время Ренский продолжал спать. Последующее расследование показало, что патроны бракованными не были; причина поломки винтовки также осталась неясной.

Именно этот отчёт привлёк внимание к странному феномену, связанному с Высшими. Высший – это не просто название; именно с десятого ранга Владеющий начинает своей волей искажать мир вокруг себя. Победить Высшего может только другой Высший – так и случилось с Ренским, когда его смогли настигнуть четверо Высших из враждебных родов. Хотя Ренский погиб, вместе с ним погибли двое его противников, а Мать рода Эйле оказалась искалечена настолько, что была вынуждена отказаться от Материнства. На том война постепенно и затихла.

Так, у нас уже, кажется, был звонок. – Учитель прислушался к шуму снаружи. – В таком случае урок окончен. Задание на дом у вас есть, а я прощаюсь с вами до завтра.

Он вышел в коридор, за которым уже вовсю шумела перемена. Мы неторопливо собирали свои записи. Через парту от нас Штайн распинался перед своими подхалимами, при этом почему-то поглядывая на Ленку:

– Я такой чепухи давно не слышал. Владеющий развивается, когда есть хорошие способности, – он сделал паузу, чтобы дать слушателям возможность догадаться, у кого тут хорошие способности, – нужны способности, а не тупая беготня по утрам. Его послушать, так отцовы приказчики уже все как один должны быть Высшими. Вместо того чтобы нормально учить, нам тут капают на мозги какими-то дурацкими историями.

Слушатели активно кивали и поддакивали. А я просто ушам своим не верил – чего эти гарипотеры ждали от школы? Что им выдадут волшебные палочки, и они сразу станут великими волшебниками? Похоже, большинство наших одноклассников слова учителя восприняли как очередную байку. Я начал понимать, почему даже способные простолюдины редко достигают каких-то высот во Владении – нужно несколько поколений, чтобы полностью осознать важность таких вот вещей, и внушить это своим детям с рождения.

*

– Ольга, к тебе можно?

– Заходи, Стефа, – Ольга Ренская, не поднимая взгляда от бумаг, призывно махнула рукой. – Посиди минуточку, я заканчиваю.

Стефа Ренская, младшая сестра Ольги, заведовала безопасностью рода. Сёстры были совершенно разными: суровая, не улыбкающая Ольга, которую побаивались даже родственники, и всегда готовая поболтать и посмеяться Стефа, с простоватым, добродушным лицом. Знающие люди, однако, опасались её больше, чем Ольгу.

– Что там у тебя? – Ольга, наконец, отложила бумаги в сторону.

– Наш человек в Круге передал кое-что любопытное. Сын Милославы в этом году проходил тест на основу, – слова «внук» приходилось избегать, Ольга ненавидела любые упоминания об их родстве. – Вот, посмотри его показатели.

Ольга взяла листок, посмотрела на цифры, затем нахмурилась и перечитала написанное внимательнее.

– Что за бред?

– Бред это или нет, но это то, что написано в его карточке одарённого.

– У них прибор сломался?

– Протокол теста мы увидеть не можем, так что остаётся только гадать. Но мои люди считают, что дело не в приборе. Скорее всего, подделаны расчёты.

– Для подделки выглядит слишком сомнительно. Подделка должна быть незаметной, а это сразу бросается в глаза.

– Вот поэтому мои люди и считают, что в расчёт внесена намеренная ошибка. Понимаешь, если подделывать так, чтобы это выглядело как случайная ошибка, то можно получить только ограниченный набор цифр. И если отбросить дикие результаты вроде ноль-два-восемь, то выбор будет совсем маленьким. Пусть цифры выглядят сомнительно, зато любое расследование покажет простую арифметическую ошибку, и никакого умысла не докажешь.

– Ну... возможно. А почему ты не допускаешь, что это и в самом деле ошибка?

– Помнишь подружку Милославы, Нату Менцеву? После неё осталась дочь, Милослава её удочерила. Вот её цифры основы.

– Ничего не понимаю...

– Я тоже пока не понимаю. Но согласись, в две ошибки подряд уже совсем невозможно поверить. Для детей из одной семьи. Есть предположение, что тут приложила руку Драгана, и что она таким образом пытается привлечь внимание к семье Милославы.

– Ясно, что без этой сучки Драганы не обошлось, только она может приказать подделать результаты теста. И всё же непонятно в чём её интерес.

– Пока думаем над этим.

– Интересно, можно ли Драгану как-нибудь на этом зацепить?

– В принципе, если опротестовать цифры, то её можно немного прижать. Но тут есть сложность – мы их опротестовать не можем, мы эти цифры вообще знать не должны.

Протест имеет право подать только законный представитель ребёнка.

– Вообще-то, у нас есть этот... отец, – последнее слово Ольга буквально выплюнула.

– Пожалуй, может получиться, – кивнула Стефа. – Надо подумать, как подойти с этим к мальчику.

– Я не собираюсь к этому отродью «подходить», – прошипела Ольга, – его привезут сюда, и лучше бы ему меня не злить.

– Ольга, ты совершаешь ошибку, – покачала головой Стефа, – не надо действовать так прямолинейно, нас не поймут.

– Всё, вопрос решён. Подготовь отца, а я распоряжусь насчёт доставки.

Стефа только вздохнула.

Глава 5

Учитель основы обожал глупые вопросы учеников. Он использовал их как повод для поучительной лекции, попутно размазывая задавшего вопрос. Обычно за всех отдувался Штайн – его потенциал идиотских вопросов и замечаний был недостижим для нормального человека. Сегодня, однако, случился и мой выход. Мне вдруг вспомнились фантазийные фаерболы, и я, совершенно неожиданно для себя, вылез с этим вопросом.

– Плазменные шары? Что с тобой, Арди? Ты сегодня как-то внезапно поглупел, меня это тревожит. – Класс хихикал в кулаки – всегда приятно посмотреть, как втаптывают в грязь соседа. – Хочешь посоревноваться со Штайном? – Внимание класса переключилось на Штайна, который вдруг перестал находить ситуацию смешной.

– Нет, в самом деле, Арди, именно от тебя я не ожидал такого вопроса, – продолжал учитель. – Здесь ведь достаточно базовых житейских знаний, чтобы понять, что это чушь. Вспомни, какой высоты достигают языки пламени костра. Одна сажень, и вся плазма закончилась. Даже солнечные протуберанцы очень быстро рассеиваются в вакууме. В воздухе же комок плазмы не пролетит и пары сажен. А если куда-то и долетит, то самое большее – подпалит волосы. Обычная огненная плазма практически неопасна – в пламя костра можно ненадолго сунуть руку безо всякого вреда для себя.

Если всё же рассмотреть вопрос серьёзно, то создать такой шар действительно возможно. Нужно взять большой объём газа, разогреть его до очень высокой температуры, сильно сжать, чтобы создать достаточно высокую плотность плазмы, и обернуть полученный шар квазистабильной силовой оболочкой, чтобы плазма не рассеялась в воздухе, но высвободилась при ударе. Обычному Владеющему такая сложная задача не по силам, но старшие ранги, возможно, могли бы справиться.

– Проблема здесь в цене, – продолжал учитель. – Создание такого шара займёт немало времени, а главный вопрос: сколько энергии на это потребуется? По моим прикидкам, для

разгона камня весом в большую гривну[12] до первой космической скорости понадобится не более одной десятой от этой энергии, а скорее всего, намного меньше. Причём такой разогнанный камень пробьёт насквозь любую броню, плазменный же шар всего лишь проплавит углубление в бронепластине и бесполезно рассеется. Гораздо лучший результат даст расплавленный комок породы, но и в этом случае эффект обычно не оправдывает затраченной энергии. Когда необходимо оказать температурное воздействие на цель, Владеющий её и нагревает, а не бросается чем-то горячим издалека.

[12 – Большая гривна – мера веса, примерно 400 грамм. Не путать с денежной единицей.]

Главное, о чём всегда следует помнить – это то, что манипуляции с силовыми конструктами не бесплатны. Создавая конструкты, Владеющий устаёт точно так же, как если бы он поднимал гирю. И чем больше энергии требует конструкт, тем больше он устаёт. Даже Высшие предпочитают использовать низкоэнергетические воздействия везде, где только возможно, и даже Высшему не придёт в голову такая глупость, как швыряние плазменными шарами.

Раздавшийся наконец звонок ознаменовал завершение сеанса унижения. Урок основы был последним, и мы с Ленкой не торопясь двинулись на выход.

– Кени, а с чего тебе вдруг пришли в голову эти огненные шары?

– Ну, было бы круто, – «с чего, с чего... читал про них слишком много, вот с чего», – швыряешь их с обеих рук, а всё вокруг горит и взрывается.

– Ты всегда такой серьёзный, но иногда ужасно забавный, – Ленка засмеялась. – Давай, ты почаще будешь забавным?

– Я тебе не нравлюсь серьёзным?

– Кени, ты мне всяким нравишься, – с нежностью сказала Ленка. – Но иногда мне хочется, чтобы ты не всегда был таким серьёзным.

Я не выдержал и тоже засмеялся.

– Ладно, постараюсь.

Действительно, как-то слишком уж я загружаюсь. Можно подумать, что я отец семерых детей и единственный кормилец. Мне, в конце концов, всего четырнадцать.

Как только мы вышли за ворота школы, рядом как-то незаметно оказались двое крепких мужчин.

– Кеннер Арди?

– Да, это я. С кем имею честь?

– С вами хотят поговорить. Садитесь в машину.

– Кто хочет со мной поговорить?

– Вы всё узнаете на месте, – они даже не пытались выглядеть дружелюбно. – Садитесь в машину.

– Я не собираюсь садиться в машину к незнакомым людям.

– Нам приказано вас доставить, и мы вас доставим. В ваших же интересах, чтобы это произошло мирно.

Я повернулся к Ленке и шепнул ей на ухо:

– На машине герб Ренских, запомни номер. Сразу сообщи маме. Сама не вмешивайся.

Ленка молча кивнула, глядя на меня испуганными глазами. Я повернулся обратно к незнакомцам и спокойно сказал:

– Я отказываюсь ехать с вами куда бы то ни было. Предупреждаю вас, что если вы увезёте меня силой, то это будет квалифицировано как похищение.

Люди Ренских даже не снизошли до ответа. Они просто подхватили меня с двух сторон и закинули в машину. Посреди бела дня, при множестве свидетелей! Или я совсем ничего не понимаю во внутренней политике княжества, или Ренские вконец обнаглели.

Квартал Ренских занимал изрядную площадь в северной части города и был обнесён высокой стеной. Хотя стена выглядела достаточно декоративно, наверху виднелись загнутые внутрь кронштейны с натянутой на них колючей проволокой. Надо полагать, колючей проволокой защита квартала не исчерпывалась. Машина заехала в незамедлительно открытые ворота, проехала по дороге с жилыми домами по обеим сторонам, и остановилась у внушительного здания главной резиденции. Меня выволокли из машины, и держа с двух сторон, потащили в здание. Хорошо хоть не надели наручники – впрочем, кто знает, что там впереди? Протестовать я не стал; протест, на который не обращают внимания – это всего лишь бессмысленное унижение.

Мы спустились по лестнице куда-то в подвал, и прошли по короткому коридору. Затем меня втокнули в какую-то комнату с кратким напутствием: «Посиди тут», и дверь закрылась. Послышался щелчок замка: меня заперли. Я огляделся. Комната размером метров пятнадцать, с минимальной мебелировкой в виде топчана из досок с тощим матрасом. Маленькое грязное окошко под потолком, забранное решёткой. В нише унитаз и раковина. Классическая тюремная камера. Бабуля явно неспроста решила покошмарить меня перед встречей – похоже, мне будет сделано предложение, которое мне сильно не понравится.

Бабушку Ольгу я прекрасно запомнил с нашей первой и единственной встречи, когда мне было меньше года. Уже одного того воспоминания было достаточно, чтобы понять, что она приказала привезти меня сюда вовсе не для того, чтобы закормить внучка пирожками. Как

вскоре выяснилось, кормление в программу визита вообще не входило – ни пирожками, ни чем бы то ни было иным. День понемногу начал клониться к вечеру, затем совсем стемнело, а я так и сидел. Я поигрался немного с мыслью о побеге, но потом со вздохом выбросил это из головы. Навыков ниндзя у меня нет, и через охраняемые ворота мне не пройти. Да и вообще, стоит сначала выяснить, что происходит.

В конце концов, наступила ночь, и я решил, что мне в любом случае стоит выспаться, чтобы иметь свежую голову – ну, насколько это вообще возможно в таких условиях. Я всё же снял пиджак и брюки и аккуратно разложил их там, где почище. Сложно сохранить самоуважение, когда выглядишь опустившимся бомжом среди хорошо одетых людей – на что, очевидно, и был расчёт. Кое-как я уместился на плоском матрасе и всё-таки сумел заснуть при свете тусклой лампочки под потолком. К сожалению, месяц листопад[13] в этом году выдался очень тёплым – куртку я в школу не надел, а укрываться пиджаком не рискнул.

[13 – В древнерусском календаре это октябрь.]

Проснулся изрядно озябший, когда уже совсем рассвело. Как следует умылся, сделал зарядку и надел костюм. Осмотрев себя критическим взглядом, я пришёл к выводу, что выгляжу всё же прилично. По законам жанра хозяева сейчас должны решить, что я уже созрел и, по всей видимости, вскоре меня ждёт встреча с дорогими родственниками. Не знаю, что они понимают под созреванием, но добрых чувств к бабуле у меня не прибавилось.

Примерно через час в замке загремел ключ, и дверь открылась. В камеру заглянул один из вчерашних качков и махнул рукой мне на выход. Второй качок обнаружился за дверью. Меня опять потащили, крепко ухватив с боков. Вряд ли они всерьёз ожидали от меня какого-то сопротивления – это было, скорее всего, ещё одним средством психологического давления. Средством, надо сказать, эффективным – если бы я был обычным четырнадцатилетним подростком, я бы уже наверняка паниковал.

Путь наш закончился на втором этаже у красивой дубовой двустворчатой двери. Мы зашли в приёмную с секретарём, который сразу кивнул на дверь кабинета, куда меня довольно грубо и втолкнули. Как только я обрёл равновесие после толчка, я осмотрелся. В кабинете присутствовали трое. За большим столом сидела и рассматривала меня Ольга Ренская, которую я сразу узнал. Её эмоции ощущались прекрасно – какая-то смесь безразличного любопытства и отвращения, что-то вроде чувств благородной девицы, разглядывающей неизвестно как заползшую на стол мокрицу. Второй была женщина средних лет с очень добрым лицом, при виде которого у меня сразу пробудилось ощущение опасности. Впрочем, в её чувствах ничего опасного не ощущалось, там преобладало равнодушное любопытство. Третьим был мужчина, который старался казаться незаметным, и от которого явственно несло страхом.

Наконец, Ольга прервала молчание:

– Ты знаешь кто я?

Я пожал плечами. Не имею ни малейшего желания облегчать работу старой крысе, пусть

сама представляется.

– Я Ольга Ренская, твоя бабка, – и немного подумав, уточнила: – Биологически.

Я слегка наклонил голову. Правила вежливости диктовали небольшой поклон, но в данный момент у меня не было ни малейшего желания соблюдать какие-то правила вежливости.

– Я сама представлюсь, Ольга, – сказала вторая женщина. – Я Стефа Ренская, тётка твоей матери и, стало быть, твоя двоюродная бабка.

Ещё один намёк на поклон. По крайней мере, эта хотя бы не стала уточнять насчёт «биологически».

– А это, – опять заговорила Ольга, – твой родной отец.

– Сынок! – мужчина вскочил и двинулся ко мне с явным намерением заключить меня в объятия.

– Стоять! – я вытянул руку, не давая ему подойти, и повернувшись к дамам, пояснил: – Этот человек не может быть моим отцом.

Ольга удивилась, а от Стефы повеяло весельем. Да, бабушка Стефа, я тут недавно кое-кому пообещал быть прикольным.

– Вы можете представить какие-нибудь документы? – спросил я «отца» с интонациями прокурора.

– Какие документы? – опешил тот.

– Документы, подтверждающие ваше заявление.

– Какие тут могут быть документы? – Незапланированное изменение сценария полностью выбило его из колеи. Жаль, что в этом мире не прозвучала крылатая фраза «Уши, лапы, хвост – вот мои документы», она была бы очень к месту.

– Ясно, подтвердить вы ничего не можете. Как ваше имя?

– Борис Ярин, – бедняга полностью потерял нить разговора и уже ничего не соображал.

– Никогда о вас не слышал, – Я повернулся к дамам и конфиденциально сообщил: – Это жулик.

Бам! Ольга треснула рукой по столу.

– Хватит ломать комедию! – рявкнула она. Чувствовалось, что она зла до крайности, и уже с трудом сдерживается. – Сейчас вы вместе с ним сядете в машину и поедете к нотариусу. Там ты подтвердишь, что он твой отец, и подпишешь всё, что тебе дадут подписать. Тебе всё

ясно?

– Тут есть одно препятствие...

– Какое ещё препятствие?!

– Я несовершеннолетний, и пока что не являюсь главой семьи, – спокойно пояснил я. – У меня нет права принимать в семью первых попавшихся проходимцев.

– Ты поедешь и сделаешь то, что я сказала! – Ольга уже рычала. Стефа сидела с каменным лицом, но я явственно ощущал её веселье.

– Это невозможно. – Пусть она лучше меня убьёт, но дать ей право распоряжаться собой я не собираюсь.

– Весь в эту тварь Милославу, – прошипела Ольга. – Ладно, посмотрим, как ты вскоре запоёшь.

Она нажала кнопку звонка и скомандовала заглянувшему конвоиру:

– Увести. Есть ему не давать.

Я вновь очутился в уже привычной камере. Знакомство с бабушкой оставило у меня смешанные чувства. А я ещё говорил, что удар кувалдой – это стиль Ленки! Вот он, настоящий стиль кувалды, во всей красе. Но всё же я не понимаю – это же Мать рода, руководитель, политик, она же должна осознавать, что такое наглое похищение вряд ли получит одобрение окружающих. Или она привыкла получать всё силой и в конце концов перестала адекватно воспринимать действительность? Или наша семья приводит её в такое бешенство, что она теряет разум? Или же она решила, что легко заставит меня всё подписать, а там отпустит меня, и ей уже нельзя будет предъявить никаких претензий? Любой вариант, а скорее всего, все вместе. Однако сейчас ситуация тупиковая: она не может отступить без потери лица, а я ни за что не стану делать то, что от меня требуют. Посмотрим, чем дело кончится, но пока что для меня всё выглядит печально.

И тут кстати вспомнилось, как мать разволновалось, когда увидела наши игры с Силой. Признаться, я не воспринял тогда угрозу от Ренских всерьёз, и считал, что она перестраховывается. А вот сейчас полностью осознал, что она ничуть не перестраховывалась, а просто хорошо знала свою мать. Мы, конечно, прятали свои способности от посторонних, но если бы я тогда знал то, что знаю сейчас, я бы удесятирил осторожность. Были, были у нас опасные моменты – несерьёзное отношение к угрозе всегда расслабляет.

Прошёл час, другой. Есть хотелось уже просто невыносимо. Неожиданно опять загремел замок и дверь открылась. В комнату заглянул один из конвоиров и сказал: «Выходите». Мы опять двинулись знакомым маршрутом, но почему-то на этот раз меня не тащили. С чего бы вдруг такая вежливость? У меня зародилась надежда.

В кабинете Ольги, кроме Стефы и самой Ольги, присутствовали двое мужчин.

– Господин Кеннер Арди? – спросил старший из них.

– Да, это я. С кем имею честь?

– Меня зовут Курт Гессен, я представляю князя. Мой спутник – Иван Вышатич-Санский, представитель Дворянского Совета. Мы прибыли сюда для расследования поступившей жалобы. Ваша мать, Милослава Арди, заявляет, что вас насильно удерживают в резиденции Ренских. Однако сиятельная Ольга утверждает, что вы являетесь её гостем, и что это семейное дело, которое вы решите между собой.

Как-то неожиданно быстро князь отреагировал. Не настолько моя мать заметный и влиятельный человек, чтобы следователи примчались сюда уже на следующий день. Я-то предполагал, что на жалобу отреагируют дня через три, а то и через пять. Конечно, хорошо, что так получилось, но всё же это странно и непонятно. Судя по кислой физиономии Ольги, она тоже не ждала гостей.

– Господин Курт, господин Иван, – я поклонился по очереди обоим, – сиятельная Ольга лжёт. – (Ольга издала какой-то неопределённый звук). – Меня доставили сюда силой и держат здесь в тюремной камере, требуя подписать некие документы. Я здесь не гость, а заключённый, господа. И это не семейное дело, поскольку сиятельная Ольга изгнала мою мать из своей семьи ещё до моего рождения.

Моё заявление оказалось явной неожиданностью для прибывших.

– Признаться, это очень серьёзное обвинение. Вы действительно на нём настаиваете?

– Да, настаиваю. – Может быть, у Ольги всё схвачено, и для меня это кончится плохо, но лучше уж как-то побрыкаться.

– Ну что же, в таком случае мы будем вынуждены начать расследование этого случая. Сиятельная Ольга, прошу предоставить мне список всех участников данного э-э... инцидента и не препятствовать расследованию. Господин Кеннер, сейчас вас доставят домой, а завтра с утра прошу вас прибыть в княжескую канцелярию для дачи показаний.

*

После ухода гостей женщины некоторое время сидели молча. Затем Ольга схватила хрустальный стакан со стола и с размаху запустила им в стену. Звон стекла прозвучал одновременно с нецензурным ругательством.

– Похоже, у нас проблемы, – со вздохом констатировала Стефа. – Нам не следовало забывать, что мальчик – дворянин. Дворянство будет жаждать крови.

– Придушила бы гадёныша! – с ненавистью проговорила Ольга.

– Оля, у тебя как будто разум отключается, когда дело касается Милославы, – укоризненно проговорила Стефа. – Тебе нужно быть сдержаннее.

– Сдержаннее?! Мне нужно быть сдержаннее?! – с бешенством в голосе переспросила Ольга.
– Да у меня все проблемы из-за того, что я слишком сдержана! Вместо того чтобы просто прибить эту потаскушку тогда, я проявила сдержанность и всего лишь вышвырнула её за порог. И теперь мне приходится за свою сдержанность расплачиваться!

Стефа вздохнула, но промолчала.

*

По дороге я попытался передать Ленке, что скоро буду дома. Я не смог понять, получила ли она моё сообщение, однако дома меня ждали. Мама крепко прижала меня к себе и долго не могла отпустить, потом настала очередь Ленки. У нас также находился пожилой, но весьма бодрый персонаж, облик которого сразу наводил на мысль о судейском. Когда мать его представила, так оно и оказалось:

– Кеннер, это поверенный нашей семьи, почтенный Томил Бодров.

– Рад знакомству, почтенный Томил, – я вежливо поклонился. – Полагаю, нам нужно обсудить ситуацию, но сначала я должен привести себя в порядок и что-то съесть. Ренские не расщедрились на угощение.

– Безусловно, господин Кеннер, я всё прекрасно понимаю.

– Иди переодевайся, – сказала мама, – обед уже готов, я велю подавать сразу, как только ты спустишься.

За обедом о делах не говорили. Оно и к лучшему – мне стоило немалых усилий есть не торопясь, в соответствии с правилами хорошего тона, и это требовало от меня полного внимания. Наконец, подали чай, и я пересказал все свои злоключения. Рассказ получился недолгим, да собственно, и событий-то никаких не происходило, за исключением краткого общения с Ольгой.

– Мне, наверное, следовало раньше рассказать тебе об отце... – начала было мать, но я её тут же прервал:

– Мама, стой, больше ни слова! Мне не следует сейчас это знать, и я не хочу ничего слышать. Потом мы обязательно поговорим об этом, но сейчас это может навредить.

– Чем же? – удивилась она.

– Сейчас я могу с полным правом и правдиво отрицать, что Ярин является моим отцом. Если же – представим на мгновение, – всё действительно обстоит именно так, и ты это подтвердишь, это может и осложнить мою позицию. Мелочь, конечно, но не стоит пренебрегать и мелочью.

– Очень правильный подход, – одобрительно глянул на меня поверенный. – Думаю, нам с вами будет легко работать.

– Меня больше интересует другой вопрос, мама, – продолжал я. – Почему Ольга так настроена против нашей семьи? Мне кажется, нам стоит знать, что между вами произошло, чтобы лучше понимать происходящее.

Мать задумалась, явно затрудняясь с ответом.

– Ответить просто, сложно ответить так, чтобы было понятно. Надо представлять характер матери.

– Я уже немного представляю. Привыкла всё получать силой и возражений не терпит.

– Ну да, – мама усмехнулась, – пожалуй, ты поймёшь. Дело в том, что я раз за разом поступала ей наперекор, пока она, наконец, не вышла из себя окончательно. Сначала я пошла в Академиуме на алхимию. Мать была против, роду были нужны боевики, а у меня же был девятый ранг после посвящения Аспекту, с хорошей перспективой подняться до Высшей. Мать была в бешенстве оттого, что я с таким рангом, как она выразилась, «пошла в бесполезные вонючки». Потом я увлеклась эликсирами, занялась биологией, и после окончания Академиума тут же снова поступила на лекарский. Мать опять взбесилась, потому что роду лекарки были нужны ещё меньше, чем алхимики. Никто же не предполагал, что у меня откроется дар целителя, это случилось уже после того, как меня изгнали. Потом я сошлась с твоим отцом, и там уже прощалась с жизнью, думала, она нас обоих убьёт. Ну а когда мать узнала, что я беременна от бездарного, она уже этого не вынесла. Мы много чего друг другу наговорили, в общем, дальше всё покатилося по наклонной.

– Похоже, разойтись с Ольгой мирно у нас не выйдет, – подвёл я итог. – Без обращения к князю не обойтись. Сейчас нам нужно понять, как события будут развиваться дальше, и к чему нам нужно быть готовыми. Какие у вас мысли по этому поводу, почтенный?

– Прежде всего надо сказать, что Ренские действительно далеко вышли за рамки допустимого, поэтому перспективы данного дела для нас неплохи. Разбирать его будет Княжеский суд – вы знакомы с процедурой?

– Нет, просветите нас, пожалуйста.

– Княжеский суд созывается достаточно редко, и только по значимым делам. В частности, споры дворянства с родами полностью в его юрисдикции. Судит и выносит приговор лично князь по своему разумению, но! Дальше происходит утверждение приговора. Князь имеет два голоса, и по одному голосу имеют Дворянский Совет, Круг Силы, и Совет Родов. Дворянский Совет будет полностью на нашей стороне. Похищение родом дворянина с целью принуждения его к подписанию неких документов – это очень плохой прецедент, и Дворянский Совет будет настаивать на примерном наказании Ренских. Позиция Круга Силы пока не ясна, но они останутся как минимум нейтральными. С родами у них что-то вроде шаткого перемирия, и у Ренских в Круге друзей нет. Совет Родов, скорее всего, тоже

останется демонстративно нейтральным – у Ренских там хватает врагов, и вряд ли Совет рискнёт выказать прямую поддержку в таком дурно пахнущем деле, разве что князь вдруг решит их оправдать. Для нас такой расклад означает, что князь с его двумя голосами может в данном деле вынести любой, абсолютно любой приговор, и он будет принят. От смертной казни до полного оправдания.

Бодров сделал паузу, и я задумался, прикидывая возможные варианты.

– Что же касается дальнейших событий, – продолжал он, – то дело будет происходить таким образом: завтра вас опросят чиновники княжеской канцелярии и, вероятно, представители Дворянского Совета. Затем они проведут допросы всех участников этого дела со стороны Ренских. Когда все обстоятельства выяснятся, будет назначен Княжеский суд. Хочу сразу вас предупредить о двух важных моментах: во-первых, ваши ответы должны быть максимально полными и совершенно правдивыми. Все ответы проверяются эмпатом, который сразу определит ложь или недоговорённость. Если у вас есть способности к эмпатии, ни в коем случае не закрывайтесь – это будет воспринято не в вашу пользу. Во-вторых, если вам случится беседовать с князем, обращайтесь к нему «княже» и на «ты». Обращение на «вы» будет воспринято как оскорбление – традиция! – вам, конечно, это простят в силу вашего возраста, но и относиться станут, как к ребёнку.

– Благодарю вас, почтенный Томил, за разъяснение, – я вежливо наклонил голову.

– Прежде чем предложить вам какой-то совет, – продолжал Бодров, – позвольте поинтересоваться: что именно вы хотите получить от суда? Уголовное преследование виновных, или виру, или же просто защиту от дальнейших попыток?

– Мне кажется, лучше ограничиться просьбой о княжеской защите, – подумав, ответил я. – У нас слишком неравные силы, чтобы вступать в противостояние с Ренскими, так что не стоит требовать слишком многого.

– Приятно видеть такое здравомыслие в столь юном возрасте, – одобрительно откликнулся поверенный. – В таком случае, господин Кеннер, тактика у нас проста: отвечайте на вопросы полно и правдиво. Дело достаточно ясное, истец не выдвигает чрезмерных требований, так что рассмотрение должно происходить в благоприятном ключе. Если князь и наложит какое-то наказание на Ренских, пусть это будет его инициативой.

Глава 6

На следующее утро я в сопровождении Бодрова ехал в княжескую канцелярию в прекрасном настроении. Сон в мягкой постели, хороший завтрак, чистая одежда, а главное, свобода, вызвали состояние эйфории. Это пьянящее чувство свободы невозможно описать словами; это ощущение не дано понять человеку, которого никогда не лишали свободы. Я сознавал, что ещё ничего не решено, и дело пока что далеко от завершения, но сейчас, забыв обо всех неприятностях, просто наслаждался свободой и бодрящим осенним воздухом.

В комнате присутствовали уже знакомые мне Гессен и Вышатич-Санский, двое мужчин,

представленных мне как дознаватели и ещё один человек, которого никто не потрудился представить. По всей видимости, это и был эмпат, о котором предупреждал поверенный.

– Господин Кеннер, расскажите нам кратко всю последовательность событий, – предложил Гессен, – а мы будем задавать вам уточняющие вопросы.

– Как скажете, господин Курт, – согласился я. – Итак, после занятий ко мне подошли двое мужчин, которые потребовали, чтобы я сел к ним в машину. Они не представились и отказались сообщить, куда и зачем собрались меня везти. После того как я заявил им, что я не сяду в машину к неизвестным, они усадили меня силой.

– Скажите, господин Кеннер, – спросил Вышатич-Санский, – у вас имелся сословный знак?

– Разумеется. Наша мать требует носить сословный значок всегда и везде, и мы с сестрой понимаем необходимость этого. Я ношу его всегда на лацкане, как сейчас.

– А, к примеру, если бы эти люди представились как положено и сообщили, что вас желает видеть Ольга Ренская – вы бы поехали с ними?

– Разумеется, я бы поехал, – ответил я. – Я не стал бы оскорблять Мать рода беспричинным отказом.

– И как вы считаете – в чём была цель вашего э-э... приглашения именно в такой форме?

– Цель была достаточно очевидной – создать психологическое давление, чтобы заставить меня подписать всё, что скажут.

– Благодарю, продолжайте, пожалуйста.

– После того как мы прибыли в резиденцию Ренских, меня отвели в подвал и поместили в камеру, в которой я и просидел почти сутки. На следующий день меня отвели к Ольге Ренской, где она представила мне какого-то человека как моего якобы отца. После чего потребовала, чтобы я официально признал этого человека своим отцом перед нотариусом, и подписал, цитирую: «Всё, что тебе дадут подписать».

– Скажите, а он действительно ваш отец? – спросил один из следователей.

– Он отказался предъявить какие-либо документы на этот счёт, и моя мать впоследствии его заявление не подтвердила.

– Но тем не менее существует вероятность, что он действительно ваш отец, не так ли?

– Даже если допустить, что он действительно мой биологический отец, это ничего не меняет. За всю мою жизнь он ни разу не счёл нужным меня повидать. Появился он передо мной только по приказу Ольги Ренской с целью получить от меня какие-то доверенности. Вручить свою судьбу в руки подобному человеку было бы безумием.

– А у вас не было мысли согласиться поехать к нотариусу, а там отказаться подписывать и вместо этого попросить помощи?

– Такая мысль у меня мелькала, – признал я, – но этот план показался мне слишком рискованным. Нотариус мог быть в сговоре с Ренскими. Если бы свидетели подтвердили, что я действительно посещал нотариуса вместе с Ренскими, мне было бы трудно впоследствии доказать, что я там ничего не подписывал, и что моя подпись была подделана.

– Я понял вас, господин Кеннер, продолжайте, пожалуйста.

– После того как я окончательно отказался что-либо подписывать, Ольга распорядилась отвести меня обратно в камеру, приказав меня и дальше не кормить. Её слова: «Посмотрим, как ты вскоре запоёшь». Собственно, на этом всё – в следующий раз меня вывели из камеры, чтобы отвести к вам, господа.

– Спасибо, господин Кеннер. Если несложно, ответьте на несколько вопросов.

Под «несколько» подразумевалось скорее несколько десятков. Их интересовало буквально всё: точные слова вплоть до интонаций, выражения лиц, детальное описание моей камеры. Вопросы регулярно повторялись в различных формулировках и пересекались друг с другом.

– Благодарю вас за содействие, господин Кеннер, – наконец сказал Гессен после того, как они выжали из меня всё, что можно и что нельзя. – Из вашего прошения явствует, что вы просите о княжеской защите?

– Не совсем так, господин Курт, – поправил я его. – Я прошу о запрете Ренским предпринимать прямые или косвенные действия, направленные на причинение вреда нашей семье.

– Разве это не одно и то же?

– Защита – это гораздо более широкий термин, который можно понимать по-разному. Я прошу о конкретной форме защиты.

– Хм, ну что же, я понял вас, господин Кеннер. На этом всё, вы будете извещены о форме и дате рассмотрения этого дела.

Вчера мы довольно долго обсуждали с поверенным форму моего прошения о защите, и Бодров тогда сказал:

«Понимаете, господин Кеннер, князь всегда судит по справедливости. Никто и никогда не упрекнул его в обратном. Но удивительное дело, каким-то непонятным образом князь всегда получает выгоду от всех своих решений. Причём обычно он единственный и остаётся в прибыли в конечном итоге. Защиту он вам, безусловно, даст, но как именно это будет выглядеть, предсказывать не рискну. Могу только дать совет: тщательно обдумывайте каждое сказанное слово и помните, что самое сложное ещё впереди.»

*

Когда я на следующий день появился в школе, никто не стал задавать мне никаких вопросов, как будто я и не пропускал эти два дня. Наши учителя большей частью были простолюдинами и, по всей видимости, просто не хотели никоим образом влезать в разборки дворянства с родами. Дни опять покатались своей чередой, однако вскоре я неожиданно убедился, что дело вовсе не заглохло.

На перемене я никуда не пошёл, а остался сидеть за партой и разбирать свои записи. Внезапно меня резко толкнули в плечо.

– Это из-за тебя у нас княжеские ищейки всех уже достали?

Я поднял глаза – рядом со мной стояла какая-то незнакомая рыжая девица – судя по лиловому цвету банта, второклассница.

– Откуда ты вылезла, такая невоспитанная? – спросил я. – Я ведь за такие шутки могу и руку сломать.

– Ломалка у тебя не выросла, мальчик, – ответила девица с усмешкой. – Меня зовут Нельма Ренская, и я тебе задала вопрос.

– Задавай свои вопросы Ольге и вообще иди отсюда, – я махнул рукой. – Брысь, брысь.

Ренская покраснела, что при её масти было категорически противопоказано.

– Я вызываю тебя на поединок. Сегодня после уроков, в дуэльном зале. Не вздумай сбежать. – И развернувшись, гордо удалилась.

– И что это было? – спросил я в пространство. Пространство промолчало.

Похоже, князь воспользовался представившейся возможностью и сейчас вытаскивает наружу все грехи и грешки Ренских. Вот интересно, а откуда родовичи узнали, что я был причиной? От своих, или же люди князя ненавязчиво намекнули? Было у меня подозрение, что князь непременно как-нибудь втянет меня в свои игры, причём отнюдь не фигурой.

После уроков я двинулся в дуэльный зал, где уже собралось на удивление много зрителей. Хотя что тут удивительного? Бои гладиаторов – это во все времена топ кассовых сборов, тем более зрелищ тут маловато, без телевизоров-то. Вообще, как оказалось, поединки в школе были обычным делом – одарённые боевики были основой военной мощи княжества, и тренировка боевых навыков одарёнными всячески поощрялась.

Присутствовали также школьная лекарка и учитель основы, который был официальным арбитром, и вообще следил, чтобы детишки друг друга не поубивали. Предполагалось, что мы в принципе неспособны нанести заметный вред, так что ограничений у школьных поединков было немного. После короткого перечисления правил нас развели на тридцать сажен и скомандовали начинать.

Нельма с видимым напряжением принялась формировать передо мной какую-то структуру. Я по-быстрому создал стандартный тренировочный щит и начал с интересом наблюдать за её действиями. Наконец, она закончила формирование: структура схлопнулась, послав в мою сторону несильную ударную волну, которая была благополучно перенаправлена щитом вверх. Интересная модификация обычной детской хлопушки – Ренская очень творчески применила тренировочно-игровую структуру. С минимальным успехом, правда, но, что ни говори, атака Силой имела место.

Ренская начала создавать структуру заново, но я решил, что уже увидел всё, что она могла мне показать, и прогулочным шагом двинулся на сближение. Нельма засуетилась, пытаясь ещё раз атаковать структурой, но в конце концов решила не заниматься глупостями и тоже пошла навстречу. Бой был коротким: она пару раз попыталась меня ударить, а я легко увернулся. В процессе она раскрылась, и я нанёс сильный удар в солнечное сплетение. Нельма, скорчившись, упала, и на этом бой закончился.

– Ты чего так долго с ней заигрывал? – спросила Ленка.

– Хотелось посмотреть, что она умеет, – ответил я. – Но ты знаешь, что-то она совсем не впечатлила. Я о родовичах думал лучше.

На следующий день всё повторилось. На перемене ко мне опять подошла рыжая девица, правда, немного другого оттенка рыжины и с фиолетовым бантом третьеклассницы.

– Мне не понравилось, как ты дрался с моей сестрой, – с угрозой в голосе сказала она.

– А я разве хотел тебе понравиться? – в ответ удивился я.

Девица смешалась. Она что – была уверена, что я её испугаюсь, и на этом построила весь разговор? Это она зря, нужно предусматривать все возможные реакции собеседника. В результате стоит сейчас здесь и выглядит дура душой.

– В общем, так: ты сегодня дерёшься со мной. Посмотрим, как тебе в этот раз повезёт.

– Вот ты ко мне сейчас подошла, не поздоровалась, не представилась, сразу начала грубить. Совсем как твоя сестра. Ольга вас что – по деревьям набрала? У Ренских вообще кто-нибудь воспитанный есть, кроме разве что Стефы?

Рыжая покраснела. Да, этой сестре тоже лучше не краснеть.

– Меня зовут Эльма Ренская. И я не собираюсь быть с тобой вежливой.

– И напрасно. Мне-то это безразлично, а ты просто демонстрируешь окружающим отсутствие воспитания.

– Всё, разговор окончен, жду тебя после уроков.

Ренская удалилась. Ленка, смотревшая на это представление с любопытством, заметила:

– Эльма считается крутой дуэлянткой, дерётся часто, обычно побеждает.

– А ты уже успела всё про всех разузнать?

– Конечно. Это ты можешь позволить себе напролом ходить, а слабой девушке приходится изучать противников.

– Ну-ну, слабая девушка.

Ленка уже успела не так давно отличиться. Как-то, улучив момент, меня зажали в углу три третьеклассницы. Ни та, ни эта жизнь никак не подготовили меня к такому повороту, и я совершенно растерялся, не понимая, как выпутаться из этой дикой ситуации. Только мелькнула мысль: «Этак меня и изнасиловать могут», которая уже не показалась мне смешной. Можно было, конечно, начать драться, но этот вариант я оставил на самый крайний случай. Спасла Ленка, которая, на моё счастье, оказалась поблизости. Три быстрых удара, и приставалы принялись беспомощно хватать воздух ртами. История на этом, однако, не закончилась – они вызвали её на поединок. Ленка дралась с ними по очереди, и все трое потерпели сокрушительное и унижительное поражение. Третьеклассницы не успокоились и в следующий раз подловили её после школы, сразу втроём. На этот раз Ленка уже не сдерживалась, а избивала их быстро и жестоко. Был грандиозный скандал, однако все свидетели подтвердили, что пострадавшие напали на неё сами, так что для Ленки последствия ограничились недовольством директора, к которому она отнеслась совершенно наплевательски.

На этот раз зал был забит почти битком. Понятно отчего – с одной стороны, третьеклассница, и чуть ли не чемпионка школы. С другой – какой-то непонятный первоклассник. Будет либо избиение, либо низвержение авторитета, публика обожает оба варианта.

Нас так же развели по углам и скомандовали начинать. Эльма тоже начала бой с формирования какой-то структуры – это у них стандартный дебют, что ли? Мелькнула мысль дать ей возможность ударить, чтобы оценить силу, но я всё-таки решил не рисковать. Третьеклассники уже второй год изучают структуры, и лучше не относиться к этому легкомысленно. На этот раз я пошёл другим путём – когда структура была близка к завершению, внёс в неё небольшое возмущение, и она распалась. Эльма удивилась, но тут же принялась создавать структуру заново. Не слишком-то она быстрая – пять, и как бы даже не шесть секунд на формирование, да от такого и инвалид на костыле ускачет. Когда она почти закончила, я повторил фокус. До Эльмы, наконец, дошло, что это не случайность, но в чём причина, она понять не могла. Жаль, что у меня нет фотоаппарата, такое глупое выражение лица стоило бы заснять на память. Бедняга, откуда ей знать, что у меня контроль в пятёрке.

Я бодрым шагом двинулся к противнице. Она, наконец, осознала, что придётся драться, и побежала навстречу. Великолепный удар ногой в прыжке, ну прямо как в китайском боевике! Серьёзная заявка на победу, если противник очень медленный и просто стоит, хлопая глазами. Но тут Эльме не повезло – в нашем конкретном случае ситуация противоположная, и со мной такие прыжки противопоказаны. Эх, подруга, тебя бы к

Даниславу, он бы тебя моментально отучил от показухи. Нам он категорически запрещает бить ногой выше колена – выглядят высокие удары здорово, но если нарвался на быстрого противника, то такой удар может дорого обойтись. Вот и Эльма покатила по циновкам. Пинок в солнечное сплетение – не хочется мне бить её по лицу, да и вообще девчонок бить не нравится. На этом бой и закончился.

Школяры толком ничего не поняли, зато учитель с лекаркой посматривали на меня с любопытством. Я, похоже, напрасно развлекался с развеиванием структур. Эльма – ученица выпускного класса, считается хорошим боевиком, контроль у неё, скорее всего, тройка. Любому понимающему человеку ясно, что у меня контроль как минимум четвёрка, причём это не просто цифра в документе, которая может быть ошибочной, а реально продемонстрированное значение. У первоклассника! Конечно, не такой это великий секрет, эти данные можно при желании добыть, но ведь так просто их никто бы и не стал добывать, а теперь я привлёк к себе внимание. Глупо, глупо...

Вечером за чаем Ленка с юмором рассказывала маме, как я выбивал пыль из Ренских. Мама то смеялась, то морщилась, да я и сам больше морщился. Не повод это для гордости, что двух девчонок побил. Но я всё-таки решил выяснить занимавший меня вопрос:

– Почему они такие слабые? Я от родовичей ожидал гораздо большего.

– Ты думаешь, в родах все прямо великие повелители сил? – засмеялась мама. – Роды, конечно, любят пустить пыль в глаза, но на самом деле у них всё как везде. В целом они посильнее за счёт посвящения Аспекту, но оно тоже по-разному действует. Кто-то хорошо в силе приподнимается, а большинство всего на ранг или два. А ещё дармовая сила их расслабляет, и детей в родах не так уж хорошо учат. Там больше перспективными совершеннолетними занимаются, кто посвящение прошёл и хорошо Аспект принял. И вообще, будь роды такими могучими, как они себя изображают, то у нас они бы правили, а не князь.

*

На следующий день после уроков у ворот школы меня встретила Стефа Ренская.

– Здравствуй, Кеннер.

– Здравствуйте, сиятельная, – я порядком удивился встрече, но постарался этого не показать.

– Ты не против небольшого разговора? Мы можем посидеть в каком-нибудь кафе.

Я замялся и посмотрел на Ленку.

– Твоя сестра не помешает, ничего секретного я обсуждать не собираюсь.

– Хорошо, давайте поговорим. Здесь рядом есть неплохая кондитерская.

Я почувствовал, что Ленка обрадовалась. Вот куда в неё влезает столько сладкого? И ведь не

толстеет и прыщами не покрывается.

Мы уселись за столик, взяв кофе и большую тарелку пирожных, и завязался обычный светский разговор ни о чём.

Наконец, Стефа перешла к делу:

– Сразу хочу сказать, что Ольга про этот разговор не знает. Я не представляю Ренских, а хочу выяснить несколько вещей лично для себя.

– Спрашивайте, – я пожал плечами. – У меня нет каких-то особых секретов.

– Скажи, как ты относишься к Ренским?

– К Ренским вообще? Нормально отношусь, мы всё же родственники. Понятно, что родственных чувств у нас с вами нет, но враждовать я точно не хочу.

– Ты ведь подал прошение о княжеском суде, так?

– Да, подал. Это не секрет, канцелярия князя должна была вас известить. Я бы предпочёл решить дело миром, не втягивая князя, но с Ольгой же так не получится.

– А что ты попросил, если не секрет?

– Не секрет. Защиту.

– И всё?

– Всё. Я уже сказал, что враждовать не собираюсь, так что ни вашего наказания, ни виры от вас мне не нужно. Я не знаю, как будет выглядеть решение князя, но я попросил у него только защиту.

– Я поняла тебя, спасибо за разговор. Надеюсь, что у нас всё же наладятся отношения.

– Я тоже надеюсь, но пока Ольга у власти, это вряд ли получится.

– Посмотрим. До свидания.

– До свидания, сиятельная.

Когда Стефа нас покинула, Ленка спросила:

– Кени, ты ей веришь?

– Она вроде ни о каком доверии не просила. Думаю, она просто решила понять, готовы ли мы как-то нормализовать отношения, если вдруг Ольга уйдёт.

– Думаешь, такое возможно?

– Не знаю. Не знаю даже, есть ли у них подходящая Высшая, которая могла бы стать новой Матерью. Посмотрим, но мне кажется, Ольга просто так власть не отдаст. Не тот характер. Зато понятно, что со Стефой мы можем поладить.

– А зачем нам вообще с ними ладить? – Ленка искренне не понимала.

– А зачем нам с ними враждовать? Мы можем не дружить, но для вражды нет никаких причин. У нас только с Ольгой отношения плохие, да и с ней мы в принципе могли бы помириться. Жаль, что она такая упрямая.

*

Наконец, был назначен день суда. На первом заседании я, как потерпевшая сторона, должен был изложить свою просьбу к князю, а представители общин высказывали свои пожелания относительно приговора. На втором заседании князь просто оглашал своё решение, и происходило голосование. Никакие прения сторон протоколом предусмотрены не были. И князь, и общины располагали всеми материалами следствия, поэтому считалось, что они полностью в курсе дела. Княжеский суд был судом феодала, который судил по своему разумению безо всяких адвокатов и кодексов.

Стены небольшого зала судебных заседаний были увешаны гобеленами, каждый из которых изображал какой-нибудь значимый момент истории княжества. Я узнал только битву при Жиздре, когда конницу киевлян прижали к болотистому берегу и перебили целиком. На паре гобеленов новгородцы рубили каких-то рыцарей, но с меченосцами мы дрались столько раз, что опознать конкретный эпизод было невозможно.

Примерно четверть комнаты была занята возвышением, на котором стоял княжеский трон с небольшим приставным столиком. Рядом находился длинный стол с четырьмя стульями для секретарей и помощников. Ещё три стола с богато украшенными креслами для представителей общин располагались прямо напротив князя. А между князем и общинами, лицом друг к другу, располагались истцы и ответчики.

Участники заседания расселись, переговариваясь и перебирая бумаги. Несмотря на то что Ольга сидела буквально в пяти саженях прямо напротив нас, она каким-то образом умудрялась демонстративно нас не замечать. Наконец, судебный маршал объявил: «Князь Яромир Новгородский! Прошу всех встать!» – и из неприметной двери появился князь в сопровождении помощников. Князь занял свой трон и небрежно махнул рукой, разрешая садиться.

Судебный маршал объявил: «Дворянская семья Арди против рода Ренских!» – и заседание началось.

Я повторил своё тщательно сформулированное прошение о защите, затем настала очередь общин. Всё происходило в точном соответствии с предсказанием нашего поверенного.

– Совет Родов не поддерживает ни одну из сторон и предпочёл бы видеть компромиссное

решение княжества.

- Круг Силы поддерживает истца и надеется на решение княжества в пользу истца.
- Дворянский Совет полностью поддерживает истца и настаивает на примерном наказании ответчика.
- Есть ли дополнительные запросы к княжеству? – князь обвёл взглядом присутствующих, но никто не изъявил желания дополнить дело.
- Заседание окончено. О дате вынесения решения будет объявлено дополнительно.

Всё заседание не заняло и получаса. Я с удивлением заметил поверенному:

- Однако как-то быстро всё прошло, почтенный Томил. Это всегда так?
- Да, господин Кеннер, княжеский суд всегда вершится без проволочек, – утвердительно покивал головой Бодров. – Это не Мещанский суд, где дела могут тянуться годами. И тем более не Гильдейский, где на хорошем деле поверенный может кормиться до старости.

Второе заседание было назначено через четыре дня, и прошло ещё более стремительно. Князь не стал тянуть резину и сразу же огласил приговор:

- Решение княжества по иску дворянской семьи Арди против рода Ренских. Первое: предоставить истцу запрошенную защиту от ответчика в форме запрета предпринимать прямые и не прямые действия, направленные на причинение вреда дворянской семье Арди. Второе: в качестве виры за насильственные действия рода Ренских против дворянина княжества изъять у рода Ренских завод «Артефакта» с передачей во владение непосредственно пострадавшему Кеннеру Арди.

Что?! Это я так понравился князю, что он без моей просьбы назначил мне виру? Да ещё такую? Верю, вот так прямо сразу и верю. Князь явно закрутил здесь какую-то свою комбинацию, и мне необходимо понять, в чём она состоит, причём как можно скорее.

Общины тоже проголосовали без задержек:

- Совет Родов воздержался.
 - Круг Силы поддерживает приговор.
 - Дворянский Совет удовлетворён.
 - Большинством голосов приговор утверждён и вступает в силу немедленно, – объявил князь
- Сразу после заседания я отвёл Бодрова в сторону.
- Почтенный, вы можете объяснить мне происшедшее?

– Я сам в полном недоумении, господин Кеннер. Очевидно, князь таким образом собирается решить какие-то свои вопросы, но не рискну даже предположить, какие именно.

– Надо с этим срочно разбираться, есть у меня нехорошее предчувствие. Почтенный, у меня для вас задание. Сейчас вы идёте в архив и берёте выписку об этом самом заводе «Артефакта». Я же отправляюсь в канцелярию князя и получаю копию приговора.

К счастью, в княжеской канцелярии дела делались быстро, и буквально через полчаса мы уже ехали в машине.

Глава 7

Когда-то наёмники в ожидании найма тусовались по кабакам. Со временем они цивилизовались, обрели лоск и превратились в необходимую и уважаемую часть общества. Вместо звероватых мужиков в зипунах, с нанимателями стали договариваться чисто выбритые командиры отрядов в приличных костюмах, и переговоры в кабаках начали выглядеть анахронизмом. В конце концов, пять самых крупных отрядов создали свою гильдию, окончательно перейдя в категорию необходимой и уважаемой части общества. Слово «наёмник», однако, сами наёмники не любили и старались без необходимости не употреблять. Вместо этого они предпочитали называться «вольными ратниками», соответственно, и гильдию назвали «Вольной». Постепенно к гильдии присоединились более мелкие отряды, а потом и одиночки.

Здание Вольной гильдии, выстроенное в готическом стиле, стояло на набережной речки Питъбы. Разумеется, кабаки тоже никуда не делись – на первом этаже располагался приличный ресторан для нанимателей и командного состава отрядов, а с заднего крыльца был вход в более привычное для рядовых вольников заведение, где под настроение легко можно было получить литровой кружкой по голове.

Разговаривать с наёмниками я отправился вместе с Бодровым. В вестибюле нас встретила девушка-распорядительница, которая обратилась к поверенному:

– Почтенный, мы рады приветствовать вас в нашей гильдии. Чем мы можем вам помочь?

Четырнадцатилетний подросток редко воспринимается как деловой партнёр. Обижаться глупо, но всё равно раздражает.

– Наниматель я. Моё имя Кеннер Арди, и я хотел бы нанять отряд.

– Прошу прощения, господин Кеннер. Позвольте узнать цель и желаемый размер отряда?

– Сорок-пятьдесят человек. Цель – охрана предприятия. Боевых действий не предполагается.

– В таком случае позвольте проводить вас к приказчику, который ведает охранными наймами.

Мы поднялись на второй этаж и зашли в дорого обставленный кабинет, в котором сидел

представительный мужчина в деловом костюме. После взаимных представлений девушка нас покинула, и я повторил свой запрос.

– Срочный наём отряда в сорок-пятьдесят человек. Охрана предприятия без боевых действий.

– Каков срок найма?

– Один месяц.

Приказчик полистал бумаги:

– Могу вас обрадовать, господин Кеннер, у нас есть такой отряд. Стоимость найма составит шестьсот пятьдесят гривен в месяц. Вам нужно внести шестьдесят пять гривен комиссии гильдии и аванс в размере трёхсот двадцати пяти гривен. Итого триста девяносто. Отряд будет готов к выдвигению в течение часа.

– Чек Дворянского банка вас устроит?

– Конечно, господин Кеннер.

Я достал чековую книжку и выписал чек. Неплохой такой авансец – недорогой самобег стоит сотню. Деньги пока мамыны, но надеюсь, что предприятие окажется достаточно доходным, чтобы хотя бы оплачивать свою охрану.

– Благодарю вас, уважаемый, – сказал я, вручая чек. – Мы будем ждать командира отряда в ресторане.

*

Найти управляющего было несложно – дубовая дверь с бронзовой табличкой «Управляющий» не оставляла простора для сомнений. Я быстрым шагом вошёл в приёмную, приказал сопровождающим нас ратникам: «Вы двое проследите тут. Вы двое со мной» и, не обращая внимания на всполошившуюся секретаршу, вместе с матерью и поверенным проследовал в кабинет. А неплохо живёт управляющий моего завода – мебель из красного дерева, на стене вполне приличная картина, в дальнем углу ещё одна дверь, скорее всего, в комнату отдыха. Секретарша у него симпатяшка – с ней он, наверное, там и отдыхает.

Управляющий – средних лет, с наметившимися брюшком и лысиной, – приподнялся из-за стола и грозно спросил:

– В чём дело?! Кто вы такие?

– Моё имя Кеннер Арди, и я хозяин этого предприятия, – с дружелюбной улыбкой сообщил я ему. – Прошу ознакомиться с выпиской из решения Княжеского суда.

Управляющий бросил взгляд на бумагу. Не стал читать, не выразил удивления – уже знает?

Как интересно...

Мы расселись в удобные кресла за приставным столом, и я начал разговор:

– Представьтесь, пожалуйста, почтенный.

– Радим Лосев, – как-то неохотно ответил тот. Отчего-то не рад он начальству, вот что бы это значило?

– Очень приятно, почтенный Радим. А теперь расскажите о моём предприятии – род занятий, оборот, прибыль, основные обременения. Кратко, но по существу, пожалуйста.

– Вы не знаете, чем занимается ваше предприятие? – демонстративно удивился управляющий.

– Почтенный, будучи наёмным работником, вы обязаны выполнять все приказы и распоряжения своего работодателя. У вас есть какие-то возражения? Нет? В таком случае извольте выполнить мой приказ.

Как вскоре выяснилось, мой завод производил оборудование и заготовки для ремёсел Силы, прежде всего для изготовления артефактов и амулетов, а также сами артефакты и амулеты, правда, в довольно ограниченном ассортименте. Стабильное и доходное предприятие, вот только вопрос об обременениях вызвал странную реакцию. Управляющий от этого вопроса отмахнулся, мол, всё в порядке, долгов нет, но глазки у него забегали, и в эмоциях появилась какая-то каша: от страха до предвкушения. Что-то здесь явно нечисто, и похоже, что где-то здесь княжеская подлянка и зарыта.

Внезапно дверь распахнулась, и в кабинет влетела, схватившись за бок, какая-то перекошенная тётка. За ней последовал сильно хромящий паренёк лет тринадцати с брезентовой сумкой, а за ними вошла донельзя гордая Ленка.

– Вот эта пыталась выпустить вот этого через окно женского туалета, – доложила она.

– Ну ты скажи! – поразился я. – Прямо как в визионе!

– «Трое отважных», летом показывали, – дала справку Ленка. – Они там украли корону Карла Великого и тоже убегали через туалет. Их поймали, но потом они всё равно убежали.

– Сюжет ясен, будем стеречь, – кивнул я. – Ну что же, молодой человек: как вас зовут, и кто вы вообще такой?

– Зайцем зовут, – ответил он тоненьким голоском, шмыгая носом. – Посыльный я.

– А вы, уважаемая...

Тётку как будто прорвало:

– Это возмутительно, это насилие! Эта девица напала на меня безо всякой причины и избила! Я подам жалобу, не думайте, что на вас не найдётся управы!

У меня от её воплей начало сводить челюсть.

– Заставь её замолчать, – поморщившись, приказал я ратнику.

Тот приставил ей к горлу нож, и тётка немедленно замолчала, с ужасом косясь на лезвие.

– Отвечать, когда господин спрашивает, самой ничего не говорить, – веско сказал боец. – Откроешь пасть без разрешения – подрежу язык.

– Итак, – повторил я, – кто вы, уважаемая?

– Збара Дольская, – проямлила та. – Счетовод.

– Ну вот наконец и познакомились, – подвёл итог я. – И чтобы у вас не было никаких иллюзий – вы являетесь доверенным служащим дворянина, и закон определяет наши с вами отношения как «договорный вассалитет». Согласно уложению княжества «О праве и долге дворянском» мои права в отношении вас довольно обширны, в отдельных случаях вплоть до права казнить.

От управляющего опять потянуло страхом. Чего же он так боится?

– А теперь позвольте вашу сумку, уважаемый Заяц. Мне не терпится взглянуть на корону Карла Великого.

Я вытряхнул из сумки опечатанный пакет и довольно увесистую книжку. Заголовок гласил: «Золотой стандарт. Очерки монетарной политики». Я полистал её – книжка явно активно читалась, на полях было много карандашных пометок, причём оставивший их человек неплохо разбирался в предмете. Уж точно гораздо лучше меня. Я с удивлением посмотрел на счетоводшу:

– И кому вы отсылали эту книгу, уважаемая Збара?

– Это не моё! – немедленно отказалась она.

– Это моя книга, – угрюмо заявил Заяц.

– Пометки твои?

– Мои, – ответил Заяц, с вызовом посмотрев на меня.

Посыльный, читающий монографию по монетарной политике? Боюсь даже спрашивать, что читает счетовод, так ведь можно и комплекс неполноценности заработать. Я отодвинул книгу от себя:

– Забирай, раз твоя.

После чего разрезал ножом пакет и вытащил пачку однотипных документов. Да это же платёжные поручения!

– Ничего себе! – не сдержал я эмоций, пересчитав поручения. – Двадцать четыре штуки! Поистине день расплаты. А скажите-ка мне, уважаемая Збара, что осталось на счетах предприятия? Точнее, что осталось бы, если бы эти платёжки доехали до банка?

Збара замаялась.

– Ну что же вы заскромничали? Впрочем, можете не трудиться отвечать. Заяц, ты знаешь, где сидит начальник канцелярии?

– Знаю, – кивнул он.

– Сбегай и приведи его сюда.

Тут вмешалась мама:

– Кеннер, зачем ты заставляешь бегать ребёнка, у которого повреждена нога? Подойди ко мне, – приказала она Зайцу.

Ленка негромко пробурчала: «Не пытался бы убежать, и не хромял бы сейчас».

Мама взяла Зайца за руку, вторую руку положила ему на лоб, замерла, к чему-то прислушиваясь, а затем мир явственно покачнулся, как-то странно исказившись. Я в первый раз видел, на что способен Старший Владеющий, и это действительно впечатляло. Мощь просто подавляющая, даже присутствующих здесь бездарных проняло. На что же тогда способен Высший?

– Всё, попробуй попрыгать. Болит?

Заяц попрыгал.

– Нет, ничего не болит, спасибо.

– В твоём возрасте иметь сразу два хронических заболевания – это полное безобразие, – строго сказала мама. – Я их убрала, но впредь относись повнимательнее к своему здоровью.

– Повезло тебе, мальчик, – заметил я.

– Повезло, – согласилась мама, – только это девочка.

– Не понял... – Ситуация плавно переходила в разряд балагана.

– Ну девочка, которая выдаёт себя за мальчика, что тут непонятного?

– Действительно, что тут непонятного... Обычное дело... Но давайте всё же вернёмся из визиона в нашу скучную реальность. Заяц! Хм... Как тебя теперь звать-то?

– Так и зовите как звали, – мрачно отозвалась бывший мальчик.

– Нет, это как-то не то. Будешь Зайкой, что ли. Давай, быстро веди сюда начальника канцелярии.

Канцелярия располагалась в соседнем помещении, так что ждать пришлось недолго. Начальник канцелярии оказался начальницей.

– Здравствуйте, уважаемая, представьтесь нам, пожалуйста.

– Есения Жданова, заведу канцелярией завода.

– Моё имя Кеннер Арди, я новый хозяин предприятия. Кстати, вы понимаете суть наших с вами взаимоотношений?

– Договорный вассалитет, – кивнула Есения, – у меня юридическое образование, господин Кеннер.

– Вас это устраивает?

– Полностью. Для лояльного сотрудника договорный вассалитет гораздо выгоднее обычного найма. К тому же при этом есть шанс перейти в постоянные слуги.

– Ну, шанс не очень большой, но да, он присутствует. Приятно, наконец, обнаружить понимающего человека. Скажите, уважаемая Есения, вы знаете всех контрагентов предприятия?

– Разумеется, это моя работа.

– Просмотрите вот эти платёжные поручения, и отложите в сторону обычные перечисления контрагентам.

Есения быстро просмотрела все платёжки.

– наших контрагентов здесь нет, господин.

– А скажите, уважаемая, это нормально – переводить деньги организации, с которой отсутствует договор?

– Разумеется, это ненормально, – ответила Жданова. – Но именно сегодня почтенный Радим предупредил меня, что будет ряд договоров, которые понадобится зарегистрировать задним числом, и потребовал зарезервировать двадцать четыре позиции для их регистрации.

– И здесь у нас как раз двадцать четыре платёжных поручения. Какое удивительное

совпадение! Благодарю вас, уважаемая Есения. У меня к вам ещё один вопрос. Скажите – какие у предприятия имеются обременения? Есть ли долги или обязательства, о которых мне необходимо знать?

– Долгов у нас нет, завод даёт стабильный доход. А что касается прочих обязательств... – Есения надолго задумалась. – Могу вспомнить разве что княжеский опцион. Вообще, это считается формальностью, мы никогда его всерьёз не учитывали...

– Уважаемая, просветите меня, – слово «княжеский» у меня в голове засветилось красным. – В чём состоит это обязательство?

– Дело в том, что наш основной клиент – дружина князя, и мы обязаны снабжать её в первую очередь, и в установленном объёме. Поэтому в договоре с княжеством есть условие: если мы не в состоянии обеспечить требуемый объём, то княжество устанавливает наблюдение над нашими операциями, а при втором подряд срыве поставок завод переходит под управление княжеской канцелярии.

– Всё ясно, благодарю вас, уважаемая Есения. Вот выписка из решения суда о переходе предприятия в мою собственность, зарегистрируйте её должным образом, пожалуйста. На этом пока всё, не буду больше отвлекать вас от работы.

Есения покинула нас, и почти сразу в кабинет заглянул один из ратников:

– Господин, там на складе какие-то люди грузили фургоны. Мы задержали их, как было приказано, ждём вашего решения.

– Они предъявили какие-то бумаги?

– Распоряжение управляющего на вывоз всей готовой продукции.

– Их в наручники и приглядывать. Наручники у вас есть?

– Найдём, господин.

– Поищите помещение, которое можно приспособить для временного содержания арестованных. И пришлите конвой вот за этой парочкой.

– Разрешите выполнять?

– Выполняй.

Ратник исчез. Я задумчиво посмотрел на управляющего, который обильно потел и явно чувствовал себя нехорошо.

– Итак, почтенный Радим, позвольте мне обрисовать ваши перспективы. Первым и наиболее вероятным вариантом является смертная казнь – и не вскидывайтесь так, я имею на это полное право! Вы, будучи вассалом, пойманы с поличным на краже у своего сюзерена.

Уложение о дворянстве даёт мне право судить вас и вынести любой приговор.

– А второй вариант, – продолжал я, – это увольнение по причине злоупотребления доверием работодателя. Найти работу после этого вам будет непросто, зато останетесь живы. К сожалению для вас, я пока не вижу оснований для данного варианта. Вам придётся как следует потрудиться, чтобы убедить меня поступить именно таким образом.

Я посмотрел на счетоводшу.

– Уважаемая Збара, всё перечисленное в той же степени относится и к вам. Правда, в отношении вас я больше склоняюсь ко второму варианту, но всё же не советую расслабляться. Ещё ничего не решено, так что думайте, как будете меня уговаривать.

– Ну а пока мы ждем конвоя... Зайка, – позвал я, – приведи-ка сюда начальника отдела персонала.

Зайка убежала, а управляющий наконец заговорил:

– Господин Кеннер, что будет со мной?

– Я же вам только что всё описал – что вам непонятно? – я удивлённо посмотрел на него. – Я вас казню. Во-первых, потому что заслужили, а во-вторых, это окажет большой воспитательный эффект на остальных сотрудников.

– Но я не виноват, мне приказали люди князя!

– Если вы готовы написать подробное признание и засвидетельствовать его перед нотариусом, это сильно увеличит ваши шансы. Вы готовы?

Управляющий замаялся.

– Ну, думайте, – пожал я плечами. – Кстати, то же самое относится и к вам, уважаемая. Если почтенный выберет жизнь, мне придётся казнить вас. Воспитательный эффект, помните? Советую вам тоже побороться за жизнь.

Начальник отдела персонала тоже оказался женщиной. Тут прямо бабское царство какое-то, разве что управляющий не угадал с полом.

– Ирина Стоцкая, – представилась она с поклоном.

– Меня зовут Кеннер Арди, я новый хозяин завода. Присядьте, пожалуйста.

Тут я обратил внимание, что от неё совершенно не доносится фон эмоций. Эмпат?

– Будьте добры, снимите блокировку эмоций.

– Извините, привычка, – несколько смутилась Стоцкая.

– Полезная привычка, – одобрил я. – Вы Владеющая?

– Нет, всего лишь одарённая, второй ранг. Но с сильной склонностью к эмпатии.

– Скажите, почтенная Ирина, как у вас обстоит дело с лояльностью?

– Моя лояльность полностью принадлежит моему работодателю.

Эмоциональный фон соответствовал заявлению. Думаю, со вторым рангом обмануть меня у неё вряд ли получится, разве что склонность к эмпатии у неё не просто сильная, а чудовищная.

– Очень хорошо. В таком случае у меня для вас будет большое задание.

Ирина открыла изрядно потёртую записную книжку.

– Первое. У нас освободились должности управляющего и счетовода. Жду ваших рекомендаций по замещению. Затем подготовьте список сотрудников, в лояльности которых есть сомнения, и рекомендации по их замещению. Подготовьте краткие характеристики на всех сотрудников, занимающих или готовых занять значимые должности, в том числе и на тех, от которых вы рекомендуете избавиться. Со всеми ними я проведу беседы. И наконец, всем сотрудникам, согласно уложению попадающим в категорию «доверенные служащие», необходимо разъяснить их права и обязанности, вытекающие из договорного вассалитета.

– Будет сделано, господин, – после краткого раздумья ответила Ирина. – Рекомендации и характеристики будут готовы завтра к концу дня, разъяснения для сотрудников придётся отложить до послезавтра.

– Хорошо, меня это устроит. И срочно подготовьте приказ о том, что с сегодняшнего дня я временно сам исполняю обязанности управляющего и счетовода. На этом всё, не буду отвлекать вас от работы, почтенная. Вы свободны.

Подоспел конвой. На сладкую парочку надели наручники и вывели из кабинета. Думаю, по дороге в подвал их многие увидят, так что эмоциональная встряска и тема для раздумий сотрудникам обеспечена.

– Уф, – наконец перевёл я дух, когда в помещении остались только свои, ну ещё и Зайка в уголке. – Вы были полностью правы, почтенный Томил, наш князь тот ещё хват. Из тех людей, с которыми после рукопожатия стоит на всякий случай пересчитывать пальцы.

– Кени, я всё-таки не совсем поняла, что тут произошло, – с вопросительной интонацией сказала мама.

– Всё проще некуда, мама, – ответил я. – Наш князь воспользовался удобным случаем, чтобы не только прижать Ренских, но и отобрать у них хороший заводик. Если заводик и так на него работает, то зачем он Ренским, правда ведь? Вот только просто так взять и отобрать чужую собственность он не мог, зато передать в качестве виры пострадавшему от Ольги, да к

тому же её внуку – это совсем другое дело. Тоже вызывает некоторые сомнения, но всё же не выглядит откровенным грабежом. А пока глупый мальчик радуется тому, что внезапно разбогател, со склада вывозится вся готовая продукция. А чтобы и в следующем месяце поставки тоже сорвались, по-быстрому обнуляются счета предприятия. Нет продукции, нет денег на зарплату и покупку сырья, ни о каком выполнении контракта речи не идёт. В результате князь в соответствии с условием княжеского опциона забирает завод, а я остаюсь с репутацией дурачка, который умудрился моментально разорить процветающее предприятие. А князь, соответственно, выступает в роли спасителя. Понадобись мне встретиться с князем, я, пожалуй, перед встречей велю зашить себе карманы.

– Но вы неплохо справились с этой проблемой, господин Кеннер, – заметил поверенный.

– К сожалению, пока ещё не справился, – ответил я. – Не думаю, что князь легко откажется от того, что уже стал считать своим.

– Но ты не собираешься сдаваться? – спросила мама утвердительно.

– Я своё тоже просто так не отдам.

– А что ты собираешься делать с этими, с арестантами? Сдать страже?

– Проще уж тогда сразу князю их вернуть, – усмехнулся я. – Нет, мы с князем как-нибудь разберёмся без посредников. Мне сейчас нужно спуститься на склад, посмотреть на злоумышленников, и на сегодня хватит разбирательств. Можете посидеть пока здесь, это недолго. Я распоряджусь, чтобы вам подали чай.

– Хорошо, Кени, – сказала мама. – Мы подождём.

– В таком случае я ненадолго вас оставляю. Зайка, показывай дорогу.

Когда мы вышли, Зайка робко спросила:

– Господин, а что насчёт меня?

– А что насчёт тебя? – удивился я. – За тобой числилось только проникновение в женский туалет, но раз уж мы выяснили, что ты девочка, то и преступления нет. Кстати, объясни мне – к чему этот цирк с маскировкой под мальчика?

– Девочек на работу не берут. Я везде пыталась.

– Да? Странно. Какая разница, казалось бы. Ну, мне неважно, мальчик или девочка, так что спокойно трудись дальше.

Склад готовой продукции – небольшое здание красного кирпича, – стоял чуть в стороне от корпуса заводоуправления. Внутри мы обнаружили два фургона, стоящие у погрузочного пандуса. Я заглянул в один, он был уже наполовину заполнен. Собственно, вся месячная выработка в эту пару фургонов, наверное, и поместилась бы.

– Мы оставили всё как было, господин, – сказал один из охранников. – Никого не подпускаем.

– Всё правильно сделали, – подтвердил я. – А где у нас хозяева фургонов?

– Вон за той дверью, – показал он на дверь в дальнем углу.

За дверью обнаружилась комната, в которой сидели два хмурых мужика в наручниках в компании трёх охранников.

– Итак, кто это у нас? – спросил я.

– Слушай, малец... – вскинулся один из них.

– Меня зовут Кеннер Арди, – перебил я его. – И я хозяин этого завода, который вы попытались обокрасть. Обращаться ко мне следует «господин Кеннер».

– Малец, ты не понимаешь, с кем ты связался.

– Этот человек не понимает слов, – кротко сказал я охране. – Вбейте в него немного уважения. Но не калечьте.

Охранники выполнили приказ с энтузиазмом, быстро и с чувством отпинав арестанта.

– Они вообще как себя ведут? – спросил я старшего охраны.

– Угрожают, достали уже.

– Если будут открывать рот без разрешения, повторяйте процедуру, пока не поймут. – Охранники заухмылялись. – Помогите потерпевшему сесть. Вот так. Повторяю вопрос: кто вы такие, уважаемые?

– Мы работаем на князя, – мрачно ответил второй мужик.

– То есть вы утверждаете, что это князь приказал вам меня обокрасть?

– Зачем эти вопросы? Вы всё и сами понимаете.

– Нет, уважаемые, – я отрицательно покачал головой. – Я ничего такого не понимаю и понимать не собираюсь. У вас выбор простой: либо вы даёте подробные показания в присутствии нотариуса, и мы с князем цивилизованно решаем этот вопрос, либо я прикажу вас пристрелить и выкинуть в канаву.

– А так нас пристрелит князь. И какая нам разница, кто нас пристрелит?

– Мне-то откуда знать? – пожал я плечами. – Вы сами и решайте какая вам разница. Мне лично разницы нет, толку от вас всё равно никакого. В общем, до завтра подумайте, а завтра

и решим с вами вопрос. Зайка, веди теперь к кладовщику.

*

Наконец-то этот безумный день подошёл к концу! Правда, ещё нужно было разобрать пачку бумаг из сейфа управляющего, но я хотя бы дома. У меня уже в горле першит от бесконечных разговоров, а лица людей слились во что-то неопределённое. Завтра будет день не проще, именно завтра князьи люди поймут, что дело пошло не так, и начнут предпринимать какие-то действия. Как они будут действовать – непонятно, но совершенно ясно, что просто так они в сторону не отойдут. В школу опять не получится сходить – нужно быть на заводе, чтобы успеть вовремя среагировать на их следующий ход, каким бы он ни был.

Я, конечно, планировал превращение нашей семьи в фамилию, но предполагал заняться этим ближе к концу обучения в Академиуме, когда наша семья станет представлять какую-то силу. И уж никак не в четырнадцать лет! А сейчас у нас в семье только мама что-то из себя представляет, и при этом она всё же совершенно гражданский человек. И я в любом случае сделаю всё, чтобы ей не пришлось ввязываться в какие-то военные действия. Как мы сможем защититься в случае конфликта с другим семейством, особенно с учётом того, что с князем нам придётся поспорить? А не ссориться никак не выйдет – разве только отдать ему завод и при этом надолго, если не навсегда потерять репутацию. Как вариант, можно попробовать договориться с Ренскими и передать им завод обратно в обмен на какую-то компенсацию. Но мне даже думать об этом не хочется – предприятие с хорошим и стабильным доходом позволяет сразу проскочить самый сложный начальный этап. Без него придётся либо искать где-то деньги на начальную раскрутку, либо влезать в мамины сбережения, которых в любом случае недостаточно для чего-то серьёзного. Так что добровольно отказаться от такого шанса было бы просто идиотизмом. В общем, получается классический чемодан без ручки: и бросить невозможно, и как тащить – непонятно.

Тут мне очень кстати вспомнился вопрос, который я давно хотел задать маме:

– Мама, а что ты можешь сказать о Стефе?

– Что сказать? – она задумалась. – Во-первых, Стефа никогда против Ольги не пойдёт, они с ней с самого детства очень близки. Во-вторых, Стефа – акула ещё та, с ней всегда нужно быть осторожным. Про это легко забыть, стелет она очень мягко. С другой стороны, Стефа в каких-то подлостях никогда замечена не была. В роду её побаиваются, но уважают. У меня с ней отношения всегда были очень хорошими. Она мне сочувствовала и даже пыталась немного помочь, но Ольга приказала ей не влезать, и Стефа послушалась... Ты вообще к чему это спрашиваешь?

– Думаю, как немного отделить Ольгу от Ренских. С ней у нас вряд ли получится найти взаимопонимание, но надо хотя бы сделать так, чтобы род не воспринимал нас как врагов.

– Идея, конечно, хорошая, – мама была настроена скептически. – Но вот получится ли?

– Может, и не получится, – согласился я, – но попробовать ведь стоит? Ничего же не

потеряем. Вот ещё давно хочу спросить – что у нас с Хомскими?

– Да ничего, – ответила мама. – Никто не знает, что там отец с Путьятой не поделили. Но Путьята нас знать не хочет, ну и Путьятичи нами тоже не интересуются. Мы, Данятичи, для них отрезанная ветвь. Не враги, не друзья, просто чужие.

Похоже, на Хомских рассчитывать не стоит. Надо будет, конечно, попробовать восстановить отношения, но это дело явно непростое и небыстрое, да и неясно, как к ним вообще подойти. Как-то не просматривается на горизонте никаких союзников. Дворянский Совет нас, конечно, здорово поддержал, но сделал он это совсем не ради нас. Вообще печально, что мать вела такую простую уединённую жизнь – мы в аристократическом обществе чужие, и как завязывать контакты – пока непонятно.

Глава 8

В школу на следующее утро мне всё же пришлось забежать. Эльму Ренскую я нашёл довольно быстро:

– Эльма, привет.

– Чего тебе, Арди? – она хмуро посмотрела на меня.

– Мне нужно передать Стефе сообщение.

– Ну а я тут при чём? Передавай.

– Эльма, не капризничай, – поморщился я. – Это прежде всего Ренским нужно, а не мне. Ты же понимаешь, что я не могу сам к вам приехать.

Она немного поразмышляла, но потом всё-таки склонилась к сотрудничеству:

– Ладно, что за сообщение?

– Надо встретиться, буду сегодня в семь вечера там, где мы виделись прошлый раз.

– Передам. – И отвернувшись, пошла прочь.

– Не забудь только, это важно, – крикнул я ей вслед.

Вот ведь, сама драку затеяла, а теперь строит из себя обиженную. Почему люди в своих ошибках всегда винят других?

Оставаться даже на один урок я не стал, сразу поехав на завод. Хотя мне пришлось здорово покопаться в бумагах, в целом всё оказалось не так уж страшно. Люди делали своё привычное дело, и производство нормально функционировало. При всех моих претензиях к управляющему, надо отдать ему должное: производственный процесс он организовал отлично.

Рабочий день уже близился к концу, когда в кабинет заглянула секретарша: «Господин, к вам господин Курт Гессен».

Ну вот, наконец, и прибыл долгожданный гость! Ну что ж, посмотрим, что за подарки он нам принёс. Гость, однако, подарков не принёс, зато начал наезжать чуть ли не с порога:

– Господин Кеннер, чего вы добиваетесь? Хотите поссориться с князем?

– И вам здравствуйте, господин Курт. Не понимаю, о чём вы говорите. Поясните, пожалуйста.

– Вы задержали наших людей. Совершенно безобразно обошлись с опытным и заслуженным управляющим. Князь недоволен, и для вас это не останется без последствий.

– А вы знаете, что эти люди были задержаны с поличным при попытке обокрасть моё предприятие? И при этом заявили, что действовали по приказу князя? Я приказал записать их показания, думаю заверить их у нотариуса и обсудить с князем.

Гессен побагровел.

– Вы что, решили воевать с князем?

– Нет, лично я хотел бы решить вопрос мирно. Но если вы, господин Курт, продолжите разговаривать со мной как с малолетним недоумком, то я, возможно, и поступлю как малолетний недоумок, если вы понимаете мой намёк.

Судя по всему, Гессен намёк понял и заговорил уже прямо.

– Господин Кеннер, с чего вы решили, что этот завод предназначался вам? Нравится это вам или нет, но он отойдёт князю, и в ваших же интересах, чтобы это произошло тихо и мирно. Если вы будете сотрудничать, мы можем поговорить о небольшой утешительной сумме, скажем, тысяче гривен. Если будете упорствовать, не получите ничего, кроме неприятностей.

– Не припоминаю в решении суда подобных условий.

Гессен уже едва сдерживался.

– Чего вы добиваетесь, Арди?

– Я предлагаю сделку.

– Какую ещё сделку?! – прорычал Гессен.

– Мы перезаключаем договор на поставку, удалив из него раздел о княжеском опционе. Взамен я отдаю ваших людей и не вспоминаю о том, что вы хотели проверить с моей собственностью.

Гессен встал и направился на выход. У двери он притормозил и, повернувшись ко мне, сказал:

– Я даю вам возможность подумать. И подумайте также о том, что у вас есть семья, которая может пострадать из-за вашего глупого упрямства. В этом княжестве всё происходит так, как хочет князь, и лучше вам не убеждаться в этом на своём опыте.

– Я непременно обдумаю ваши слова, господин Курт, – кивнул я. – Всего хорошего.

*

Когда Стефа появилась в кондитерской, я уже доедал порцию мороженого с клубникой и взбитыми сливками.

– Здравствуйте, сиятельная Стефа. Я взял на себя смелость заказать для вас кофе и мороженое, оно здесь изумительное.

– Спасибо, – сказала Стефа, усаживаясь на стул. – Как протекает жизнь заводчика?

– Воюем, – я неопределённо помахал рукой в воздухе.

– Удивлена, что у князя не получился его фокус. Кто тебе подсказал?

– А вы знали, что князь планирует сделать?

– Конечно, достаточно было вспомнить про опцион, – усмехнулась Стефа. – Ольга запретила говорить тебе об этом, но мы с интересом наблюдали. Так кто тебе сказал?

Я улыбнулся в ответ.

– Я знал, что Ольга скорее предпочтёт сделать пакость мне, чем князю. Князь, видимо, подумал так же, и оказался прав. Люди, которые ненавидят, очень легко просчитываются. Мне вот, кстати, другое непонятно – у вас завод отобрали, а вы как-то спокойно к этому отнеслись.

– Могу и ответить, – улыбнулась Стефа. – Если ты мне сначала скажешь, кто тебя предупредил.

– Да никто меня не предупреждал. Сразу же было ясно, что князь неспроста решил сделать мне подарок. Я приехал туда с вольным отрядом, приказал проследить, чтобы с территории завода никто не вышел, а там уже и разобрался, в чём дело. Всё просто.

– Просто-то просто, только от тебя никто не ожидал, чтобы вот так вот – быстро и решительно.

– Я что, выгляжу слабоумным? – я почувствовал себя задетым.

– Нет-нет, извини, – засмеялась Стефа. – Уж слабоумным тебя не назовёшь. Ну ладно, отвечу и я, раз обещала. Ты знаешь, как роды связаны с княжеством?

– Согражданственный союз. Это же в младшей школе проходят.

– Именно. Вот смотри – мы союзники, а не подданные. И мы владеем военным заводом, который работает на дружину князя, и от которого дружина зависит, потому что это монополист. Понятно, что князя такая ситуация не устраивает, ему нужно, чтобы завод принадлежал княжеству или хотя бы подданному. Он предлагал нам его продать, но Ольга отказалась. Чем-то она была тогда обижена на князя, вот и упёрлась. Но всё равно было ясно, что рано или поздно князь найдёт способ передать завод княжеству. Лично я бы его с радостью хоть даром отдала – завод прибыли практически не даёт, от него мороки больше, чем пользы. Так что мы просто от лишней обузы избавились. Немного потеряли лицо, правда, но переживём как-нибудь. К тебе у нас претензий нет.

– То есть князь, по сути, своего уже добился? – я вспомнил слова Бодрова: «Князь всегда остаётся в прибыли».

– Да, ты же его подданный, его такое положение вещей уже вполне устраивает. Но ты не расслабляйся – он считает, что будет ещё лучше, если завод отойдёт княжеству. Так что повоевать тебе придётся.

Стефа смотрела на меня с ехидной улыбкой – мол, воюй, мальчик, а мы поглядим, чего ты стоишь.

– Значит, говорите, завод прибыли не даёт... а кстати, чей человек управляющий?

– Наш, конечно, чей же ещё, – Стефа явно удивилась вопросу. – Не думаешь же ты, что мы поставили бы руководить нашим предприятием неизвестно кого? И не считай, что ты сильно напугаешь его увольнением по нелояльности. Мы своего человека не оставим.

– Вообще-то, я подумывал его казнить. По-моему, некоторые сотрудники завода как-то слишком вольно понимают смысл слова «лояльность». Хороший пример был бы очень к месту.

– И зачем ты меня позвал в таком случае? – нахмурилась она. – Надеешься, что мы станем его выкупать?

– Нет-нет, у меня и в мыслях не было вас шантажировать, – отверг обвинение я, выкладывая на стол папку. – Да и передумал я уже, пусть живёт-радуется. Просто у него в сейфе нашлись любопытные бумаги, и я подумал, что вам может быть интересно на них взглянуть.

Стефа неохотно открыла папку, но буквально через несколько строк написанное её полностью захватило. Когда она, наконец, просмотрела все бумаги и подняла глаза, я улыбнулся ей и сказал:

– Забавно, да? Ваш человек обкрадывал вас для князя. Ну и себя немножко не забывал,

конечно. Какой у нас князь разносторонний человек, просто сердце за него радуется. Вот только чужих карманов от своих не отличает, но кто из нас без недостатков?

Стефа молча глядела на меня, а я продолжил:

– Но судя по тому, что я от вас услышал, тут дело всё же не в деньгах, да и деньги эти для князя невеликие. Просто князь через управляющего постепенно перевёл ваш завод в категорию почти убыточных, чтобы вы его с радостью продали, вот только не учёл упряма Ольги.

Стефа прихлёбывала кофе, о чём-то задумавшись. Наконец, она спросила:

– И что ты хочешь за это?

– Ничего.

– Совсем ничего? С чего бы вдруг?

– Почему бы мне не оказать небольшую услугу бабушке? – пожал я плечами. – Тем более, эта услуга мне ничего не стоила.

Стефа молча поднялась, прихватив папку.

– Спасибо, внук, – сказала она и ушла не оглядываясь.

К своему мороженому она так и не притронулась. Я вздохнул и придвинул к себе вазочку.

*

Курт Гессен зашёл в кабинет князя, внутренне собравшись. Он всегда чувствовал себя напряжённо, разговаривая с князем – хотя тот слыл в народе большим либералом и народным заступником, доверенные сотрудники прекрасно понимали разницу между реальным князем и тщательно культивируемым образом для публики. Проштрафившихся сотрудников он карал безжалостно, и Гессен сейчас безуспешно гадал, что послужило причиной срочного вызова.

Князь Яромир Новгородский, подтянутый мужчина средних лет, с добродушным лицом, и плохо сочетающимся с таким лицом острым взглядом, сидел за столом, изучая какой-то документ.

– Заходи, заходи, Курт, – ласково сказал князь, отчего у Гессена по спине пробежал холодок. Ласковый тон был плохим признаком. – Скажи-ка мне, как там у тебя дела с «Артефактой»?

– Небольшая заминка, княже, – ответил Гессен, – ничего серьёзного. У нас не получилось вывезти склад и обнулить счета. Похоже, у мальчика нашёлся хороший советчик. Но мы найдём возможность его прижать, мои люди сейчас над этим вопросом работают. Если будет трепыхаться, воздействуем через семью.

– Через семью, говоришь... – задумчиво сказал князь. – А что мы знаем о его семье?

– Живёт с матерью и сводной сестрой, мать работает в центральной лечебнице. Семья числится боковой ветвью Хомских, но с Хомскими никаких отношений не поддерживает. За ними вообще никто не стоит – можно не стесняться с давлением, проблем никаких не предвидится.

– Ты считаешь, что проблем не будет... Идиот! – внезапно рявкнул князь, ударив кулаком по столу. – Ты, Курт, ленивый идиот, который даже не потрудился запросить подробную справку! – князь посмотрел на Гессена оценивающим взглядом и продолжал прежним ласковым тоном: – Может, ты устал, Курт? Может, тебе пора на отдых?

Гессен побледнел. Под «отдыхом» для провинившихся сотрудников князь обычно понимал радикальный вариант.

– Виноват, княже, – выдавил он из себя.

– Виноват, верно, – кивнул князь. – А я вот не поленился и запросил в Круге данные на семью. Они все одарённые, это для тебя наверняка новость. Вот сижу сейчас, читаю. Мать Милослава Арди, целитель восьмого ранга, вот-вот получит девятый. Драгана уверяет, что за ним обязательно последует десятый, а возможно, она дойдёт и до одиннадцатого. Ты хоть понимаешь, что такое Высший целитель, кретин? Их в мире за всю историю всего пять человек было. Вот, к примеру, Воислав Владимирский, в отличие от тебя, это понимает, его люди уже Милославой интересуются. Когда они поймут, что она станет Высшей, Воислав ей предложит за переезд что угодно, любые условия. Вообще любые!

Князь уставился на Гессена бешеным взглядом:

– А на меня она затаит обиду из-за заводика, которому цена веверица[14] – так ты напланировал? Можно не стесняться с давлением на семью, да?

[14 – Самая мелкая монета, 1/12 векши.]

На Гессена повеяло холодом могилы.

– Виноват, княже, всё исправлю, клянусь!

– А знаешь, что Драгана мне написала насчёт мальчика с сестрой? Что, скорее всего, они станут самыми молодыми Высшими за всю историю. Эта семья через несколько лет сама сможет Ольгу узлом завязать. Мне подвернулась редкая возможность сделать их обязанными, а ты, дебил, спустил эту возможность в сортир!

Князь помолчал успокаиваясь.

– А ещё Драгана очень вежливо интересуется: знаю ли я, что мои люди устроили какую-то грязную возню вокруг «Артефакты»? Что посоветуешь ей ответить, Курт? Знаю ли я про твою грязную возню?

– Виноват, княже, всё улажу!

– Или вот письмо от Ренских. От Ренских, Курт! – рявкнул князь. – Интересуются деятельностью моих людей, направленной против родственной им семьи Арди. А ты стоишь тут и имеешь наглость мне рассказывать, что за мальчишкой никого нет!

Князь внимательно посмотрел на Гессена:

– Скажи мне, Курт, а ты точно на меня работаешь? Может, у тебя появились какие-то другие интересы?

– Княже, клянусь, это просто ошибка! Я всё исправлю! – Гессен уже чувствовал мокрой спиной расстрельную стенку.

– Верю тебе последний раз, Курт, постарайся больше не ошибаться. Значит, так! С «Артефактой» вопрос закрыт, мне скандал ни к чему. Перед Арди извинись. Что хочешь ему говори, но чтобы у него никакого осадка от этой истории не осталось! Иначе я сам извинюсь, а перед этим пришлю ему твою голову. – Князь посмотрел на Гессена тяжёлым взглядом. – И ты знаешь, это не фигура речи.

– Княже, всё сделаю!

– Всё, пошёл вон. Сделаешь – доложишь.

Гессен вывалился из кабинета весь в холодном поту, с трясущимися руками. Но расслабляться было рано, нужно было срочно отменять приказы, отданные подчинённым. Насчёт того, что князь свою угрозу выполнит, у Гессена никаких сомнений не было.

*

Следующий день был ещё одной говорильней – я по очереди беседовал со всеми сотрудниками, из тех, кто по должности мог принимать управленческие решения. Ситуация оказалась намного лучше, чем я опасался – Ренские ограничились тем, что поставили своего управляющего, и не лезли в кадровые вопросы. Управляющий привлёк к своим махинациям только счетоводшу, другие сотрудники ему были без надобности. Так что с лояльностью дело обстояло неплохо – сотрудникам в целом было всё равно, на кого работать, они просто выполняли свои обязанности и никаких интриг и саботажа не устраивали. Можно сказать, что кадровый кризис прошёл стороной, хотя, конечно, подбор управляющего – задача всегда непростая. Сейчас я как раз и беседовал с кандидатом.

– Здравствуйте, почтенный. – Обращение «почтенный» авансом намекало соискателю, что его кандидатура рассматривается всерьёз. – Вы Ян Штемель, помощник управляющего, правильно?

– Здравствуйте, господин, – поклонился Штемель. – Совершенно верно.

Я не стал разговаривать с ним за рабочим столом, а вместо этого пригласил его за

небольшой гостевой столик, где секретарша сервировала чай. Управляющий – это ключевая должность, так что продемонстрировать уважение будет не лишним.

– Почтенная Ирина Стоцкая хорошо отозвалась о вашей работе и рекомендовала вас на должность управляющего. Как вы оцениваете свои возможности?

– Для меня это не будет чем-то новым, господин. Дело в том, что в последние несколько лет почтенный Радим в какой-то мере отошёл от дел, так что всё оперативное управление производством, по сути, лежало на мне. Почтенный ведал только финансами и договорами.

Ага, и достиг в этой деятельности немалых высот. Судя по реакции Стефы, Ренские его заслуги оценят. После знакомства с той папкой я и решил, что наказывать его никак не буду, награда и так найдёт героя.

– Вас познакомили с особенностями службы дворянской семье?

– Да, почтенная Ирина рассказала об этом достаточно подробно. Меня это, разумеется, полностью устраивает.

– Очень хорошо. Меня интересует ваше мнение по такому вопросу: возможно ли как-то увеличить объём производства или расширить номенклатуру изделий?

– Увеличивать объём производства нет смысла. Дело в том, что основные потребители нашей продукции – дружина и военные ремесленники, поэтому княжество жёстко контролирует все поставки. Для нашего княжества мы практически монополисты, а попытку поставить товар за границу князь не одобрит. Единственная возможность, которую я вижу – это расширяться за счёт изготовления гражданских артефактов. Но для этого необходим принципиально новый товар. Ремесленный рынок очень стабилен, господин, перераспределить его в свою пользу практически невозможно. Во всяком случае, не прибегая к военным действиям.

– Нет, в обозримом будущем воевать мы точно не планируем. Насчёт новых артефактов надо подумать, хотя это дело тоже не ближайшего будущего. Как вы считаете, почтенный, какие изменения необходимы заводу?

– Если не открывать новых направлений деятельности, то лучше обойтись без изменений. Завод в этой форме существует сто пятьдесят лет, и все процессы отработаны до мелочей.

– Благодарю вас, почтенный Ян, – закончил я разговор. – Я выяснил всё, что хотел, и сообщу вам о своём решении в ближайшее время.

Разговоры тянулись и тянулись, перемежаясь просмотром бесконечных бумаг. Когда день подошёл к концу, и я окончательно перестал соображать, секретарша объявила о приходе Гессена. Трудному дню – трудное завершение... посмотрим, с чем он явился на этот раз.

– Здравствуйтесь, господин Кеннер, – Гессен сегодня был странно приветлив. – Вижу, вы весь в делах.

– Здравствуйте, господин Курт, – отозвался я. – Приходится, увы. Хочешь, чтобы дело было сделано хорошо – делай его сам.

– Поистине так, господин Кеннер, очень верно подмечено. Надеюсь, вы помните, что на днях необходимо будет произвести отгрузку по княжеской квоте?

– Разумеется, помню. У «Артефакты» – спасибо Ренским! – безупречная репутация поставщика, и я сделаю всё, чтобы она таковой и оставалась.

– Да, вы правы – Ренские хорошо поработали. Похвально, что у вас с ними сохранились неплохие отношения.

Интересно, а с чего он взял, что они сохранились, да ещё и неплохие? Ну ладно, сделаю ему приятное, не буду ничего отрицать.

– А с чего им быть плохими? – удивился я. – Немного повздорили, но всё уже в прошлом. Мы же всё-таки родственники, надо мириться и жить дальше.

– Да-да, вы правы, – Гессен отчего-то затуманился. – А кстати, что вы думаете о Драгане Ивлич?

Что за странный вопрос, и к чему он вообще? Что может думать первоклассник о главе Круга Силы, Высшей одиннадцатого ранга, а главное, кого вообще может волновать, что он там про неё думает? Ну ладно, попробую выдать ему что-нибудь политически корректное.

– Сиятельная Драгана – это пример для любого одарённого. И, не побоюсь этого слова, эталон владения Силой для всех Владяющих княжества. Это большая удача для всех нас, что именно она руководит Кругом и даёт нам возможность перенимать свои знания и опыт.

– Именно так, господин Кеннер, именно так! Очень верное суждение, которое я обязательно донесу до князя.

По-моему, кто-то из нас двоих сошёл с ума. Какую глубокую мысль он сумел увидеть в этом пафосном бреде? Или он просто издевается? Что-то сегодня я совсем не понимаю Гессена, может, это какая-то изощрённая ловушка? Когда он сыпал угрозами, было хотя бы понятно, что происходит.

– Собственно, я к вам по делу, – Гессен посерьёзней. – Должен принести вам свои извинения за этот печальный инцидент.

– Вот как? – я был окончательно сбит с толку – разговор свернул в совершенно неожиданное русло.

– Князь был очень разгневан, узнав о дурной инициативе некоторых сотрудников, и поручил мне разобраться с этим ненужным конфликтом и завершить его к взаимному удовлетворению.

Ну конечно же, князь ничего не знал. Добрый царь и злые бояре, знаем-знаем.

– Могу это только приветствовать, господин Курт. Кстати, а каким вы видите это решение?

– Собственно, решение простое – вы принимаете мои извинения и отдаёте наших людей, на этом конфликт считается исчерпанным.

– Я бы предпочёл его немного дополнить, господин Курт. Давайте исключим из договора пункт о княжеском опционе. Как выяснилось, он провоцирует нездоровую инициативу, и мне не хотелось бы в дальнейшем иметь подобную мину в кармане.

– Опцион необходим, чтобы гарантировать, что нужды дружины будут удовлетворяться в первую очередь. Не забывайте, что он выгоден и для вас – опцион гарантирует вам сбыт вашей продукции. Но в качестве жеста доброй воли князь готов смягчить санкции за невыполнение условий опциона, при условии, что вы дадите слово чести прилагать все возможные усилия для его выполнения.

– В таком случае мы пришли к согласию и можем считать инцидент полностью исчерпанным.

Далее последовали улыбки и взаимные комплименты, затем подписание дополнительного протокола о замене санкций на обычный, хоть и значительный, денежный штраф, затем снова улыбки и ещё более цветистые комплименты, и наконец, дорогой друг Курт нашёл в себе силы покинуть меня вместе со всеми арестованными, которые за время сидения взаперти совсем уже было отчаялись.

Судя по нашей с Куртом беседе, Ренские оказали какое-то влияние на решение князя отступить. Похоже, Стефа решила сразу расплатиться с долгом. Это радует: и помощь была очень к месту, и обмен услугами – хорошее начало для восстановления отношений. С Ольгой, конечно, отношений никаких не будет, но Мать рода – это ещё не весь род, и ей в любом случае приходится учитывать мнение родовичей. Тем более, после такого фиаско власть Ольги наверняка немного пошатнулась.

Разговора про Драгану я совершенно не понял. По всей видимости, она тоже сыграла здесь какую-то роль, но какую? Возможно, мама что-то сможет подсказать.

Заступничества Ренских и Круга могло хватить на то, чтобы князь отказался от планов на «Артефакту», но его согласие на изменение договора объяснить сложно. Не думаю, что Ренские и Круг выставляли князю ультиматумы, скорее всего, они просто выразили недоумение, а этого недостаточно для настолько полного отступления. Здесь явно сыграл свою роль какой-то неизвестный мне фактор. Хомские? Очень сомнительно. Жаль, что у князя не спросить.

Что же касается перехода «Артефакты», то его можно считать практически состоявшимся – Штемель выглядит вполне компетентным управляющим. Осталось подготовить свою охрану – охрана Ренских завод покинула сразу же, а шесть с половиной сотен в месяц, которые

стоит мне вольный отряд – сумма совершенно чрезмерная. Да и вообще охрана должна быть своей – надо только подобрать хорошего начальника и пару-тройку опытных унтеров, а с рядовыми проблем не будет, выбор большой.

В целом итог этой истории выходит для меня строго положительным. С одной стороны, у меня нет лишнего времени, которое я мог бы уделять производству. С другой стороны, это маленькое стабильное предприятие, которое уже полторы сотни лет функционирует как часы; достаточно небольшого пригляда, чтобы управляющий не чувствовал себя слишком самостоятельным. Учиться мне ещё восемь лет, считая Академиум, но завод будет работать, давая, по моим предварительным прикидкам, чистой прибыли в районе пятнадцати тысяч гривен каждый месяц. Откладывая их на счёт, получим сто восемьдесят тысяч в год, почти полтора миллиона за восемь лет – огромная сумма, с которой уже можно будет затевать серьёзные дела. Огромная она, правда, для маленькой дворянской семьи – для большой фамилии это не так уж много, а для князя вообще мелочь, ну так ведь я и не князь.

*

Постучал в кабинет матери, я приоткрыл дверь:

– Мама, к тебе можно?

– Заходи, Кени, я не занята. Что ты хотел?

– Хочу посоветоваться с тобой насчёт нашего посыльного Зайки.

– Вот как? – мама выглядела заинтригованной. – И чем она тебя заинтересовала?

– Четырнадцатилетняя девочка, читающая монографию по экономике – это для тебя не выглядит необычным?

– Это, конечно, необычно, – согласилась мама. – И как ты хочешь её использовать?

– Пока ещё не определился, но подумываю о том, чтобы взять её в стольники.

– Вот так вот сразу в стольники? – мама выглядела шокированной. – Кени, это очень серьёзное решение. Случайных людей не берут в стольники, это нужно заслужить. Это же, по сути, член семьи.

– Я знаю, мама, – согласился я. – Но для этого есть серьёзная причина. Вот смотри: если действительно окажется, что это финансовый гений, то она нам жизненно необходима. С приобретением «Артефакты» наши финансы сильно усложнились, но ни ты, ни я в этом ничего не понимаем. Нам остро необходим хороший тиун[15], и как можно скорее. Ей нужно дать образование, но так просто мы в её судьбе участвовать не можем. Она несовершеннолетняя бездарная, и поэтому до семнадцати лет будет недееспособной. Она полностью зависит от своего опекуна, кем бы он ни был. Мы можем забрать её, только приняв в стольники.

[15 – Тиун – доверенный слуга семьи, управляющий финансами и/или имуществом.]

– Допустим, – кивнула мама. – Но это если она и в самом деле гений. А если ты ошибаешься?

– Если я ошибаюсь, мы теряем небольшую сумму, потраченную на её образование, и приобретаем просто слугу. Мне кажется, мы даже так найдём, как её использовать. Образованному и преданному человеку обязательно найдётся какое-нибудь применение.

– Всё же это как-то неправильно... – мама колебалась.

– Нам так или иначе нужны люди. Мы не старая фамилия, у которых хватает слуг, и которые могут себе позволить очень придирчиво отбирать новых. Нам придётся снизить требования, даже с риском ошибиться. Но ты знаешь, у меня есть ясное предчувствие, что в данном случае ошибки не будет.

– Наверное, ты прав, – вздохнула мама. – Делай как знаешь, в конце концов, ты глава семьи.

– Я, вообще-то, ещё несовершеннолетний, а ты мой опекун.

– Я помню, – улыбнулась мама. – Но ты неплохо справляешься, и я не стану вмешиваться в твои решения без крайней необходимости.

– Спасибо, мама. Заодно небольшой вопрос: если я правильно понял слова Гессена, в истории с «Артефактой» нас как-то поддержала Драгана Ивлич, но я не понимаю, в чём может быть её интерес.

– Ах, это, – неожиданно развеселилась мама. – Здесь, возможно, я виновата. Любимая внучка Драганы – моя давняя пациентка, и я ей обмолвилась, что люди князя нам угрожают, и, возможно, нам придётся уехать из княжества.

– О, это те самые тайные верёвочки, за которые дёргают женщины, и на которых пляшут мужчины?

– Всё правильно понял, – мама смеялась.

*

– Господин, вы меня вызывали?

– А, Зайка, – я поднял глаза от надоевших бумаг. – Скажи секретарше, чтобы подала нам чая, и заходи.

Зайка зашла, держась робко и напряжённо, и явно не ожидая для себя ничего хорошего.

– Садись в кресло, я не по работе тебя позвал. Печенье будешь?

Зайка застеснялась, но печенюшку взяла.

– Тебе же сейчас четырнадцать, правильно? В этом году закончила младшую школу?

– Да, господин, – Зайка явно чувствовала себя не в своей тарелке.

– Кстати, а полное имя у тебя какое?

– Кира Заяц, – прошептала она.

– А как тебя лучше звать – Кирой или Зайкой?

– Лучше Зайкой, мне имя Кира не нравится.

– Зайка так Зайка, как скажешь. А почему в старшую школу не пошла?

– Нам деньги нужны. У меня ещё младший брат есть, а деньги, что от мамы остались, скоро кончатся. Господин, вы меня не уволите?

– Даже мысли такой не было, не переживай. Мне просто вспомнилась книжка, которую ты читала, вот и стало интересно. Бери ещё печенье.

– Это мамина книжка, у нас их много. Я по ним и читать училась.

– Всё равно, это же не какие-нибудь дамские романы. Чтобы такие книги читать, нужно серьёзно финансами интересоваться.

– Мне интересно, я даже маме немного помогала с расчётами. У меня по арифметике всегда высший балл был.

– Да? А мы сейчас по арифметике начали проходить инвертированные проекции, как-то сложно идёт.

– Это же самое простое, там нужно всего лишь понять, как работает матрица проекции, – Зайка немного расслабилась, говоря о хорошо знакомых вещах, и уже не выглядела такой зажатой.

– Ну, это тебе просто. Ты же, наверное, давно с этим разобралась?

– Ага, давно. Когда биржевые тренды считаешь, без этого никак.

– А младший брат у тебя в каком классе? Он тоже умный? Да ты бери ещё печенье, не стесняйся.

– В третьем, господин. Он лучше меня учится, у него оценки все до одной десятки. У меня по физвоспитанию была всего пятёрка, и с правописанием тоже не очень.

– С правописанием это ты напрасно. Относиться к тебе будут не совсем серьёзно. Обязательно скажут что-нибудь вроде: «Умную из себя изображает, а сама даже грамоту толком не освоила». А первое впечатление очень трудно изменить.

– Ну да, но сейчас-то какая разница, – с печалью в голосе ответила Зайка. – От посыльного ума не ждут.

– Тебе бы учиться надо. Старшую школу закончить, и потом в университет. Я слышал, в нашем университете как раз очень сильный факультет финансов.

– У меня денег нет на учёбу, и Кирилл ещё маленький. – Глаза подозрительно заблестели.

– Варианты есть, например, наша семья могла бы помочь. Вот только есть сложность с опекой. Кто у тебя опекун?

– Никто, – она помотала головой.

– Значит, как только власти про вас прознают, вам установят княжескую опеку и отправят вас с братом в разные приюты.

Глаза у Зайки сделались совершенно испуганными. Похоже, она даже не задумывалась над этим вопросом.

– И что мне делать?

– Если говорить теоретически, мы могли бы взять тебя в семью стольником. Тогда все проблемы с опекой решились бы, и мы могли бы спокойно дать тебе образование. Но здесь многое зависит от тебя. Стольник – это слуга ближнего круга, доверенный человек, практически часть семьи. Кого попало в стольники не берут.

– Я всё сделаю, господин! Всё, что от меня понадобится!

– Для этого ты должна принести клятву верности. Ну и смотри: наша семья берёт на себя заботу о тебе, но и ты навсегда связываешь себя с нами. Это серьёзное решение, я хочу, чтобы ты ясно понимала все последствия. Подумай над этим. Если есть с кем посоветоваться – советуйся. И если всё-таки будешь готова, то в этот выходной мы с тобой обменяемся клятвами в храме Аспектов.

*

Храм Аспектов – высокое здание, с устремлёнными к небу острыми шпилями и узкими стрельчатыми окнами, – кажется тихим и мирным внутри, но не для тех, кто может видеть Силу. От алтаря Аспектов – чёрного языка пламени, каким-то образом вырезанного из цельного куска обсидиана – причудливо переплетаясь, поднимаются вверх потоки сил, рассеиваясь вверху в бурлящую мглу, похожую на грозное небо. Люди в храме появляются редко – слишком давит на нервы равнодушно-недоброжелательное внимание. Именно здесь становится предельно ясно, что Сила действительно разумна, и этот разум совершенно чужд

человеку.

Зайка выглядела на грани паники. Ха, это ей ещё везёт, что она бездарная, и не видит эту жуткую тучу, что над нами висит. Я сам стараюсь глаз не поднимать – один раз глянул, и мне хватило. Клубится она высоко, но временами выбрасывает в нашу сторону протуберанцы, которые лишь чуть-чуть до нас не достают. Каждый раз у меня спина холодеет от страха. Неудивительно, что без крайней необходимости люди сюда не ходят. Мы тоже были только вдвоём – Сила зрителей не любит, и мама с Ленкой остались на улице.

– Успокойся, – шепнул ей тихонько. – Здесь просто концентрация Силы большая, поэтому на нервы давит. Постарайся расслабиться, это быстро будет.

Зайка нервно кивнула. Мы, наконец, подошли к алтарю, возле которого на специальной подставке лежал обсидиановый нож. Возле алтаря царил полумрак, и колебания Силы ощущались буквально физически, как прикосновения чего-то шершавого.

Я кивнул Зайке, показав глазами на нож. Она вроде немного пришла в себя и вспомнила, зачем пришла. Взяв нож с подставки, резанула по руке, уронила капли крови на алтарь и сказала дрожащим голосом: «Я, Кира Заяц, отдаю семье Арди службу и верность, и в том клянусь перед Силой своей кровью».

Теперь моя очередь. Надо сосредоточиться, чтобы не дать петуха, и чтобы голос не дрожал: «Я, Кеннер Арди, от имени семьи Арди даю Кире Заяц кров и защиту, и в том клянусь перед Силой своей кровью». Уф, вроде нормально сказал.

Мы соединяем окровавленные ладони, потоки Силы у алтаря вскипают, и через соединённые руки проходит что-то вроде электрического импульса, на миг сводя наши мышцы в судороге и вдавливая наши порезы друг в друга.

*

– Значит так, Зайка, – сказал я, когда мы вернулись домой и немного отошли от посещения храма. – Во-первых, ты теперь всегда должна носить вот этот гербовый значок. Запомни, что отныне тебя не может арестовать стража и не может судить мещанский суд. Стольник считается равным ненаследному дворянину, наш поверенный потом объяснит тебе все детали.

Далее: во флигеле наверху мансарда из трёх комнат – это теперь ваш дом. Мансарду уже привели в порядок и завезли мебель. Сейчас подъедет фургон с грузчиками, переезжайте с братом. Семья обеспечивает вам стол и кров; дополнительно на время учёбы в старшей школе тебе будет идти стипендия две дюжины гривен в месяц. На эти деньги вы должны прилично одеваться, чтобы не позорить семью, ну и на мелкие расходы вам с братом должно хватить. Это основное, остальное спрашивай по ходу дела.

– Господин, а что я должна буду делать?

– Главное – учиться. Хорошо учиться! В старшую школу ты опоздала на два месяца, так что тебе надо будет догонять. Придётся позаниматься с репетиторами. Я поручился за тебя перед госпожой Милославой, не подведи меня.

– Я не подведу, господин, – Зайка была смертельно серьёзна.

– Я в тебя верю, – улыбнулся я ей. – Всё, иди смотри свой новый дом и переезжай.

Через три дня к нам на утренней пробежке присоединились Зайка с братом в новеньких спортивных костюмах. Мама одобрительно им кивнула, а я окончательно уверился, что не ошибся с выбором.

Глава 9

Вот, наконец, и закончилась осень. Ещё вечером было тепло и сыро, но к ночи налетел ветер и принёс снежные тучи. К утру весь город завалило снегом, и дядька Ждан с раннего утра заменил колёса на зимний комплект с шипованной резиной, предварительно откопав гараж. И всё равно, несмотря на мощный мотор и шипы, путь до школы оказался тем ещё приключением. Улицы были завалены снегом чуть ли не по колено, а прямо напротив любимой Ленкиной кондитерской «Безе и сливки» застряла конка. Лошади, уже изрядно присыпанные снегом, смиренно стояли, сунув морды в торбы с овсом, а кучер, нахохлившись, сидел на облучке, дожидаясь, когда его откопают коммунальщики. Говорили, что во многих школах отменили занятия, но в нашей, мажорской, на конке никто не ездил, так что мы учились как обычно. Богатые тоже плачут, да.

К этому времени парни у нас в классе постепенно разделились на две группы. Трое ребят, с которыми я вообще никак не пересекался, в основном крутились возле Штайна, а Бажан Второв общался со мной. Ну как общался? За короткую пятиминутную перемену мы только и успевали, что сложить тетради в сумку, перейти в другой класс и достать всё, что нужно для урока. Общались только в столовой, во время тридцатиминутного обеда. Как зэки у Солженицына, «кушали вместе». Тяжела жизнь отличника, хе-хе. Общение происходило только в школе, конечно – это здесь мы оба школьники, а за воротами школы между нами пропасть. Общество здесь хоть и современное, но всё же глубоко сословное.

Девочки наши кучковаться не стали, зато активно принялись делить мальчиков. Тщательно припудренные синяки и тёмные очки, маскирующие заплывшие глаза были обычным делом. На меня тоже поступило несколько заявок, но Ленка с претендентками каждый раз разбиралась быстро и без всякой жалости. Поединки в дуэльном зале показали её абсолютное превосходство; пару раз недовольные конкурентки объединялись и отлавливали её в тихих уголках для вдумчивых бесед. Оба раза дело кончалось выбитыми зубами и истериками директора, но Ленка к директорскому гневу неизменно относилась с царственным пренебрежением.

В отличие от меня, Бажан участвовал в процессе много, охотно, и со вкусом. Он внезапно почувствовал себя супермоделью. Не только он, конечно – все парни почувствовали себя звёздами. Глядя на этот шабаш, мне стали понятны презрительные отзывы мамы о мужчинах

– когда красивые девчонки из-за тебя дерутся, а ты только пальцем показываешь кого до себя допустишь, это здорово развращает. Неудивительно, что из одарённых часто получаются разбалованные альфонсы. Вот смог бы я этому сопротивляться на их месте? В принципе, я верю, что смог бы, но положила руку на сердце, совершенно бесследно такое всё равно бы не прошло. Даже для меня, с опытом взрослой жизни, а что говорить о подростках?

Сегодня за нашим столом, кроме постоянных участников: меня, Бажана, и Ленки – сидели три бажановских пассии. Лида Шенбах последнее время была рядом с Бажаном постоянно и, очевидно, претендовала на переход в категорию постоянных подруг. Ещё двое девчонок присоединились к нам впервые – у Бажана только что произошла частичная замена состава. То ли он заменил, то ли девчонки сами заменились, я в эту кухню предпочитал не вдаваться. Сейчас все они и Ленка мило щебетали, обсуждая какие-то свои непонятные мужчинам дела. Для меня всегда было загадкой: когда они вот так говорят все одновременно – это они как-то сразу ото всех воспринимают информацию, или же просто друг друга не слушают, а каждая чирикает о своём?

Мы с Бажаном оказались предоставлены сами себе. Вяло повозмущались, что Лентре нам опять на дом назадал столько, что непонятно, когда это всё решать. Внезапно Бажан сказал:

– Кеннер, а помнишь, что ты ещё в самом начале предлагал?

– Предлагал? – удивился я. – Нет, я не помню, чтобы я что-то тебе предлагал. Напомни, пожалуйста.

– Ну, если у меня получится что-то конкретное. Насчёт сотрудничества.

– Ах, это, – наконец вспомнил я, – ну, я бы не назвал это прямо вот предложением. Я говорил, что можно будет обсудить. У тебя что, появился какой-то результат?

– Не совсем у меня, – Бажан смутился, – на самом деле этим всем брат занимается, он недавно закончил Академиум по ремеслу. А я ему помогаю.

– Два брата, и оба одарённые? – поразился я. – Большая редкость. Ну ладно, а что конкретно вы хотите? Финансирование, производство, защиту?

– Всё, наверное, – ответил Бажан, немного подумав, – у нас только разработка, и то немного незавершённая.

– Тогда подготовьте письменное предложение. Что у вас есть, что хотите получить, и что готовы предложить.

– А попроще никак? – спросил Бажан тоскливо.

– Как попроще? – не понял я. – Встретились, поболтали, я из кармана вынул пачку денег и дал её тебе?

– Ну не так, конечно...

– Бажан, о каких деньгах ты говоришь? Если речь о дюжине гривен, то я тебе их так одолжу, без всяких бумажек.

– Нет, не о дюжине, конечно. И там производство ещё.

– Значит, разговор будет серьёзный. Скажи брату, пусть пишет предложение. Мои люди его оценят, просчитают, подготовят свои варианты. А потом уже встретимся и будем разговаривать предметно.

– Ясно, – вздохнул Бажан, – передам.

*

Встреча состоялась нескоро – пока Второвы подготовили бумаги, пока переделывали их по списку наших замечаний, пока уже мы с этими предложениями разбирались – так и прошёл месяц. Но в конце концов со всеми неясностями разобрались, и пришла пора встретиться лицом к лицу. Встречу решили провести в комнате для совещаний «Артефакты», да собственно, других вариантов и не было. Не в ресторан же идти, в самом деле?

С собой я взял одну Зайку, наш поверенный Томил Бодров понадобится только на последнем этапе. Зайка с модной стрижкой и в строгом деловом костюме выглядела на миллион. Картину, правда, немного портил слишком молодой вид, ну так не мне на это жаловаться. Я незаметно показал ей большой палец, и она мило порозовела. А по дороге меня немало повеселили лица встречавшихся нам сотрудников заводууправления. Зайку узнавали сразу, и чудесное превращение мальчика-гавроша в дорого одетую дворянку производило эффект, сравнимый с ударом по голове.

С Бажаном пришли на встречу его брат Дражан и Милен, их отец. После взаимных представлений я взял слово:

– Итак, достойные, насколько мы поняли ваше предложение, вы хотите получить от нас финансирование разработки...

– Завершающей части разработки, – перебил меня Дражан.

Нет, ну что за люди?! Если уж ты закончил Академиум и поднялся вверх в этом пресловутом социальном лифте – найми учителя этикета, научись себя вести в новом для тебя обществе.

– Господин Дражан, – холодно сказал я, – давайте всё же попробуем говорить по очереди.

– Э-э, извините, – смутился он, – э-э, господин Кеннер.

Он что – безумный учёный не от мира сего? В таком случае Второвым стоило бы заткнуть ему рот и держать его тут просто для антуража.

– Продолжим. Вы хотите получить средства на завершение разработки, далее второй очередью уже более значительную сумму на строительство завода и запуск производства. То есть полное финансирование, верно?

– Именно так, господин Кеннер, – откликнулся Милен.

Разработку они предлагали действительно интересную. В своей заявке они не вдавались в детали, но я потребовал полной информации, и в конце концов Второвы открыли свои секреты под мою клятву Силой. Изобрели они связное устройство на базе призванного мелкого духа. Дух вселялся в небольшой предмет вроде кулона, который затем ломался на несколько частей, причём дух по-прежнему присутствовал в каждой и транслировал обратно каждую направленную ему мысль, так что слышать её могли все владельцы частей амулета. Если пользователь был эмпатом, то после некоторой тренировки он мог передавать мысль даже не проговаривая её вслух. Один из тех случаев, когда идея лежала на поверхности, но никто до неё не додумался из-за инерции мышления. Дело в том, что духи всегда требовали жертву, а поскольку жертвоприношения в нормальных странах были под строжайшим запретом, использование духов ремесленники в принципе не рассматривали. Однако для таких мелких духов, по сути ауральных паразитов, в качестве жертвы хватало фонового излучения ауры, так что формально под запрет они не попадали. Для того, чтобы понять это, достаточно было внимательно прочитать свод законов, но ремесленники их обычно не читают, а юристы не делают артефактов.

– В обмен на это вы предлагаете нам половинное участие без гарантий возврата инвестиций. Рискну предположить, что наша семья не первая, к которой вы обратились, но прочих инвесторов не устроил размер доли. Я угадал?

– Да, мы обращались к Стеблевым, – неохотно признался Милен.

– А почему вас не устраивает производство на базе «Артефакты» с лицензионными отчислениями? Это ускорило бы дело, да и расходы бы сильно сократились. Вы заработаете таким образом больше, причём без всяких хлопот.

– Мы бы хотели производить продукцию на нашем предприятии, – упрямо возразил Милен.

– Ясно, – вздохнул я, – полагаю, вы собрались уходить от Стеблевых и видите себя в должности управляющего своего завода. Ну что же, не вижу возможности вас переубедить. В таком случае, чтобы мы могли обсуждать вопрос долей более предметно, госпожа Кира представит нам свой анализ перспективы возврата вложений. Госпожа Кира, прошу вас.

Зайка открыла папку, и несчастные Второвы тут же поняли, почему народ не любит финансистов. Эластичность цены... кривая спроса... амортизация основных средств... наконец, противник был окончательно раздавлен, и Зайка подвела итог:

– Таким образом, исходя из умеренно-оптимистичной кривой спроса, стандартная доходность инвестиции в двенадцать процентов в течение стандартного периода в тридцать шесть лет достигается при размере нашей доли не менее семидесяти восьми процентов.

– Благодарю вас, госпожа Кира, за исчерпывающий доклад, – я кивнул Зайке, – моя оценка лежит примерно в том же районе, но ваши расчёты, безусловно, точнее.

Её расчёты уж всяко точнее, потому как я в экономике и финансах ничего не смыслю, и оценки мои совершенно с потолка. Но это, конечно же, большой секрет.

– Я полагаю, достойные, что мы сумели обосновать наше требование доли в размере восьмидесяти процентов. Это абсолютный минимум, на который мы готовы пойти.

– Кхм. Мы обдумаем ваше предложение, господин Кеннер, – сказал старший Второв.

– Когда будете обдумывать, я попросил бы вас обратить внимание ещё на один момент. Именно наше значительное участие полностью защитит вас от попыток навязать вам договор протекции. И тем более от попыток принудительно войти в долю – войти, разумеется, бесплатно.

– Какой ещё договор протекции? – удивился Второв.

– Любое предприятие простолюдинов платит за протекцию пятнадцать, а то и двадцать процентов. Без нас вы тоже будете платить.

– Мы платим налоги князю, почему мы должны платить кому-то ещё?

– Кому-то ещё не должны, конечно, – согласился я. – Князь ведь тоже даёт протекцию, его ставка двадцать процентов. Должен сказать, у меня появляются сомнения насчёт успешности этого предприятия. Как вы собираетесь им управлять, не зная особенностей ведения дел в княжестве? Вы ведь, почтенный Милен, раньше занимались только вопросами производства? Если вы претендуете на пост управляющего, самое время вникнуть в прочие области.

На этой оптимистической ноте наша встреча закончилась. Второвы надолго пропали. Насколько я понял из оговорок Бажана, они не потеряли надежды, что кто-то полностью профинансирует их затею за долю малую, и активно вели переговоры с другими кандидатами. Странные люди, пора бы им понять, что я предложил очень хорошие условия. А то ведь можно и отозвать это предложение – на самом деле мне интереснее производить это на «Артефакте», а идея вбить кучу денег в новое предприятие для Второва-старшего выглядит не так уж привлекательно. Сейчас у меня есть свободные деньги, которые хочется куда-то вложить, но если я найду им другое применение, Второвы будут в пролёте.

*

Уроки основы постепенно стали у меня любимыми, главным образом из-за учителя. Он не просто давал нам упражнения, которые были, откровенно говоря, совершенно занудными, но и всегда старался объяснить, что мы делаем, и для чего. Часто его объяснения открывали мне мир с совершенно неожиданной стороны. Я даже начал симпатизировать Штайну, потому что обычно именно тупые заявления нашего юного Гэндальфа побуждали учителя к

рассказу очередной поучительной истории.

– «Что было на самом деле»? – поднял брови учитель. – А просвети-ка нас, Штайн – что такое «на самом деле»? Что ты имел в виду, употребляя это выражение?

– Ну, на самом деле – это что по-настоящему было.

– Исчерпывающе, – сарказм можно было черпать ведром, – прямо в духе онтологии[16] Платона, хотя сомневаюсь, что тебе знакомо это имя. Ну хорошо, попробуем зайти с другой стороны. Давай возьмём, к примеру, удар молнии. Профессор философии скажет, что разность потенциалов вызвала образование ионизированного канала, по которому стёк электрический заряд. Племенной шаман скажет, что это духи спустились на землю из мира духов. Жрец Перуна скажет, что это Перун метнул своё копьё. Так кто из них прав? Что там произошло «на самом деле»?

[16 – Онтология – раздел философии, изучающий бытие, а также его формы и закономерности.]

Штайн завис, чувствуя явный подвох.

– Ну, мы про электричество учили...

– Ты, Штайн, пустоголовый лодырь, но печально не это. Печально то, что ты совершенно не стремишься стать умнее. Садись. Так вот, все они правы, просто они видят разные грани одного явления. Профессор может измерить разность потенциалов и подсчитать выделившуюся энергию. Шаман не знает даже слова «энергия», но для него нет никакой проблемы предсказать, когда и куда ударит молния – чего профессор сделать не в состоянии. Ну а жрец может просто попросить Перуна, и молния ударит куда он хочет.

Учитель сделал паузу, обвёл глазами класс, и продолжил:

– Видеть явление во всей целостности человеку недоступно, да и сущности более высоких порядков, скорее всего, видят далеко не всё. Поэтому не откидывайте чужое видение с порога, даже если оно кажется вам неверным или примитивным. Не будьте самодовольными баранами, и тогда чужой взгляд поможет вам лучше понять суть мира.

Уже после, когда я раздумывал над этим рассказом, мне неожиданно пришла в голову мысль. Представим существ, живущих внутри обычного кинескопа, с которыми делали телевизоры до эпохи ЖК-панелей. Их учёные обнаружили, что внутри их мира существует постоянно движущийся поток электронов. Они открыли законы электродинамики. Защитили кучу диссертаций на тему зависимости этого потока от напряжения на электродах. Вот только так и не поняли, какой смысл во всём этом, потому что для этого нужно каким-то образом вылезти из кинескопа и увидеть изображение. Так вот – а не живём ли и мы в каком-нибудь кинескопе? Выполняем ли мы какую-то функцию или мы просто случайные паразиты? Неуютная мысль...

*

Наконец зима подошла к завершению, и в конце сечения[17] Второв появился снова.

[17 – В древнерусском календаре – февраль.]

– Понимаете, господин Кеннер, – втолковывал мне Милен Второв, – наша семья хотела бы иметь своё предприятие.

– Прекрасная цель, – соглашался я, – вполне понимаю ваше желание.

– Но ведь если вам будет принадлежать восемьдесят процентов акций, то это будет ваш завод, а не наш!

– Именно так, – опять соглашался я, – если я вкладываю большую часть, то я и являюсь основным владельцем. Но у вас же есть и другие варианты.

– Какие именно? – заинтересовался Второв.

– Например, тоже вложить деньги, чтобы ваша доля стала больше моей. Или добавить ещё пару разработок вместо денег. Или дать мне лицензию на производство лет на десять, а через десять лет на накопленные деньги открыть свой завод. Вариантов, как видите, много.

Дожимать Второвых пришлось вместе с Зайкой, но всё-таки дожали на восемьдесят два процента. У меня были большие сомнения в компетентности Второва – у Стеблевых он неплохо работал с производством, зато во всём остальном явно плавал. Но по крайней мере, у меня было право заменить его в случае чего, и как минимум на первое время я его без надзора точно не оставлю.

– Зайка, я хочу, чтобы ты полностью контролировала это предприятие, хотя бы первое время. Второв не вызывает у меня особого доверия, с деньгами он, похоже, работать не умеет. Визируй сама все крупные траты, ты мой официальный представитель, все права у тебя есть. Со временем у тебя сложно, конечно, так что тебе надо не влезать во всё самой, а нанять нужных людей, и просто их контролировать.

– Да, господин, я всё сделаю, не беспокойтесь.

– Эти два процента, которые ты выторговала сверх восьмидесяти – они будут идти тебе. Так что ты и на себя будешь работать.

Зайка была настолько потрясена, что потеряла дар речи.

– Привыкай к мысли, что ты часть семьи, а не наёмный работник. – У неё в глазах начали набухать слёзы, так что я её срочно отпустил, чтобы не смущать. – Ну всё, иди работать.

Наконец изрядно поднадоевшая зима окончательно ушла, и голые ветки как-то неожиданно и разом зазеленели. Вслед за листьями пришли и годовые экзамены. С ними особых неожиданностей не было ни у меня, ни у Ленки – мне всё же немного помогало прежнее образование, да и вообще тренированный мозг, ну а Ленка просто умница. Арифметика, геометрия, и философия пролетели как с горки на лыжах. По алхимии со скрипом, но свою десятку я получил. Биология тоже прошла неплохо. В общем, вчера мы сдали последний экзамен, осталось только получить табель в понедельник, а сегодня мы наконец наслаждались заслуженным выходным. Изок[18] выдался жарким, вот и сегодня случилась страшная жара, и мы дружно решили поехать на пляж. Женщины долго шушукались и хихикали, совершая сложнейший акт выбора купальников. Ленка попыталась было привлечь к процессу и меня, но я сразу заявил, что мой слабый мозг не в силах вместить такую грандиозную задачу, и лично я предпочёл бы видеть её вообще без купальника. В результате меня обозвали дураком и благополучно оставили в покое, как доказавшего свою умственную неполноценность. Наконец, все проблемы были кое-как решены, мы погрузились в машину, и дядька Ждан мигом домчал нас до пляжа для благородной публики на берегу озера Ильмень. Пляж был платный и дорогой, зато с охраной, и прекрасно оборудованный.

[18 - Июнь.]

В купальниках мои женщины выглядели сногсшибательно. Мама вообще выглядела старшей сестрой, и дать ей можно было не больше девятнадцати. Собственно, а как ещё могла выглядеть целительница высокого ранга, со специализацией омоложения организма и пластической коррекции? Я так засмотрелся на них, что меня потянуло на интимные темы.

– Мама, когда ты наконец найдёшь себе хорошего мужчину и увеличишь нашу семью на парочку младенцев?

Мама грустно засмеялась.

– Где же я найду хорошего мужчину? Которые постарше уже все заняты, а для твоих ровесников я старуха. Да и мужчины-то из одарённых большей частью только так называются. Думаешь, я просто так на твоего отца запала? У нас-то все одарённые были вроде капризных педиков. Борис был хотя бы на мужчину похож... только похож, к сожалению.

– Ну на крайний случай можно же и бездаря найти.

– Ну уж нет! Бездарный мне не нужен.

– С моим отцом ты же сошлась...

– Понимаешь, Кени, – ответила мама, – молодые девчонки думают только о себе, а когда становишься постарше, начинаешь думать о детях. Я хочу одарённых детей. С тобой мне повезло, но второй раз на чудо рассчитывать не стоит.

Мама с грустью вздохнула и посмотрела на Ленку.

– Ты, Леночка, наверное, даже и не понимаешь, какая тебе удача выпала.

– Да что тут не понять, – рассеянно ответила Ленка, копаясь в сумке, – у нас в классе кроме Кена только один Бажан нормальный, так на него уже четыре девчонки, и пятую не подпустят. Попробуй только глянуть на него лишний раз, могут и искалечить. Остальные делят оставшихся придурков, драки чуть ли не через день.

Ну надо же, какие страсти у нас кипят, оказывается! Я как-то и не особо обращал внимания – мне только издали глазки строят. С Ленкой никто уже связываться не рискует, ни один на один, ни группой.

Покупались, позагорали, послали официанта за корзинкой горячих от солнца персиков и кувшином ледяного лимонада. И за ленивой болтовнёй не сразу заметили подошедшую к нам совсем юную девушку в ярком купальнике. Мама немедленно встала и поклонилась:

– Сиятельная Алина.

Та кивнула в ответ.

– Здравствуй, Мила, давно мы с тобой не виделись. Заметила тебя и решила поздороваться. И давай всё-таки общаться как раньше, тем более, на пляже формальная беседа выглядит глупо, глупее было бы только в бане. Как ты живёшь? Насколько я знаю, скоро станешь девятой?

– Здравствуй, Алина. Да, уже подала прошение об аттестации.

– Я в тебя верю. – улыбнулась та. – Это твои дети?

– Моя дочь Лена Менцева. Мой сын Кеннер Арди. Дети, перед вами сиятельная Алина, Мать рода Тириных.

– Кеннер, да? – засмеялась Алина, – Решила потоптаться сразу по всем мозолям в округе, Мила?

Я впервые видел маму смущённой.

– Славное имя, юноша. Я неплохо знала Кеннера Ренского – характер, скажем так, резковат, зато мужчина был хоть куда, не то что эти, нынешние. – она неопределённо махнула рукой, – Такое имя непросто носить. Сможешь соответствовать, как ты считаешь?

Неплохо знала? Моего прапрадедушку??

– Жизнь покажет. – я пожал плечами.

– Конечно, жизнь обязательно покажет. – мягко засмеялась она. – Вы учитесь в школе?

– Да, перешли во второй класс.

– Моя младшая правнучка тоже ваша ровесница, учится в «Дубках». Талантливая, но очень застенчивая девочка. – она посмотрела на Лену. – Я была бы тебе очень обязана, Лена, если бы ты немного помогла ей освоиться в обществе.

– Почту за честь, сиятельная. – Лена держала лицо, но я чувствовал её смятение.

– Мила, почему бы тебе не заглянуть к нам, скажем, в следующий выходной? – предложила Алина. – Возьми с собой детей, найдём им интересное занятие, а сами тем временем поболтаем. И нет, не смотри на меня так – я не собираюсь тянуть в род ни тебя, ни твоих детей.

Мать явно не знала что сказать. Алина понимающе усмехнулась:

– Ты совершенно напрасно тогда решила, что друзья от тебя отвернулись.

– Прости, Алина, – сказала мама со смущением в голосе, – пожалуй, я действительно была тогда неправа. На меня столько свалилось сразу...

– Я тебя вполне понимаю, – кивнула Алина, – Ольга тогда сильно перегнула палку. Очень сильно. Между нами говоря, её и среди Ренских очень многие не одобрили. Тогда они всё же промолчали, но сейчас Ольге начинают задавать неприятные вопросы. Впрочем, это их дело.

– Мы приедем, Алина. – решила мать. – Спасибо за приглашение.

– Что ж, – улыбнулась Алина, – буду ждать. Молодые люди, была рада знакомству.

Алина встала, и изящно сделав нам ручкой, покинула наш уголок.

Мы все чувствовали себя слегка ошарашенными.

– Мама, а это что, нормально, что Мать рода вот так загорает на общественном пляже? – немного погодя спросила Ленка.

– Скажешь тоже – нормально, – фыркнула мама, – тут, наверное, чуть не половина пляжа её охрана. Хотя что её охранять-то, с одиннадцатым рангом.

– Зачем она здесь тогда?

– Если из-за нас, то всё просто, – ответил я вместо мамы, – сама она к нам приехать не может, статус не позволяет. Нас вызвать к себе тоже нельзя – это будет слишком официально, и для нас унижение. А здесь никакого урона чести, все сохранили лицо. Просто случайно встретились, поздоровались, поболтали. Другой вопрос: зачем ей эта встреча?

– Хочет восстановить отношения, разве это не очевидно? – пожала плечами мама. – Я после изгнания порвала все связи. Сейчас-то понимаю, что напрасно, но тогда мне казалось, что все против меня. Скорее всего, Алина не стала бы встречаться со мной, если бы я так и осталась низкоранговой, но я знаю, что она помогала мне сразу после изгнания. Было у меня

несколько случаев, когда серьёзные проблемы решались как бы сами собой, и кроме неё это сделать было некому. Если она хочет восстановить отношения, я полностью за это. Нашей маленькой семье не мешает дружба с сильным родом. Да и вообще Алина всегда была мне симпатична. Конечно, для неё интересы рода всегда на первом месте, но о них можно по-разному заботиться. Для Алины честь не пустой звук.

Мать ещё помолчала, раздумывая, и сказала:

– Дальше будет больше, наша семья становится интересной многим. Во-первых, я достаточно быстро восстанавливаю ранг, есть шансы, что в обозримом будущем стану Высшей. У вас тоже хорошая перспектива стать Высшими, хоть и попозже. Кеннер вообще особый случай – знаете, сколько было Высших-мужчин за последние пятьсот лет? Трое, включая Кеннера Ренского. Как ты думаешь, Кени, сколько женщин захотят от тебя ребёнка?

Я хотел было отпустить какую-нибудь шутку, но случайно глянул на Ленку, и шутка застряла в горле. Смотрела она куда-то вдаль, и глаза у неё были совсем большие. Сказал я совсем другое:

– Я не знаю, сколько женщин захотят от меня ребёнка. Зато я знаю точно, что детей мне будет рожать только одна женщина, потому что других для меня не существует.

Меня просто затопила волна теплоты и нежности от Ленки – и неужели кто-то променял бы это на какой-то гарем?

– Позиция вызывает уважение. – сказала мама серьёзно, – В таком случае могу сказать только одно, сын – побыстрее становись Высшим. Только Высшие по-настоящему независимы.

*

Раздался осторожный стук в дверь.

– Господин, можно к вам? – заглянула в щель Зайка.

– Заходи, заходи, – я копался в столе, – куда я его умудрился засунуть?

Зайка робко протянула мне свой табель.

– Ого! – воскликнул я. – Одни десятки, кроме физвоспитания.

– Там только восьмёрка получилась, но я в следующем году постараюсь исправить.

– Ну, восьмёрка отличный результат, – приободрил её я, – с пятёрки сразу на десятку и не вышло бы, мышцы так быстро не развиваются. Я доволен тобой, продолжай в том же духе.

– Спасибо, господин. – Зайка зарумянилась.

– Вот, нашёл, наконец. – я достал конверт из ящика. – У тебя купальник есть?

– Купальник? – Зайка удивилась. – Нету.

– Значит, срочно покупай. Вот путёвки для тебя с Кириллом на Русское[19] море, ну и кое-какая сумма на расходы. Поезд послезавтра. Две недели будете купаться и загорать.

[19 - Чёрное море.]

– Господин, я не могу! Нужно постоянно следить за строительством, и как раз сейчас пора заказывать оборудование. К осени нужно выпустить первую продукцию. Мне нельзя никуда уезжать!

– Я думаю, Второвы за две недели не успеют ничего развалить, так что ничего страшного не случится. Ну и я там присмотрю за ними. А тебе обязательно надо отдохнуть, ты слишком много работала последнее время. Мне не нужно, чтобы ты начала падать от переутомления, так что возражения не принимаются. Ты едешь на курорт.

– А вы едете?

– Нет, мы сейчас не можем, у госпожи Милославы на днях аттестация на девятый ранг. Если только после летнего лагеря, там посмотрим. Но довольно об этом. У меня есть для тебя ещё одно дело. Я открыл для тебя новый счёт и положил на него две тысячи гривен. Делай с ними что хочешь – спекулируй, играй на бирже, что там ещё. Через год покажешь результат.

– А если я проиграю? – в голосе Зайки звенел ужас.

– Постарайся не проиграть, но я понимаю, что такая вероятность всегда есть. Я даю эти деньги не для того, чтобы ты что-то заработала, а чтобы ты научилась обращаться с реальными деньгами. Книжки это одно, а настоящие деньги, которые есть риск потерять – это совсем другое. Можно тысячу книжек прочитать как надо драться, но все они не заменят одну реальную драку, понимаешь?

– Понимаю, – кивнула Зайка, – я буду стараться.

– Ну вот и договорились, иди собирайся.

Будет, конечно, жалко, если она потеряет эти деньги, но пусть она лучше потеряет эту пару тысяч сейчас, и наберётся какого-то опыта. Потому что через несколько лет она должна будет управлять сотнями тысяч, и там уже лучше будет ничего не терять.

*

Усадьба Тириных находилась за городом – россыпь одно- и двухэтажных деревянных домов и домиков, стоящих прямо в лесу.

– Тирины вообще город не любят, – пояснила мама, – хотя Аспект у них совершенно не

лесной.

– А что у них за Аспект? – тут же заинтересовался я.

– Живая Стужа. Каждый раз, когда ты покупаешь сестре мороженое, Тирины становятся немного богаче.

– Учитывая сколько она съедает мороженого, они на нас неплохо разбогатели. – глубокомысленно заметил я.

Сзади послышалось возмущённое пыхтение.

– Не дразни сестру, – засмеялась мама, – вот, нас уже и встречают.

Встречала нас наша одноклассница Анета Тириня – тихая девочка, которая держалась в классе довольно незаметно.

– Госпожа Милослава, господа, – поздоровалась она с поклоном, – род Тириных рад приветствовать вас. Позвольте вас проводить.

Внутри усадьбы никакого асфальта не было, лишь самые крупные тропинки были выложены камнем. Мы шли по самой широкой, от которой то и дело разбегались тропы и тропки. Минут через пять мы, наконец, дошли до большого деревянного терема довольно фольклорного вида. Внутренность терема была также оформлена в рустикальном стиле, и выглядела чрезвычайно уютно. Нас вышла встретить сама Алина, одетая в вышитое льняное платье, такая деревенская Василиса Прекрасная.

– Мила, дети, рада вас видеть. – улыбнулась нам она. – Вы как раз к обеду. Нет-нет, не вздумайте отказываться.

К счастью, обед оказался не фольклорным; щи и гречка были бы уже перебором. За столом, кроме нас и Алины, была Анета, которая и оказалась той самой младшей правнучкой. Разговор был типично застольным, то есть ни о чём, причём взрослые активно поощряли нас, молодых, в нём участвовать. Анета пересказала одно из недавних выступлений Штайна на уроке основы, причём настолько талантливо и с юмором, что мы с Ленкой тоже посмеялись, несмотря на то, что слышали это на уроке своими ушами. Внезапно Алина сказала:

– Раз уж мы заговорили про основу... Драгана как-то пошутила, что после твоего последнего поединка, Кеннер, ей пришлось забрать твои документы к себе в сейф, чтобы писцов наконец прекратили развращать взятками. Я заинтригована. Если это не особый секрет, может скажешь нам свою основу? Мы никому не расскажем, обещаю.

Вот чувствовал я, что тот поединок с Эльмой Ренской мне ещё аукнется! Но делать нечего, хоть вопрос и не совсем тактичный, отказаться ответить значит оскорбить хозяев.

– Для вас это не секрет, сиятельная, – ответил я, – моя основа четыре-четыре-пять.

У Анеты глаза сделались круглыми, Алина тоже выглядела удивлённой.

– Однако! – только и сказала она. – Теперь я понимаю, отчего Ольга так возбудилась.

– А я как раз не понимаю, – ответил на это я, – даже если представить, что у неё получилось бы установить надо мной опеку до семнадцати лет, что бы ей это дало?

– Разве что подкладывать под тебя своих девиц. – задумчиво сказала Алина. – Вряд ли из этого вышло бы что-то хорошее, но это единственное, что я могу придумать. Впрочем, я Ольгу вообще плохо понимаю, она порой бывает совершенно непредсказуемой. Иногда я даже думаю, что она сумасшедшая. Извини, Мила.

Мама только махнула рукой.

– Прошу прощения, что подняла не очень приятную тему. – извинилась Алина. – Давайте поговорим о чём-нибудь другом. Чем вы планируете заниматься после школы? Академиум, я полагаю? Какой факультет?

– Лена ещё не определилась, а я хочу на теорию конструирования.

– Теория? – удивилась Алина. – Почему теория?

– Ну, я не собираюсь заниматься именно теоретическими изысканиями, но я думаю, что хорошая теоретическая база поможет в практических применениях. Если я хорошо понимаю, как строятся конструкты, то смогу лучше их использовать. Мне так кажется, во всяком случае.

– В целом ты прав, – согласилась Алина, – и будь у тебя в основе единички, я бы сказала, что ты очень правильно рассуждаешь. Но раз у тебя хорошая перспектива дойти до Высшего, то для тебя это будет напрасной потерей времени.

– Почему? – я был полностью сбит с толку.

– Потому что Высшие общаются с Силой напрямую. – просто ответила Алина. – Нам не нужны костыли.

– То есть вы просто говорите Силе свои пожелания, так что ли? – новый взгляд на Силу как-то слабо укладывался у меня в голове. – Мол, сделай мне, допустим, мороженое?

Алина уловила сарказм, и усмехнувшись, спросила:

– Лена, ты какое мороженое любишь?

– «Снеговик-заснайка», – растерянно ответила Ленка, – эскимо...

Алина нахмурилась. У меня возникло сосущее чувство в животе, мир покачнулся, и через мгновение Алина протягивала Ленке эскимо в хорошо знакомой обёртке. Ленка с опаской

развернула обёртку, откусила кусочек, и неверяще сказала:

– Настоящее...

Моя картина мира дала трещину. В неё вполне укладывалось некое энергетическое поле, которое может как-то концентрировать энергию, или влиять на химические превращения, или ещё что-то в этом роде. Но по желанию создавать прямо из ничего эскимо, вплоть до надписей на обёртке? Это никак не стыковалось с нормальным научным подходом, а подходило скорее для детской книжки про волшебников.

– Никогда не думал, что одной Силой можно создать сложный объект, – я не скрывал своего потрясения.

– Сила многое может, хотя обычно даже Высшие мороженое покупают, а не создают. Тратить столько энергии ради столь ничтожной цели не стоит, Сила такого не любит.

У меня в голове вертелось не меньше миллиона вопросов. Алина поняла моё состояние и засмеялась:

– Нет, Кеннер, давай как-нибудь в следующий раз. Постараюсь ответить на что смогу. А сейчас, Анета, покажи нашим гостям усадьбу, а мы с Милой пока поболтаем о скучном.

– Благодарю вас, сиятельная Алина, за эту демонстрацию, – я встал и поклонился, – вы помогли мне избежать серьёзной ошибки.

– Не бери в голову, – улыбнулась Алина, – и называй меня, пожалуйста, просто Алиной, и на ты. В неофициальной обстановке, разумеется. Тебя, Лена, это тоже касается.

Мы немного погуляли по лесу, разглядывая разбросанные тут и там живописные домики Тириных, пока, наконец, не нашли удобную скамейку в тенёчке. Там и сидели, болтая ногами, поедая раннюю черешню, и болтая о пустяках.

– Кеннер, а ты знаешь, что я твоя тётя? – спросила меня Анета.

Мне вдруг вспомнилось «Здравствуйте, я ваша тётя»[20], и я непроизвольно улыбнулся. Из Бразилии, ага, где много диких обезьян.

[20 - Комедия 1975г. режиссёра Виктора Титова.]

– Троюродная, – уточнила Анета, увидев мою улыбку, – а госпожа Милослава мне троюродная сестра.

– Каким образом? – не понял я.

– Кеннер Ренский мой прадедушка.

– Какой-то день открытий сегодня, – заметил я, – и много у меня родственников?

– У нас в линии Кеннера четверо – бабушка, мама, тётя, и я.

– Что значит «в линии Кеннера»?

– Потомки Алины от Кеннера Ренского, что тут непонятного?

– А, теперь понял. А не у Тириных?

– Не знаю, – пожала плечами Анета, – много, наверное. Ренский, по слухам, был ещё тот ходок. Алина как-то сказала, что у него любимый способ ухаживания был сделать подножку и упасть сверху.

Ленка захихикала.

– И что, кому-то это нравилось? – спросил я шокировано.

– Не попробуешь – не узнаешь. – философски заметила Анета. – Но мне пока рано такие вещи выяснять.

Теперь хихикали обе.

*

После визита к Тириным я решил, наконец, выяснить вопрос, который меня давно интересовал.

– Мама, а сколько у Ольги детей?

– Я единственный ребёнок, – ответила мама, а потом, подумав, добавила, – но она могла с тех пор ещё кого-нибудь родить. А зачем тебе это?

– А почему она тогда Мать рода?

– Какая тут связь? – удивилась мама. – А, поняла, ты же с Алиной познакомился. Алина — это исключение. Она просто детей любит и правит долго, уже лет сто пятьдесят, наверное. Вообще-то в этом что-то есть – Тирины очень дружный род. Я первое время после изгнания даже подумывала к ним попроситься.

– А разве для этого не нужно родственником быть?

– Так мы им родственники по Кеннеру Ренскому, для приёма в род этого достаточно. – мама посмотрела на меня внимательно. – Но я поняла, что тебя интересует – ты хочешь узнать, что такое Мать рода, так?

– Ну да, и что такое род вообще. Чем род от семьи отличается и всё такое.

– Мать рода действительно была матерью в незапамятные времена, а сейчас это роли не

играет. Мать – это Высшая, которая воплощает Аспект Силы, и через которую доступ к Аспекту имеют члены рода. Такое определение тебя устроит?

– Не очень. Вот, например, мужчина может воплощать Аспект?

– Хочешь стать Матерью рода? – засмеялась мама. – Я не знаю, что тебе ответить, Кени. Никто из мужчин никогда не пытался воплотить Аспект. Мужчин-Высших просто слишком мало было. Знаешь, я тут вряд ли что-то смогу тебе рассказать, про Высших вообще почти ничего не известно. Я знаю только, что для воплощения Аспекта нужен одиннадцатый ранг. Понятия не имею, почему именно одиннадцатый, и как происходит воплощение. Моя мать, даже мне, своей дочери, ничего не рассказывала. «Станешь Высшей, всё узнаешь сама» – вот и всё, что она мне отвечала.

– А в чём преимущество использования Силы через Аспект?

– Ну как в чём? Смотри – у меня основа была девятка, а когда мать меня отлучила, она упала до четвёрки. – мать задумчиво усмехнулась. – Вот это был шок, я тебе скажу, сразу как будто ослепла и оглохла. То есть Аспект мне сразу давал пять рангов, без всякого труда. Как тебе такое преимущество?

– Неплохо, но ведь за это, наверное, надо чем-то платить?

– Платить приходится, конечно. Алина тогда мороженое создала, но не проси её сделать чашку чая. Вскипятить воду она только на плите может. Ренские легко управляются с камнем, но ничего не могут сделать с воздухом. Обычный Владеющий победит равного ему по рангу родовича, зато родовичам этот ранг даётся почти даром, а Владеющий идёт к нему десятилетиями. Другой подход, трудно сказать, который из них лучше.

Постепенно у меня вырисовывалась картина политического устройства княжества. С одной стороны – роды с большим количеством не очень сильных Владеющих, но при этом у каждого рода есть как минимум одна Высшая. С другой стороны их уравнивают дворянские фамилии с относительно небольшим количеством сильных Владеющих, и большими, хорошо обученными дружинами. Немного сбоку стоит Круг Силы, который представляет независимых Владеющих, и прежде всего Высших, не входящих в роды. Я пока что плохо знаком с функциями и возможностями торгово-промышленных гильдий и Совета общин, который представляет мещанство и крестьянство, но полагаю, что все они тоже обладают заметным политическим влиянием. Совершенно ясно, что в княжестве существует несколько центров силы с примерно равными возможностями и с минимальными шансами на объединение. Князь выступает в роли арбитра, и у меня есть сильное подозрение, что этот арбитраж устроен примерно так же, как уже знакомый мне княжеский суд – вроде все голосуют, но князь имеет возможность провести любое нужное ему решение. Учитывая, что у князя к тому же имеется самая сильная дружина и свои Владеющие, можно смело предположить, что власть князя практически абсолютна.

В целом конструкция выглядит вполне устойчивой, и насколько я знаю из курса истории, по крайней мере последние восемьсот лет каких-то заметных политических пертурбаций в

княжестве не происходило. Это очень похоже на английскую монархию – правитель, не демонстрируя своей власти явно, правит, опираясь на консенсус элит, а для низов элиты периодически заменяют лица в витрине. Или, если угодно, клоунов на арене. Низы свято верят, что именно они своим волеизъявлением управляют государством, так что бунтовать, собственно, и нет смысла – сами же выбрали именно этих клоунов. Нужно просто подождать, и на следующих выборах заменить их другими – из того набора, который охотно предоставляет элита. Проще говоря, реальные правители предоставляют низам иллюзию участия в управлении и шанс подняться выше – в этом и состоит главный принцип стабильной политической системы. И разумеется, должно быть несколько центров силы, баланс между которыми поддерживает правитель, помогая слабым, и придавливая слишком сильных.

Глава 11

Внезапно оказалось, что нам с Ленкой практически нечего делать, по крайней мере, ближайшую неделю. Странное и непривычное чувство. Каникулы, чтоб их! Вот мы сейчас и загорали у бассейна – Ленка с жаром обличала распущенность современной молодёжи, а я был кем-то вроде адвоката дьявола.

– Девчонки вообще ничего не стесняются, совсем уже сдурели со своей делёжкой мальчишек. Как можно в таких юбках ходить? У них же всё там видно.

– Ну а тебя-то это почему заботит? – вяло возражал ей я. – У тебя кого-то увели, что ли? Если есть что показать, пусть показывают. Посмотрим...

– Да уж ты-то посмотришь, – возмущённо соглашалась Ленка, – я же не слепая, вижу, как ты поглядываешь на эту, из первого-буки[21], которая тебе вечно глазки строит, всё никак не запомню её фамилию.

[21 - Буки – название буквы Б славянского алфавита. В школах княжества параллельные классы обозначаются буквами аз, буки, веди, и т.д.]

– Каргхофен её фамилия. Только она уже из второго-буки, а не из первого. Ну она ничего так.

– Конечно, ты же у неё там всё разглядел, – едко сказала Ленка, – она же думает, что если у неё задницу видно, то никто и не заметит, что она страшная, как обезьяна. С тобой вот сработало.

– Да чего это она страшная? – лениво отбивался я. – Нормальная она. Юбку покороче, вырез побольше, свет приглушить, и вообще первый сорт.

– Так может, и мне юбку покороче обрезать?

– Не, я тебя ревновать буду. Ну и гордиться тоже. Вот дома хоть по пояс обрежь.

Ленка презрительно фыркнула:

– Свет тоже приглушишь?

– Наоборот, прибавлю. Ты, Ленка, бриллиант, на тебя надо при ярком свете смотреть. Не сравнивай себя со стразиками.

– Дурак ты, Кени, – довольным голосом проворковала Ленка, – всё какие-то глупости болтаешь. Ты мне вот что скажи: ты почему меня не целуешь? У нас все девчонки уже целуются вовсю, Матулич вон уже со всеми мальчишками пересосалась. Одна я хожу нецелованная, как дура последняя.

– Во-первых, не со всеми. Со мной она не пересосалась. Во-вторых, если нецелованная, это не значит, что дура.

– В-третьих будет? – язвительно осведомилась Ленка.

– Будет! – ответил я, и притянув её к себе, впился ей в губы.

Ленка начала протестующе мычать и сопротивляться, как будто это не она полминуты назад требовала поцелуев. Выразив протест в достаточной степени, она всецело отдалась новому занятию. Наконец мы оторвались друг от друга.

– Это где ты целоваться научился? – с подозрением спросила она.

– Теоретик... – неохотно отозвался я.

– А, ну тогда ладно. – расслабилась Ленка, а затем сурово потребовала: – И не смей меня лапать!

– Не буду сметь. – согласился я, продолжая гладить загорелое бедро.

Ленка хихикнула, прижалась ко мне, и подставила губы.

*

Безделье засасывает, как болото, и столь же коварно. Стоит пробездельничать буквально два-три дня, и все заботы и планы как-то незаметно уходят куда-то на задний план, затягиваются туманом, и остаётся только безделье, из которого чем дальше, тем сложнее выкарабкаться. Когда я понял, что уже погрузился по шею, и вот-вот уйду туда с головой, я встрепенулся, и решил, что пора как-то выбираться. Тем более и дело ведь было – я же пообещал Зайке присмотреть за Второвыми, да и вообще надо бы хоть глянуть, что там на строительной площадке делается. Я Зайке полностью доверяю, но всегда нужно видеть процесс своими глазами. Она может что-то и не понять – она же совсем молодая, откуда у неё опыту взяться.

Для разнообразия я решил не являться на стройку в виде начальника. Начальник на самом-то деле видит не так уж много, он всегда опирается на доверенных подчинённых. А откуда у

меня там доверенные подчинённые? На площадке и охраны-то нормальной пока нет. Так, по ночам сторож с дробовиком присматривает, чтобы местные кирпич не тырили.

Подобрать одежду поскромнее в моём гардеробе оказалось не так просто, но кое-что нашлось. И сейчас я придиричиво оглядывал себя в зеркало, тихонько мурлыча себе под нос «Не кочегары мы, не плотники... но сожалений горьких нет...»[22]. Ну ничего так, в принципе нормально, только ещё причёску немного растрепать. Главное, не забывать делать морду попроще, и вполне сойду за подростка из мешан.

[22 - Песня Р. Щедрина из к/ф «Высота», <https://www.youtube.com/watch?v=wprTlXEwitQ>]

Проникнуть на стройплощадку оказалось проще простого – капитальный кирпичный забор был возведён от силы на четверть длины, а большей частью представлял собой цепочку ям, уже наполовину заплывших от прошедших ливней. На самой площадке работа тоже не бурлила. Двое рабочих неспешно собирали из металлических трубок что-то вроде строительных козел, да из бытовки доносились громкие голоса и смех.

– Эй, малой, а ну-ка подь сюды! – моментально заметили меня рабочие.

– Чего надоть, дяденьки? – отозвался я с опаской в голосе.

– Давай хватайся вот за этот конец, и подымай его помалу пока в дырку не войдёт.

Вместе мы, наконец, соединили слегка погнутые трубы. Козлы вышли кривоватыми, но вполне рабочими.

– Чё здесь ходишь? – строго спросил тот, что помоложе. – Украсть чего присматриваешь?

– Чё сразу украсть-то? – возмутился я. – Посмотреть зашёл.

– Да не ссы, малой, он шутит. – заржал рабочий постарше. – Было бы тут чего воровать. Зря ты сюда пришёл, нет тут никакой подработки. До осени, скорее всего, не будет.

– А чё так? – удивился я.

– Да у нас пока вся работа в Аркажах[23], там большую слободу застроили, а лавок мало. Вот мы там спешно торговые ряды и возводим. Торгаши копытом бьют – народу там много живёт, а денег с них не взять, гы-гы. Езжай туда, там пацанам всегда приработок есть, подсобников вечно не хватает.

[23 - Аркажи – район на юге Новгорода.]

Выдав мне это напутствие, работяги двинулись в бытовку, передохнуть после трудов тяжких.

Ситуация была типичной и насквозь понятной. У строителей есть более выгодный объект, и все силы брошены туда. А нам они потом расскажут про немыслимые трудности и попросят увеличить смету. Ясно теперь, отчего Зайка такая заморённая – ей приходилось непрерывно

гонять тут всех пинками, чтобы они хоть как-то шевелились. Ей-то никто не потрудился ситуацию обрисовать, а она молодая, не знает ещё, что со строителями по-хорошему нельзя. Они от хорошего отношения сразу начинают рефлекторно раздувать смету. Такой вот рефлекс, вроде как у собаки Павлова слюноотделение на звонок. Подобную наглость, конечно, спускать нельзя, пора заняться ими всерьёз.

Через два часа я входил на стройплощадку уже как заказчик, с сопровождением в лице нашего поверенного Бодрова, секретарши Миры с кучей папок в руках, хмурящегося представителя гильдии строителей, и комиссии стройнадзора, которой приватно было обещано вознаграждение за каждое зафиксированное нарушение. Стройплощадка встретила нас пустотой, но из открытой двери бытовки доносились взрывы смеха. Туда мы и вошли, сразу заполнив до отказа и без того тесную конурку. Стол был сервирован богато – пироги, ранние помидоры и огурцы, а посреди стола стоял кег с пивом.

Всё понятно – Зайка уехала, прораб тоже куда-то свалил, да в те же Аркажи скорее всего, стало быть и рабочим можно немного расслабиться.

– Работы на объекте не ведутся, а рабочие распивают спиртные напитки в рабочее время. – констатировал я очевидное. – Достойные, прошу зафиксировать этот факт в акте осмотра.

Физиономия представителя гильдии стала ещё кислее. Осмотр продолжился, и когда акт раздулся до совсем уж неприличных размеров, а представители стройнадзора вошли в состояние эйфории от количества нарушений и ожидаемого гонорара, на стройку, наконец, прибыл сам владелец строительной фирмы, почтенный Тишило Боянов.

– Здравствуйте, почтенный Тишило, – приветливо поздоровался я, – очень хорошо, что вы к нам присоединились. Мы тут интересуемся вашими достижениями. Правда, пока что их не обнаружили.

– У нас возникли кое-какие объективные трудности. – сходу объяснил всё Боянов, указывая на полузаплывшую яму, на дне которой стояла лужа от прошедшего ночью ливня. – На этой площадке оказался очень высокий уровень почвенных вод, мы сейчас занимаемся организацией водоотведения, чтобы начать закладку фундаментов.

Другой рукой он почему-то показал на собственноручно собранные мной кривые козлы, видимо подразумевая, что это и есть то самое устройство для водоотведения. Инспекторы стройнадзора заулыбались, и даже у представителя гильдии промелькнула улыбка.

– Веская причина. – согласился я. – Мы зафиксируем ваше объяснение в акте осмотра. А завтра я пришлю сюда специалистов с бурильной установкой, чтобы они подтвердили ваши слова экспертным заключением.

Боянов помрачнел.

– Скажите, господин Кеннер, в чём состоит ваша цель? Чего вы хотите? – прямо спросил он.

– Если цель вообще, то она подробно указана в нашем с вами договоре. А в данный момент я собираюсь подать жалобу в гильдию строителей и начать в Гильдейском суде процедуру расторжения договора и взыскания неустойки. Кстати, почтенный Томил, как вы оцениваете перспективы такого иска?

– Как прекрасные, – ответил поверенный, подняв глаза от своих записей, – не столь уж часто мне доводится вести дела с такой ясной судебной перспективой.

– Но для вас есть и хорошая новость, почтенный Тишило, – ободрил я почтенного, – поскольку наш с вами договор был заключён через гильдию с полной гильдейской страховкой, все неустойки и штрафы придётся платить гильдии, а не вам.

На этот раз вместе с почтенным перекосило и представителя гильдии.

– Возможно, нам стоит не идти на конфронтацию, а попробовать поискать компромисс? – наконец предложил представитель гильдии.

– Это отвечает моим самым горячим желаниям. – признался я. – Слушаю ваши предложения со всем вниманием, достойные.

– Что если почтенный Тишило пообещает исправить все недостатки, и привести выполнение работ к утверждённому графику?

– Меня это вполне устроит. Необходимо только обговорить срок. После этого мы с вами в качестве приложения к сегодняшнему акту составим трёхстороннее дополнительное соглашение, где почтенный Тишило всё это нам пообещает, а гильдия его обещание заверит.

– Зачем эти формальности? Почему не решить это проще? Я уверен, что почтенный Тишило уже всё понял.

– А я уверен, что почтенный Тишило поймёт всё гораздо лучше, если у нас будет подписанное соглашение. Достойные, это не обсуждается. И знаете, почтенный, чтобы у нас больше не возникало подобной неприятной ситуации, давайте мы с вами будем регулярно проверять ход работ и соответствие графику. Не заставляйте меня пожалеть о моём доверии, иначе нам с вами придётся встретиться в Гильдейском суде.

На следующий день рабочие забегали на стройке как муравьи. Жаль только Зайка не увидела мастер-класс, но строить нам надо много, ещё успеет набраться опыта.

*

Мама вернулась с банкета уже ближе к ночи, когда мы притомились её ждать и начали беспокоиться. Уставшая, но весёлая и немного подшофе, она крепко обняла нас обоих сразу, решительно заявив: «Дети, я вас люблю!» и обдав парами хорошего алкоголя.

– Давай рассказывай, – потребовал я, – как всё прошло?

– Нормально прошло! Наши трухлявые коряги морды кривили, конечно. Я теперь официально самая сильная целительница княжества. И самая молодая! Ну, среди Старших самая молодая, так-то ещё две девочки есть помоложе.

– Хорошо! Я боялся, что могут упереться.

– Могли упереться, и упирались вовсю. – согласилась мама. – Но я им пригрозила, что выйду из гильдии, а аттестацию пройду в Киеве. Они всё же решили, что им такого позора не нужно.

– А почему в Киеве? – спросила Ленка.

– Там очень авторитетная гильдия. И у них, в отличие от нашей, есть девятка, так что и в самом деле правильной было бы там аттестоваться. Кстати, их девятка очень сильная целительница, специализируется на поражениях мозга и ЦНС. Была бы она поближе, обязательно бы к ней напросилась в стажёры.

Внезапно мама залилась смехом и долго не могла остановиться, то и дело вытирая слёзы. Мы с Ленкой только недоумённо переглядывались. Наконец, она снова смогла говорить:

– А ещё мне предложили подарить двух мальчиков в гарем.

У Ленки округлились глаза, и она сделала ртом «О». Я всерьёз озадачился:

– Нам же некуда их селить. Я завтра же распоряджусь, чтобы на первое время быстро перестроили чердак в мансарду. Но похоже, нам пора начинать подыскивать дом побольше.

Мама перестала смеяться и с изумлением воззрилась на меня:

– Кени, ты меня поражаешь. Не удивился, не возмутился, не засмеялся, в конце концов, а сразу начал решать вопрос с размещением. Нет, это замечательно, что ты настоящий глава семьи, но тебе же всего пятнадцать!

Я не знал, что на это ответить. Штирлиц опять облажался. Спасла меня Ленка, которой не терпелось всё выяснить.

– Мама, так что там с гаремом?

– Мне от имени каганы предложили переехать в каганат. Обещали дворец и двух мальчиков из личного гарема каганы.

– Ну и как ты, соблазnilась предложением? – Ленка сгорала от любопытства.

– Нет, – засмеялась мама, – попросила передать кагане благодарность, но сказала, что не готова к переезду.

– Интересно у них там в каганате устроено. – с завистью сказала Ленка.

– Эй, эй, что это за речи! – вот тут я уже возмутился.

– Да нет, я так, чисто теоретически... – ступевалась Ленка. – Просто интересно... Извращение-то ведь какое...

– Ладно, дети, развлекайтесь, а я спать. – посмеиваясь, сказала мама.

– Спокойной ночи, мама. – сказали мы хором.

*

Наконец вернулась Зайка, загоревшая и отдохнувшая, и я с радостью спихнул на неё Второва. Зайка здорово изменилась за эти полгода с небольшим – спина выпрямилась, исчезло впечатление забитости, из глаз ушло постоянное ожидание очередного удара судьбы. Зайка начала хорошо одеваться, в ушах появились симпатичные серёжки с неплохими изумрудами, а главное, появились уверенность в себе и чувство собственного достоинства. Сейчас её никто бы не принял за посыльного, неважно в какой одежде.

Я был уже достаточно развитым эмпатом, чтобы ясно ощущать её чувство абсолютной преданности мне, причём почему-то именно мне, а не семье. Первое время ощущал какую-то неловкость и чувствовал себя кем-то вроде рабовладельца. Потом всё же задумался – а почему, собственно, я тут мучаюсь какими-то комплексами? Разве я её обманывал? Или как-то на неё воздействовал? Разве она не получает сполна за эту преданность, причём не столько деньгами, сколько чувством нужности, защищённости, принадлежности к сильной семье? Она выбрала себе господина, которому отдала свою верность, и мне не следует ни комплексовать по этому поводу, ни тем более отвергать её. Когда я начал анализировать свои чувства по этому поводу, я быстро понял, что это ещё один привет из прошлой жизни, от того самого лицемерно-гуманистического воспитания, когда нас учили, что все люди имеют равные права, но достаточно было оглядеться вокруг, чтобы убедиться, что это вовсе не так.

По сути, вопрос со слугами был не столь уж значительным – в конце концов, они не крепостные, и темы для моральных терзаний я здесь не вижу. Меня начала беспокоить другая, гораздо более серьёзная проблема. Чем более заметной будет становиться наша семья, тем больше нас будут втягивать в какие-то интриги. Взять хотя бы Алину – при всём своём дружелюбии она прежде всего Мать рода. Ей что-то нужно от нас (хотя нетрудно догадаться что), и она будет своего добиваться, так или иначе. Дальше будет больше, и в конце концов мне придётся полностью окунуться в выгребную яму, которую называют политикой – если я, конечно, не хочу оказаться пешкой, которую двигают другие. Мать мне явно не помощница, не тот у неё характер. Возможно, что-то возьмёт на себя Ленка, но легко мне точно не будет, опыт завлаба тут никак не поможет. Впрочем, вспоминая наши девяностые, некоторые завлабы как родные вписались в ту стаю гиен, которая позже стала называть себя нашей элитой, а особо шустрые рыжие доценты ухитрились ещё и удержать награбленное.

У меня есть большой соблазн попробовать и дальше остаться маленькой семьёй, не лезущей

в большую политику. Но здесь имеется один момент, к которому я всё никак не могу привыкнуть. Хотя это общество с виду очень похоже на условное «европейское» общество моего мира, на самом деле оно отличается от него самым радикальным образом. Здесь даже близко нет никакой демократии, или что там мы привыкли называть этим затасканным до неприличия словом. Несмотря на внешнюю демократичность, общество здесь глубоко сословное, и высшие классы имеют множество явных и неявных привилегий. В частности, дворянство и роды почти неподсудны, за исключением явной уголовщины и совершенно вопиющих случаев вроде моего похищения. Радоваться этому, однако, не стоит, потому что есть и другая сторона – семьи должны сами защищать своё имущество. Хотя прямой бандитизм князь у себя под боком не потерпит, есть много внешне приличных способов отобрать интересный актив, а князь в «споры хозяйствующих субъектов» обычно не вмешивается – во всяком случае, до тех пор, пока кровопролитие остаётся в разумных рамках и не затрагивает посторонних.

Уже сейчас, с активами по сути незначительными – «Артефактой» и будущим заводом Второва, мы рискуем привлечь внимание более сильных хищников. Мне приходится держать больше ста тысяч в резерве именно на случай таких неприятностей – хороший отряд вроде тех же «Волков Севера» берёт десять-двенадцать тысяч в месяц, и контракт заключается минимум на полгода. Но ведь достаточно создать постоянную угрозу, и деньги у нас быстро закончатся. Я рассчитываю только на наше быстрое развитие, ну а если мы действительно все трое станем Высшими, то никто не посмеет наехать на нас, какими-бы заманчивыми активами мы ни владели. Вот только даже Высшие не вечны, и стоит нам уйти, как нашим потомкам может прийти туга. На что же ориентироваться – на превращение в фамилию, или всё же попробовать остаться в тени? Вопрос сложный, и я пока не готов принять какое-то решение. Посмотрим, как дальше будут складываться дела, может, это решится само собой.

*

Данислав, как обычно, не любил тратить слова больше необходимого:

– Что касается боевых искусств, мне давно уже больше нечему вас учить. Хотя вы можете продолжать тренировки, буду рад вас видеть. Если же вы хотите учиться, могу предложить вам только курсы диверсантов-разведчиков. Курсы по другим воинским специальностям вас вряд ли заинтересуют.

– Мы будем заниматься до окончания старшей школы, наставник. Курсы диверсантов выглядят интересно, некоторые тут просто созданы для диверсий.

Ленка метнула на меня злобный взгляд. Да-да, боюсь.

– Кеннер, зачем вам это? – любопытствовал Данислав.

– Вы против, наставник?

– Ни в коем случае, тем более вы полностью оплачиваете обучение. Мне просто любопытно.

Вы же дворяне, да ещё и одарённые. Зачем вам знать, как закладывать мины или снимать часовых?

– Мы с самого начала решили пройти самый полный курс. – пожал я плечами.

– То есть в семь лет вы что-то решили, и с тех пор это решение выполняете, так?

– Ну да, – ответил я, – причин пересматривать решение нет, значит его надо выполнять.

– А вы знаете, что воинский аттестат гильдии можно получить только после стажировки на действующем контракте?

– Разумеется, наставник. Мы уже прикинули, в Академиуме занятия начинаются в начале ревуна[24], так что по времени между старшей школой и Академиумом мы нормально вписываемся. Два месяца достаточно для практики. Точный срок не регламентируется, так что с гильдией проблем быть не должно.

[24 - Сентябрь.]

Данислав покрутил головой:

– Если бы я не знал вас так хорошо, я бы решил, что вы ненормальные. Решить что-то в семь лет и десять лет это выполнять...

– Если не можешь выполнять свои решения, то лучше ничего не решать.

– Верно сказано, вот только других таких мне видеть не доводилось.

– Как это не доводилось? Нашу мать вы видели.

Данислав не нашёлся что ответить.

Глава 12

– Хрю-хрю... – нежно пропела Ленка.

Тактический офицер недоверчиво хрюкнул в ответ.

Но тут надо рассказывать сначала.

Сразу после обеда нас вызвал Данислав:

– Для вас есть срочное и особо ответственное задание. По донесениям разведки, в деревне Зяблики находится штаб вражеского отряда. Надо просочиться через линию соприкосновения и взять в плен вражеского офицера-тактика, который находится в штабе. У штаба сильная охрана, отнеситесь к заданию серьёзно. После похищения офицера обязательно поднимется тревога, так что отход следует осуществить по гати через болото

Нижние Мхи. Изменение маршрута не допускается.

Данислав внимательно посмотрел на нас, и убедившись, что мы прониклись важностью задачи, продолжил:

– В качестве штаба выступает сарай на участке Прохора Земцова, он же этот сарай и будет охранять. Тактическим офицером является поросёнок Боря, проданный Прохором в нашу столовую. Куда его и следует доставить для допроса и ликвидации. Борю доставить, не Прохора.

– Такая ответственная задача, наставник, – с сомнением сказал я, – боюсь, не справимся. Может, лучше привлечь кого постарше? Или даже инструкторов?

– Я в вас верю, – торжественно сказал Данислав, – не подведите меня, ребята. Кстати, чтобы Прохору веселей было охранять, мы ему пообещали, что если утром он принесёт Борю сам, то мы забудем, что уже ему заплатили, и заплатим ещё раз. Имейте в виду: если он вас заметит, то задание считается проваленным. Вот вам две дозы алхимического снотворного, действует одинаково хорошо и на людей, и на животных. Действуйте, времени у вас мало.

Вот сейчас мы и лежали в бурьяне за сараем соседки, наблюдая за двором Прохора. День клонился к вечеру; за остаток дня мы полностью обследовали окрестности деревни, спланировали маршрут отхода, и прикинули, где именно нас будет ждать засада. Неясным оставалось только то, как обойти Прохора, который сидел на лавочке у дома прямо напротив сарая, и уходить никуда не собирался.

– В туалет ему же понадобится рано или поздно? – раздражённо спросила Ленка.

– И что это тебе даст? Мы за это время не успеем свинью упаковать и отойти. А потом что – сидеть в сарае и ждать, когда он снова пойдёт?

– Слабительное ему дать.

– Где у нас слабительное? Ну снотворное можно, только как?

– Допустим, ты его отвлечёшь на минутку как-нибудь, а я ему возле лавки поставлю бутылку самогона со снотворным.

– Ага, а он возблагодарит богов и тут же присосётся к бутылке. Такое только с деревенским дурачком может сработать. Проще его вырубить как-нибудь, но не похоже, что его удастся легко отвлечь и незаметно подобраться. Давай посмотрим ещё, подумаем.

Тут Прохор встал, отошёл к углу дома, и спокойно помочился на угол.

– Деревня, – вздохнул я, – дети матери-природы. Вариант с туалетом отпадает.

Мы помолчали.

– Может, он попозже заснёт?

– Ты Данислава слышала? Да ради удовольствия городскому одно и то же дважды продать деревенский неделю спать не будет. Им же потом вся деревня год будет гордиться.

Мы опять задумались.

– А если через крышу?

– Можно, но сложно. Крыша слишком хлипкая, запросто можно провалиться. И вообще трудно без шума свинью через крышу унести. Ты лучше посмотри на заднюю стену сарая, слева внизу.

– Там доски потемнее вроде.

– Они там здорово подгнили, похоже. Сами доски тонкие совсем, вполне возможно, что в этом месте их получится выломать или пилой на ноже подрезать.

– Шумно получится.

– Видишь две лавки на той стороне улицы? А перед лавками всё шелухой от семечек заплёвано – там, видимо, по вечерам молодняк собирается. За ними нас никто не услышит.

– Значит, ждём.

В наших северных краях летом полной темноты и не бывает практически, но к тому времени, когда молодёжь собралась на посиделки, света было уже совсем мало. От лавочек доносился смех и девичьи взвизги, а мы усердно в два ножа ковыряли доски. К счастью, они действительно были совсем гнилыми, так что дело продвигалось бодро, и за полчаса образовалась дыра, в которую вполне можно было пролезть. Воняло оттуда, как и положено, свиньёй.

– Я туда не полезу. – заявила Ленка.

– Ну может и не потребуется. – оптимистично понадеялся я.

Я осветил в дыру фонариком. Тусклый луч светил совсем недалеко, но этого хватило. Совсем рядом с дырой на нас меланхолично взирала поросячья морда.

– Ты Боря? – спросил я. – Выходи, сдавайся.

Боря молчал.

– Цыпа-цыпа... – позвал его я.

Ленка посмотрела на меня как на идиота.

– Ну что ты смотришь так? – несколько раздражённо сказал я. – Ну городской я, городской. Попробуй ты.

– Хрю-хрю. – ласково сказала Ленка голосом, в котором слышалось обещание всех желудей мира. – хрю-хрю.

– Хрю. – презрительно отозвался Борис.

– Тебе даже свиньи не верят, Ленка. – насмешливо сказал я. – Вы, женщины, думаете, что можно глазки соорудить, голосом нежным позвать, и всё, мужчину можно на верёвочке водить. Не со всеми это срабатывает.

– С тобой-то он вообще не стал разговаривать.

– Было такое, – признал я, – но зато у меня есть мозг, а в мозгу есть идея. У соседей возле сарая стояло ведро. Уверен, что в ведре что-то вкусное, в смысле, для Бори вкусное. А вон там я и ржавую миску видел, всё в наличии для дружеской пирушки.

В ведре действительно оказались свинячьи деликатесы. Надеюсь, соседские свиньи не против поделиться с товарищем. В помой я щедро плеснул снотворного.

– Прошу к столу, – я предъявил Боре миску с помоями.

Боря заинтересованно хрюкнул.

– Сам бы ел, но тебе нужнее, друг. – я поставил миску на землю, и мы отодвинулись в сторону, чтобы не смущать животное.

Поросёнок высунул пяточок в дыру, и после некоторого колебания, уверенно двинулся к угощению. Угощался он недолго – очень скоро ножки у него подкосились и Боря прилёг отдохнуть. Мы проворно упаковали его в мешок.

– Позорище-то какое. – сказала Ленка, с отвращением глядя на мешок. – Не дай боги кто из знакомых эту историю узнает.

– Воин должен всё знать и уметь. Случись вдруг война, а мы всему научились и готовы. С голоду не помрём.

– Может, я бы лучше и померла. – с сомнением сказала Ленка.

– Ладно, хватит рефлексировать, пойдём. Нас ещё возле гати будут ловить.

Добравшись до гати и спрятав в кустах мешок с пленным офицером, мы поползли искать засаду. Она действительно обнаружилась там, где мы ожидали. Пара парней сидела в кустах и полностью контролировала подход к гати. Проблема была в том, что сидели они в глубине кустов, и тихо подкрасться к ним было совершенно невозможно. По условиям же задания любой бой, неважно насколько короткий, считался провалом операции.

– Мимо не пройдем, надо их как-то из кустов вытащить по одному. – заметил я.

– Я сделаю. – гордо заявила Ленка. – Посмотрим, кого тут можно на верёвочке водить.

– Эй, ты что задумала? – забеспокоился я.

– Сиди вон там, первого пропустишь, а второго перехватишь. – распорядилась она и исчезла.

Через некоторое время из дальних кустов слышались женские голоса, перемежающиеся совершенно развратным смехом. Ленка трудилась без устали, имитируя целый выводок девиц приветливого поведения. Парни в кустах забеспокоились. Наконец один из них высунул голову из кустов, прислушался, и бодро полез наружу. Второй ему что-то возмущённо сказал из куста, а первый, повернувшись назад, ответил: «Да ладно тебе, не гунди. Посиди пять минут один, ничего с тобой не случится. Я просто с девчонками поздороваюсь» – и уверенным шагом двинулся в сторону голосов. Он нырнул в кусты, оттуда слышалось недолгое шепуршание, а затем ещё более громкий женский смех.

Второй терпел недолго и вскоре тоже вылез наружу. Проходя мимо моих кустов, он споткнулся о выставленную ногу, и уже через секунду оказался в отключке.

– Какие вы всё же кобели. – укоризненно попеняла Ленка, глядя на надёжно упакованных ухажёров, которые уже пришли в себя и теперь бешено вращали глазами.

– Это называется «медовая ловушка», парни. – сочувственно сказал я. – Вот так Родину и предадут, не вы первые на это попались. Вы тут лежите пока, мы как до лагеря доберёмся, сразу скажем, чтобы кого-нибудь послали вас развязать.

*

Первый учебный день протекал уже привычным образом. Мы снова стояли в школьном дворе, но теперь уже напротив нас стояли первоклассники. Мы, конечно, ещё не ощущали себя могучими повелителями волшебства, как третьеклассники, но всё равно с полным правом посматривали на салажат свысока. Директор опять произнёс речь, которая мало отличалась от прошлогодней, а может и совсем не отличалась – конспект я не вёл, а по памяти судить трудно. Ленка в этом году уже не горела энтузиазмом, выросла, повзрослела. В общем, второй раз праздник превратился в рутину, а на следующий год, наверное, вообще буду дремать. Немного развлёк только Штайн – он взахлёб рассказывал всем желающим и нежелающим слушать какими классными самобегами ему довелось порулить этим летом, и какой ещё более классный самобег папа обещал ему купить сразу, как только он станет совершеннолетним и получит права. Вот не был бы Штайн таким идиотом, и вышел бы из него неплохой лидер – народ-то к нему тянется, несмотря на всё его занудство.

Со следующего дня началась привычная школьная жизнь, а первым делом, как водится, написание эссе на тему «Как я провёл лето» и зачитывание его перед классом. Я хулиганить не стал, а Ленка решила поддержать своё реноме, и рассказала о своих диверсантских шалостях в летнем лагере Данислава. При этом она убедительно, с неплохим знанием

анатомии доказала, что девушке при снятии часового надёжнее втыкать ему нож в печень, а не резать глотку. От ангелочка с косичками это выглядело совершенно сюрреалистично. Ну да, у Данислава-то она тоже отличница, да и вообще любимая ученица. Класс после такого доклада выглядел бледно в буквальном смысле, а Лентре со вздохом сказал: «Спасибо, Менцева, за интересный рассказ. В следующем году напомни мне, пожалуйста, что ты от написания этого эссе освобождена.»

Бажан наконец-то окончательно определился с пассиями, и наша обеденная компания приняла стабильные очертания – мы с Ленкой, Анета Тирина, и Бажан с его четырьмя подругами. Вот интересно – а как он собирается управляться сразу с четырьмя? Или он считает, что он такой мачо и его на всех хватит? Ах, эта золотая пора наивной юности, когда кажется, что четыре женщины – это почти то же самое, что одна, только удовольствия в четыре раза больше. Султаны, конечно, с гаремами справляются, но Бажан-то не султан, ему придётся отрабатывать по полной. Я так думаю, ждут парня кое-какие неприятные открытия.

Бажан, как обычно в последнее время, жаловался на Зайку. По его рассказам, она умышленно тормозила всю работу, из-за чего вскоре неизбежно должны были произойти полный развал и катастрофа. Широкими мазками рисовался портрет монстра, скорее всего засланного конкурентами, который поставил своей целью испортить всё дело, ну и заодно жизнь всем Второвым.

– Не будь таким строгим к госпоже Кире, Бажан, – посмеивался я, – она просто ещё очень молода и неопытна. Подожди, скоро наберётся опыта, и всё наладится.

Бажан только закатывал глаза, демонстрируя, что крах близок, и времени на набирание опыта совсем не осталось. Второвы с чего-то наивно решили, что им просто вручат деньги, которые они будут тратить по своему усмотрению. Зайка в приложении к деньгам их совсем не устраивала, и они не теряли надежды убедить меня убрать её подальше, и лучше бы насовсем.

– И вообще, Бажан, это невежливо – разговаривать в компании на темы, неинтересные другим собеседникам. Давай поговорим о том, что интересно нашим дамам. Девушки, вы слышали последнюю сплетню? – лично я услышал её случайно, когда мама вчера вечером обсуждала её с Ленкой. – Визион «Сказки гарема» запретили в каганате, а автор и режиссёр сбежали во Владимир. Говорят, кагана была в бешенстве. Прокатчики прогнозируют аншлаги, так что заказывайте билеты заранее.

Девчонки сразу возбудились и начали говорить все одновременно. Ленка тайком смеялась в кулак, хитро на меня поглядывая. Я ей подмигнул.

Именно в этот момент сзади раздался шум падения и звон разбитой посуды. В столовой наступила тишина, наши уставились куда-то мне за спину. Я не торопясь обернулся. С пола поднимался наш одноклассник Пётр Сентин, а рядом стоял Штайн и презрительно ему выговаривал:

– Смотри куда прёшься, придурок! Ты мне ботинок сейчас языком отчистишь.

Ситуация совершенно ясная. Наш тихий Петя одно время вертелся возле Штайна, но в той гнилой компании так и не прижился. Ну а таким, как Штайн, всегда нужен козёл отпущения, которого можно постоянно третировать, и таким образом повышать самооценку. Сентин для этой цели подошёл идеально, и с конца первого класса Штайн начал превращать его жизнь в ад. А во втором классе продолжил – наверняка сейчас он Сентина и толкнул, или подножку поставил.

Я посмотрел на лужу. Всего на полметра поближе, и я бы оказался залитым супом. Я почувствовал, как внутри поднимается глухая злость и позвал:

– Штайн!

Штайн перевёл свои пороссячи глазки на меня.

– Пётр Сентин с этой минуты под моей защитой. Будешь к нему вязаться – выбью зубы. А если попытаешься ещё раз проделать что-нибудь вроде этого – сломаю руки. Ты понял?

Штайн молчал, буравя меня взглядом. В эмоциях у него отчётливо ощущались злоба, ненависть, и страх – ну чем не крыса.

– Так ты понял, Штайн, или мне надо встать и объяснить?

– Понял. – со едва сдерживаемой злостью ответил Штайн.

– Всё, пошёл вон.

Бросив на меня взгляд, полный ненависти, Штайн отправился прочь.

– Пётр, возьми другой поднос и садись за наш стол, – сказал я Сентину, – и вообще можешь всегда садиться с нами.

– Спасибо. – промямлил он.

– Не благодари, ты мне ничего не должен. Я это сделал не ради тебя.

– Ты приобрёл врага, Кеннер. – заметила Анета.

– До моего врага даже его папа не дотягивает. – пренебрежительно заметил я.

– Конечно, – жизнерадостно поддержала меня Ленка, – если что, просто убьём, да и всё.

Все тут же вспомнили её эссе и дружно поёжились.

*

А в выходной я поехал в гости к Алине Тириной. Приглашение было только для меня, так что было не так уж трудно догадаться о теме предстоящей беседы. Ну что ж, поговорим. Всё равно этот момент рано или поздно придётся прояснить.

Что ни говори, а в поместье у Тириных чувствуешь себя замечательно, и я тоже начинаю склоняться к жизни в лесу. Мокрый осенний лес, конечно, выглядит грустновато, так ведь и осенний город ничуть не веселее. Ну а Алина в любое время года выглядит великолепно. С виду ей нельзя дать больше восемнадцати, и это очень сбивает с толку – вроде бы и понимаешь, что она ещё с моим прапрадедушкой любовь крутила, а глаза-то видят совсем другое. «Не верь глазам своим» легче сказать, чем сделать.

Алина сама быстро накрыла чайный столик, и разлила свежезаваренный чай. Поболтали немного о пустяках, а затем она вдруг сразу перешла к делу:

– Скажи, Кеннер, ты ведь понимаешь, чем ты мне интересен?

– Анета? – предположил я. – Вообще-то тут нетрудно догадаться.

– Верно. По идее, это выгодно нам обоим, но Мила мне намекнула, что это не вариант, а там я уже сама догадалась. Связанные души, верно?

– Верно, – кивнул я, – несколько женщин это не мой случай.

– А ты знаешь, что можно связать больше, чем две души?

– Знаю, конечно, но не думаю, что это удачный вариант. Для формирования связи нужно несколько лет, и как эти годы жить? Мы же с Леной эмпапы и друг друга чувствуем. Мне эта идея не нравится, а Лена уж точно будет не в восторге.

– Вообще-то можно заметно ускорить процесс, но я согласна, вариант не без недостатков. А как ты относишься к искусственному оплодотворению?

– Это уже выглядит приемлемо, не думаю, что Лена будет сильно протестовать. Но во-первых, согласие семьи мне всё равно потребуется, а во-вторых, это будет возможным только после того, как у нас появится линия наследования. Мне не нужны выскакивающие неизвестно откуда бастарды с претензией на главенство в семье.

– Можно заключить соглашение с отказом от прав.

– Когда такие соглашения кого-то останавливали? – усмехнулся я. – Но отказ от прав в любом случае будет.

– Значит мы договорились? – улыбнулась Алина.

– Ещё нет. – улыбнулся в ответ я. – Надо решить, что получим мы. Мне бы хотелось невесту из линии Кеннера для моего будущего сына. Разумеется, одарённую.

– Вообще-то я хотела продолжить линию Кеннера как раз тобой, если ты не заметил.

– В линии Кеннера четыре женщины. Я уверен, что ты планируешь развивать её не только с моей помощью.

Алина задумалась.

– Знаешь, как-то несимметрично получается. Вы получаете одарённую девочку, а мы – набор сперматозоидов, из которого неизвестно что выйдет.

– Ты упускаешь один важный момент, Алина. Моя мать – целитель высокого ранга. Она вполне может проследить, чтобы зачатие произошло правильно. И я уверен, что в её силах помочь с полом ребёнка. Ну а если ребёнок всё же окажется неодарённым, то можно будет и повторить.

Алина опять ушла в себя, что-то прикидывая. Наконец она пришла к какому-то выводу.

– В принципе, это интересный вариант, – игриво мне подмигнув, – возможно, я сама открою ещё одну линию Кеннера.

Я чуть не подавился чаем. Алина, ещё немного подумав, продолжила:

– Но я бы хотела, чтобы наша девочка стала первой женой наследника.

– Я, в принципе, не вижу к этому препятствий, но пока рано уточнять такие детали. Именно наследник может ведь оказаться и бездарным. Мы же дворянская семья, для нас дар не главное. Всё это будет ясным лет через тридцать, вряд ли раньше. А пока мы можем оформить наши пожелания как соглашение о намерениях.

– А если говорить про сейчас – как ты относишься к союзу с родом Тириных?

– Именно сейчас – отрицательно. – ответил я.

– Почему? – как-то неискренне удивилась Алина.

– Потому что союз заключается с равным. Медведь не заключает союзов с зайчиком.

– То есть ты зайчик? – рассмеялась Алина.

– Ну да, а ты медведь. – тут мы уже посмеялись вместе.

– Я думаю, пока мы можем просто дружить, – предложил я, – наши интересы никак не пересекаются и делить нам вроде нечего. А помочь чем-то друг другу при случае можно и так. Через несколько лет, когда наша семья достаточно усилится, можно будет поговорить уже более конкретно и о формальном союзе.

– Хорошо, – согласилась Алина, – я пришлю к вам человека с нашими пожеланиями, с ним

окончательно и оформите соглашение о намерениях. Попробуй вот это ежевичное варенье, сама делала.

– Ммм, замечательно. Руки у тебя золотые, Алина. Кстати, ты мне обещала ответы на вопросы.

– Очень неосторожно с моей стороны. Ну хорошо, какие вопросы тебя интересуют?

– Можно ли как-то инициировать дар? Особенно у ребёнка, или даже у ещё неродившегося?

– Уже думаешь о наследнике? – подняла бровь Алина. – Знаешь, очень необычно видеть такое планирование у пятнадцатилетнего. Твои сверстники обычно более пустоголовые, извини за грубое слово. Но вопрос действительно хороший, только на него ответить не так просто. Видишь ли, Кеннер, на самом деле никакого дара не существует. У людей нет способности управлять Силой. Эволюция нам такого органа не дала, понимаешь?

Я от такого ответа впал в тот самый пресловутый когнитивный диссонанс:

– В таком случае, как же мы ей управляем?

– Ты же знаешь, что Сила разумна?

– Не то чтобы знаю, но я был в Храме Аспектов.

– Да, там это хорошо чувствуется. Так вот, некоторые люди Силе по какой-то причине подходят, и она им даёт возможность собой как бы «управлять». Это не подарок, просто Силе такие люди нужны, чтобы ощущать некоторые грани мира. Люди, которые для этого годятся, получают такую возможность, но можно ли назвать это «даром»? Вот тебе пример: ты никогда не задумывался, почему основу определяют только в четырнадцать лет? А ведь всё просто – пока психика не развилась в достаточной степени, для Силы человек неинтересен. У детей не определяют основу, потому что у детей нет и не может быть никакого «дара».

Я чуть было не спросил: «А как же я?», но вдруг понял, что знаю ответ. И похоже, лучше не болтать о том, что дар у меня пробудился в младенчестве. Если тут знают о переселении душ, то это сразу выдаст попаданца, а если и не знают, то всё равно что-нибудь заподозрят. Мне крупно повезло, что такие детали про дар мало кому известны. А Ленку я, видимо, как-то потянул вслед за собой по связи душ. На всякий случай я плавно увёл разговор подальше от детей:

– Но дар же можно развивать, основа растёт, Владеющие получают новые ранги...

– Если Владеющий использует дар как нужно Силе, то она постепенно даёт ему больше возможностей, вот и всё. Если твоё развитие застопорилось, значит ты используешь дар неправильно. Попробуй идти другим путём.

– А почему Сила хуже относится к мужчинам?

- Она не относится к мужчинам хуже, она мужчин и женщин в принципе не различает. Для Силы вообще непонятна концепция нескольких полов. Просто женский склад ума ей подходит больше. Упрощённо говоря, женщины воспринимают мир как он есть, а мужчины больше настроены переделать мир под себя.
- Ты ещё говорила, что Высшие используют Силу как-то по-другому.
- Верно. На самом деле ранги Владеющих заканчиваются на девятке. У Высших нет ранжирования, мы другая линия развития, а не продолжение Владеющих. Понятия основы для Высшего не существует. Высшим можно стать и с первым рангом, просто Старшему перейти в Высшие легче. У старших рангов хорошо развита воля и сродство с Силой, а у маленьких рангов это редкость.
- Тогда что такое Высший?
- Некоторых людей Сила выделяет, слушая их напрямую. Им не нужен язык символов для того, чтобы взаимодействовать с Силой. Они просто говорят, а Сила их слышит, понимаешь? Вот это и есть Высший десятого ранга, как принято считать.
- А дальше какие ранги у Высших?
- Одиннадцатый ранг, это когда Сила не только слушает, но и отвечает.
- То есть как – просто отвечает на вопросы?
- Кеннер, не говори глупостей. Как, по-твоему, происходит разговор с разумной Вселенной? Как у нас с тобой, болтовня под чай с вареньем? Она по большей части не понимает твоих вопросов, а тебе недоступны для понимания её ответы. Но иногда можно спросить и уловить что-то в ответ. Не словами, а знанием. И это знание чаще всего невозможно представить словами.
- А двенадцатый ранг?
- Этого я не знаю. Те, кто ушёл дальше одиннадцатого, теряют интерес к людям и перестают общаться. Никто не знает, какие дальше ранги есть и чем они отличаются. Но ты пойми, что ранги у Высших это показатель не мощи, а способа взаимодействия с Силой. У Кеннера Ренского был десятый ранг, а у меня одиннадцатый, но против Кеннера я не продержалась бы и минуты.
- Почему я про всё это никогда не слышал?
- Потому что людям это знать ни к чему. Я тебе это рассказываю только потому, что уверена, что ты скоро станешь одним из нас. И ты тоже об этом не болтай, потом сам поймёшь, почему болтать не стоит.
- Хорошо, не буду болтать. А про богов можешь что-нибудь сказать?

– Кроме того, что они есть? – улыбнулась Алина. – Боги тоже зачем-то Силе полезны. Я так думаю, что они и существуют-то только потому что Сила позволяет им сосать энергию.

– А...

– Кеннер, пожалей меня, – засмеялась Алина, – вот, лучше положи ещё варенья.

Глава 13

Ленка вдруг загорелась идеей помолвки. Почему это кажется ей необходимым, она объясняла довольно путано, и каждый раз по-разному. Я вообще подозревал, что причиной послужила очередная слезливая мелодрама, но в принципе не видел никаких препятствий. Так что в конце концов мы пришли к матери просить, так сказать, благословения.

– Мама, мы подумываем о помолвке.

– А что именно вы хотите? Именно помолвку, или просто объявить о намерении пожениться?

– Помолвку, конечно! – заявила Ленка.

– Вот как, – мать посмотрела на нас с недоумением, – а у какого бога хотите просить покровительства?

– В смысле – «покровительства»?

– Помолвка – это же не просто так. Вы просите у бога благословения, обмениваетесь обетами, а он их свидетельствует. А потом в том же храме заключаете брак – вверяете себя и просите покровительства в браке.

– Как-то мы это не так себе представляли... а какие минусы тут есть?

– Минус тут в том, что вы даёте богу крючок, за который он может вас зацепить, и через вас силу сосать. Вы же его в душу пускаете в обмен на покровительство. Для обычных-то людей разницы особой нет, а вот одарённые богов обычно интересуют. А такая сильная и необычная пара, как вы, уж точно заинтересует. Поэтому Владеющие вообще богов не любят и стараются дел с ними не иметь.

Сказать по правде, тут я не совсем поверил. То, что с богами связываться не стоит, у меня ни малейших сомнений не вызывает. То, что их зачем-то интересуют одарённые, я тоже охотно допускаю. Но вот то, что боги так уж зависят от Силы... что-то здесь не стыкуется. За прошедшие столетия стало уже невозможно отличить где летопись, где миф, а где просто откровенное враньё, и местные постепенно стали считать, что Сила была всегда. Но я-то знаю, что наши миры разошлись тысячу семьсот лет назад, и до этого Силы в мире не было. А боги были, и прекрасно существовали безо всякой Силы. Так что же такое боги? Как они связаны с Силой? Зачем богам одарённые? Все эти вопросы для меня по-прежнему остаются без ответа. Однако насчёт того, что от богов лучше держаться подальше, я с мамой согласен

целиком и полностью.

– Погоди, а как же Жива? – вспомнил я. – Её же целители почитают.

– Почитать – почитают, а в душу не пускают. Это разные вещи.

– Так вроде Жива добрая богиня, и к людям хорошо относится...

Мама посмотрела на меня с жалостью, как на слабоумного:

– Знаешь, это бездарным можно во всякую чушь верить, а вам бы стоило разобраться в этом получше, чтобы не влезть куда-нибудь по глупости. Боги не добрые и не злые, и мы им безразличны. У них свои интересы, которые нам по большей части неизвестны. Жива к людям добра не потому, что ей люди нравятся. У неё просто сила этого требует, она от этого сильнее становится. А если, допустим, Морена вдруг станет людей лечить, то она быстро до природного духа опустится, у неё сила другая, такого не потерпит.

Неожиданно мама открыла мне совершенно новую сторону вопроса. В прошлой жизни я относился к религии скорее как к набору стандартных ритуалов – на Пасху едим кулич, Рождество – выходной, ну и изредка можно зайти в церковь, свечку поставить. Как и большинство людей, какого-то глубинного смысла я этим обрядам не придавал.

– А что ты скажешь насчёт Христа? – учитывая, что я в прошлой жизни был крещёным, тема была мне близка.

– С последователями Христа всё очень неясно. Сейчас-то они успокоились слегка, а до этого они много людей пожгли, по всей Европе костры горели. А это, как ни крути, по сути человеческие жертвоприношения. Я бы с Христом вообще не связывалась. Уж лучше наши боги, с ними хотя бы понятно, чего ждать.

Мы от этих открытий серьёзно озадачились.

– Так что нам делать-то? – растерянно спросила Ленка. – Вообще не жениться?

– Ну почему же? Можно княжеский брак, просто в книгу запишут и всё. Но для одарённых есть свой вариант – можно заключить брак в Храме Аспектов, под покровительство Силы. Тут для одарённых минусов почти нет, даже наоборот – от этого сила прибавляется, иногда можно сразу на пару рангов прыгнуть. Только это для тех, кто уже сильный. Сила слабых не любит и покровительства им не даёт. Но вам к полному совершеннолетию силы точно должно хватить. С помолвкой вот только не получится, Сила этот обряд не понимает.

– Да, так, наверное, лучше будет. – согласились мы, посмотрев друг на друга.

– Вы главное вот что мне скажите – вы не спите ещё как мужчина с женщиной?

Ленка порозовела, а я возмутился:

– Ну что ты говоришь, нам рано!

– Вот и хорошо, лучше и дальше воздерживайтесь. Иначе Сила может посчитать, что у вас уже брак по факту заключён. Наказать не накажет, но и благословения не даст. Лучше потерпите пока, дело того стоит, поверьте. Если сложно терпеть будет – скажите, я микстурку сделаю.

– Не, не, пока не надо. Но если что, будем иметь в виду.

Ага, а сейчас-то никаких микстурок нет – как же, верю. У всех сверстников уже гормоны играют всюю, а мы только смотрим на их шуры-муры снисходительно, как пенсионеры на молодёжь. Ясно, что мама позаботилась, я же помню себя шестнадцатилетнего и могу сравнить. Но это и к лучшему, а Ленке я свои мысли на этот счёт излагать не буду.

– Мама, я всё-таки не понимаю, – я действительно совсем уже запутался, – как Сила различает спим мы вместе или не спим? И вообще, что она может знать о браке?

– А Силе и не надо ничего знать, это вы сами знаете всё, что надо. Есть такое понятие – сродство с Силой. Обычно считается, что это другое название для основы, но на самом деле всё сложнее, это самостоятельная характеристика. Владеющий находится с Силой в симбиозе, и сродство показывает глубину этого симбиоза. Сила воспринимает мир через Владеющего, а взамен даёт ему возможность на мир воздействовать. Поэтому Сила и знает, когда ты действительно хочешь связать свою жизнь с кем-то, а когда тебе на самом деле этого не нужно. От себя ты ничего утаить не можешь, и от Силы тоже. И ещё поэтому, кстати, Сила и помолвку не понимает, когда ты ей говоришь, что хочешь жениться, но когда-нибудь потом. Ну а если сродство слишком маленькое, то Сила тебе ничего не даст, потому что она тебя просто не ощущает.

Тут я вспомнил важный момент:

– Ты сказала «минусов почти нет» – значит, что-то есть все-таки?

– Есть, но для вас это неважно. Личная сила нужна, но у вас с этим всё хорошо. Брак на всю жизнь заключается, но для вас это опять же не проблема. Вроде больше ограничений и нет. Младших супругов Сила брать разрешает, и однополые браки позволяет. Хотя для вас это тоже неважно.

– И что, много однополых браков бывает?

– У Владеющих часто случаются, когда женщины с женщинами. Вы же знаете, как у нас с мужчинами – на трёх одарённых женщин один мужчина с даром. Многим мужчин не достаётся. – мать пожалала плечами. – По мне, так уж лучше за бездаря выйти, но некоторые вот так предпочитают. Хотя...

Она задумчиво посмотрела на нас, и в конце концов пришла к выводу, что мы уже достаточно взрослые для объяснения.

– Понимаете, бездарные, они как бы пустые. Пока с ним просто общаешься, всё нормально, но если начинаешь с ним жить, очень быстро появляется ощущение, будто с какой-то неживой куклой спишь. Твой отец меня бросил, когда меня из рода изгнали, – мать невесело усмехнулась, – но сказать по правде, даже если бы не бросил, я бы с ним долго жить не смогла. В общем, хоть я сама женщинами не интересуюсь, но таких женщин хорошо понимаю – это всё же хоть какая-то семья.

Вот ведь действительно жизненная драма. Стоит ли дар возможности создать нормальную семью? А особенно когда дар небольшой и еле до Владеющего дотягивает?

– И как к таким бракам относятся?

– Даже не знаю, не интересовалась этим вопросом. – мать задумалась. – Кто-то одобряет, кто-то не одобряет. В целом людям всё равно – если другим не мешаешь, живи хоть с кем, твоё дело.

Это просто замечательно, что здесь нет ни боевых гомосеков, ни двинутых гомоборцев. Достала уже эта публика со своими битвами ещё в прошлой жизни. Чума на оба ваши дома, как говаривал Вильям наш Шекспир. Как вот только добились такого замечательного результата? Хотя что тут гадать – тут же нет интернета. Это там каждый персонаж с тараканами в голове легко мог найти себе единомышленников и организовать, а в этом мире он может только в одиночку донимать соседей. И то только до тех пор, пока соседям не надоест.

– А у богов какие браки? – заинтересовалась Ленка.

– У всех по-разному. У Христа браки моногамные, только мужчина с женщиной, и разводов нет. Жива несколько супругов разрешает, но разводов не даёт. Ей главное, чтобы детей побольше. У Велеса так вообще полная свобода – женись на ком хочешь в любых сочетаниях, разводишься, когда захочешь. Скотий бог, что тут скажешь, всё как у зверей. Некоторые считают, что велесов брак это и не брак вовсе. Но закон такой брак признаёт. У каждого по-своему, в общем.

Вопрос гаремов меня, конечно, тоже заинтересовал:

– И часто по несколько жён берут?

– Смотря кто. У одарённых почти всегда несколько жён. У бездарей редко, жену ведь обеспечивать надо, да и жить с ней всю жизнь, если свой бог разводов не даёт. Дешевле любовницу завести, или служанок по углам тискать. Ещё по несколько мужей бывает, но это совсем редко. Я даже одну семью знаю, где два мужа и четыре жены, но это вообще непонятно что получается. Даже не представляю, как в такой семье жить.

– Все-таки несколько жён – это как-то неправильно, по-моему. – ханжески заметила Ленка.

– А любовница – это правильно, да? Которой можно попользоваться, пока молодая, а потом

на новую заменить? Жену-то даже после развода голой на улицу не выставишь, а у любовницы прав никаких.

Возразить было сложно.

– Ну а насчёт помолвки, – продолжала мать, – просто обменяйтесь кольцами и сделайте объявление в светской хронике. В выходной съездим с Леной к ювелирам и подберём вам красивые колечки. И раз уж мы про это заговорили: когда вы собираетесь пожениться? Сразу после совершеннолетия?

– Нет, я бы предпочёл только после школы. – ответил я. – До окончания школы я жениться не хочу, я не буду чувствовать себя комфортно в роли женатого школьника.

– Я тоже так думаю, – поддержала меня Ленка, – школьный брак выглядит как-то неприлично, все сразу же подумают про раннюю беременность.

– Собственно, я именно это вам и хотела сказать, но вы и сами всё поняли. Значит, свадьба через полтора года, в середине изока[25].

[25 - Июнь.]

*

Конечно же, летом никакого серийного продукта Второвы не выдали. Да и сейчас, осенью, до этого было ещё далеко. Я-то, собственно, так и предполагал, а вот Зайка по этому поводу здорово нервничала.

– Зайка, я бы хотел поговорить о тебе. Я вижу, что ты идёшь неправильным путём. Работать так, как работаешь ты, нельзя. Это ничем хорошим не кончится.

– Господин, но иначе вообще ничего не получится! Мы и так уже опаздываем с запуском.

– Вообще-то никто никуда не опаздывает. Я жду первой серийной продукции не раньше зимы. Это ведь только кажется, что оборудование закупил, работников поставил, и всё, дальше само пойдёт. Я так думаю, в нормальный ритм предприятие сможет войти где-то к весне, вряд ли раньше. А сейчас нужно не о продукции думать, а о том, как заводскую котельную, наконец, запустить. Холода же совсем скоро.

– Котельная через неделю должна заработать.

– Ну и замечательно. Но это всё детали. Я к тому, что тебя нужно как-то разгрузить. На данный момент главное для тебя – это учёба, всё остальное только в свободное время. Поэтому тебе срочно нужно подобрать себе какого-нибудь помощника, на которого ты могла бы свалить повседневную работу, вроде пригляда за строительством котельной. Оставь себе общий контроль.

– Хорошо, господин, – согласилась Зайка, – а где мне его найти, этого помощника?

– Не знаю даже. Где-нибудь. Вот тебя же я как-то нашёл?

– Я поищу в конторе по найму посыльных. – улыбнулась Зайка.

– О, вот и юмор прорезался, – обрадовался я, – значит, возвращаешься к жизни. Ну а если серьёзно, есть фирмы по подбору персонала, можно попробовать там. Составь список дел, которыми твой помощник должен заниматься, скидывай в этот список всю беготню и вообще всю текучку. Вот пусть тебе и подбирают специалиста под эту должностную инструкцию. Кстати, я хочу перевести с «Артефакты» на новый завод Есению Жданову и Ирину Стоцкую. Посмотрим, как будут справляться. Надо же заводоуправления с нуля организовывать, Второв это дело совсем запустил.

– Так может, почтенная Ирина и подберёт для меня помощника? Она же кадрами занимается.

– Нет, твои люди должны быть только твоими людьми. Ты не забывай, что ты Ирину и будешь контролировать. И вообще помни, что ты не служащая, а полномочный представитель семьи. Ты хоть формально и не будешь над ними начальницей, но твои приказы к исполнению обязательны. Не позволяй себя подмять, они наверняка попытаются затеять какие-нибудь канцелярские игры. Обычай у канцелярского народа такой, вряд ли они от этого удержатся.

– Мне эти игры побоку, – спокойно ответила Зайка, – у меня один господин, а начальников и вовсе нет.

Вот я тоже думаю, что обычные канцелярские интриги тут не прокатят. Ещё большой вопрос кто там кого буквой зю загноёт, но я бы однозначно поставил на неё. Зайка только со мной зайка, я-то хорошо помню, как она Второва нагибала. И продолжает нагибать, судя по тому, что он от неё скоро под стол начнёт прятаться.

– Название заводу уже придумали?

– Думали, но пока ничего толкового не придумали. Да и времени особо нет об этом размышлять.

– Предлагаю «Мегафон», – «ну а почему бы и нет, хе-хе, похулиганим немного в память о прошлом мире», – по смыслу хорошо подходит. А сами переговорники можно мобилками назвать. Название запатентовать, вот и получится торговая марка.

– Звучит неплохо и сразу понятно, латынь же и греческий в школе все учат. Я обсужу со Второвым. – Зайка быстро делала какие-то заметки в своём распухшем ежедневнике.

– У тебя ко мне есть ещё вопросы, которые надо решить? Нет? Значит, осталось только одно дело, которое уже давно назрело и перезрело. Пойдём, дядька Ждан нас отвезёт.

*

Центральный салон самобегов Вышатичей был огромен. Стекланный куб возвышался над окружающими его мрачноватыми гранитными зданиями в стиле северного классицизма, и выглядел в таком окружении совершенно чужеродно. После его постройки князь уволил весь состав градостроительной комиссии, которая разрешила возведение этой архитектурной нелепицы, и по слухам, поклялся, что ни один из них впредь не получит и веверицы из казённых денег. Слухи, скорее всего, были правдивыми – когда столичный архитектурный институт принял бывшего председателя комиссии на должность заведующего кафедрой, институт немедленно лишился княжеской дотации, которая составляла три четверти его бюджета. Нового завкафедрой срочно уволили, а ректору пришлось порядком поунижаться, чтобы восстановить прежнее положение вещей. После этой истории чиновники хорошо уяснили, что не всякую взятку стоит брать, но здание так и осталось стоять памятником архитектурной бездарности и коррупции.

В салоне можно было купить любую модель, будь то наша или импортная, в разумных пределах, конечно. Азиатские самобеги у нас редкость, а допустим, продукция германских княжеств довольно широко представлена, не говоря уж об имперских самобегах от Генриха Минца. Сразу от входа начиналась территория народных моделей, стоимостью в районе ста гривен, а простейшую мотоколяску можно было приобрести и за восемьдесят.

– Сразу видно, на каких моделях Вышатичи делают деньги. – заметил я Зайке.

– Нижний сегмент, всё как везде. – согласно кивнула Зайка. – А вообще у Вышатичей образцовая организация полного цикла, их и в университете проходят. У них можно многому научиться.

Я сдержал улыбку. Она-то как раз научится, тут у меня никаких сомнений нет.

Прогуливаться в одиночестве нам пришлось недолго. Завидев золотые сословные значки, приказчики засуетились, и через минуту к нам подлетел молодой человек с косою чёлкой и щегольскими усиками – излюбленным имиджем приказчиков во всех мирах.

– Господин, госпожа... Позвольте представиться: старший приказчик Семён Ольмин. Могу ли я быть вам полезным?

– Здравствуйте, уважаемый, – ответил я, – нам нужны два самобега представительского класса, оба будут использоваться с водителями.

– Позвольте проводить вас в четвёртый зал, именно там представлены дорогие марки.

И мы отправились туда в сопровождении целой стайки приказчиков. Четвёртый зал был тоже немаленьким. Роскошные экипажи стояли в ряд, сверкая хромом и лаком, как выставка автомобильной моды тридцатых годов двадцатого века. Мне это кажется приветом из прошлого, но всё же есть в этом стиле какое-то очарование.

– Позвольте обратить ваше внимание на последнюю модель нашего завода. Двухрядный двенадцатицилиндровый двигатель и...

Я махнул рукой, останавливая его:

– Мне, в общем-то, всё равно сколько там цилиндров. Мне просто нужен солидный и дорогой самобег, подходящий для главы дворянской семьи. А пока мы тут с вами выбираем, кто-нибудь пусть поможет выбрать госпоже. Возможно, что-то более женственное, но никаких розовых расцветок. Самобег для серьёзной деловой женщины, цена значения не имеет.

Зайку увели, а приказчик взялся обрабатывать меня с новой силой:

– Извольте взглянуть на интерьер салона. Водитель и телохранитель отделены прозрачной перегородкой. В основном салоне есть небольшой бар и выдвижной столик, за которым можно перекусить или поработать с бумагами. Причём сделать это со всеми удобствами благодаря исключительно мягкому ходу. В высочайшем качестве отделки можете убедиться сами, только лучшие материалы! А ещё эта модель оснащается новейшим артефактом – мелодином!

– А это ещё что такое?

– Новейшее изобретение, совсем недавно освоено заводом семьи Гдовских. – приказчик продемонстрировал блестящий стержень размером с толстенькую авторучку. – вот на этом крохотном музыкальном стержне записана целая ария. Вставляем его вот в это отверстие, передвигаем рычажок, и наслаждаемся арией Минервы из оперы «Луций Македонский».

Мы немного послушали арию. Объём носителя, конечно, смешной, но качество воспроизведения впечатляет. Из тех автомагнитол, что я помню, далеко не всякая была способна даже рок воспроизвести, не говоря уж про оперную арию. В основном их пределом являлся шансон и клубный дыщ-дыщ.

– И много уже записано таких арий?

– Пока всего десяток, мелодины только-только появились, и цены мало кому доступны. Но Гдовские работают над этим, в самом скором времени выбор увеличится.

Забавно, климат-контроль тут ставится даже в самые дешёвые мотоколяски, а магнитола – это предмет роскоши. Интересно, а нельзя ли тут «изобрести» настоящие магнитолы? Механизм там простой, с магнитной головкой тоже не должно быть сложностей. Электронные лампы есть, они здесь называются электрическими трубками. Неясно только с самой магнитной плёнкой. Я помню, что её вроде делали из лавсана, но что такое этот самый лавсан? Почему нормальные попаданцы знают всё на свете, а я не помню даже то, что в школе учил? Ладно, надо подождать несколько лет и посмотреть, что у Гдовских получится с их мелодинами. Если они так и останутся предметом роскоши, то можно подумать о разработке магнитофонов в качестве дешёвого народного варианта.

– Ну что ж, я возьму этот самобег. – наконец сказал я, выйдя из своих раздумий. – Комплектация пусть будет полная, и оформите заодно подписку на новые музыкальные

стержни.

К этому времени и Зайка выбрала для себя изящный серебристый лимузин. Я выписал чек, договорился о том, что наши машины через несколько дней заберут водители, и мы покинули рай автомобилиста.

– Передай Стоцкой, чтобы срочно подобрала для нас водителей. – распорядился я. – Для тебя – водителя-женщину, молодой девушке ездить с мужчиной неприлично.

– Я лучше сама займусь, если вы не против, господин. – отозвалась Зайка. – Пусть наши люди будут именно нашими людьми.

Я улыбнулся и кивнул. Учится она моментально.

*

Тема семейных военных формирований всё больше и больше занимала мои мысли. Обычная охрана по сути предназначена в лучшем случае для борьбы с мелким воровством. Для сколько-нибудь серьёзного столкновения с другой семьёй она совершенно бесполезна. А столкновение в той или иной форме мне кажется очень вероятным – кто-нибудь обязательно попытается проверить нас на прочность, особенно если затея со Второвыми окажется прибыльной. Было бы совершенно наивным полагать, что наша деятельность не привлекает внимания – мне уже несколько раз докладывали о непонятных людях, которые расспрашивают рабочих на стройке. Когда завод заработает и станет прибыльным, расспросами эти люди не ограничатся. С «Артефактой» немного помогает то, что там отметились Ренские и князь, связываться с которыми никто не рискует, но рано или поздно все поймут, что ни Ренские, ни князь там никаких интересов не имеют.

Союз с Тириными, который предлагала мне Алина, решил бы все проблемы, но какой может быть союз между одним из сильнейших родов и обычной семьёй из трёх человек? Ясно, что на самом деле речь шла не о союзе, а о какой-то форме протекции, то есть по большому счёту, то же самое, что и с другими, только добровольно.

В конце концов я пришёл к выводу, что вопрос назрел, и пора начинать действовать. Для начала я решил посоветоваться, тем более было с кем.

– Наставник, я хочу попросить у вас совета. – обратился я к Даниславу.

– Попроси. – Данислав был, по своему обыкновению немногословен.

– Я хочу создать небольшую семейную дружину, но не понимаю, как её обучать, и вообще чем её занять в то время, когда она не нужна. Нельзя же непрерывно только тренироваться на полигоне.

– Ответ совсем простой, Кеннер, – усмехнулся Данислав, – значительная часть отрядов Вольной гильдии на самом деле являются родовыми и дворянскими дружинами.

На меня наконец снизошло просветление.

– Чувствую себя идиотом, – признался я, – мне следовало догадаться самому. Сразу ведь видно, что гильдия слишком сильна. Если бы все отряды были независимыми, князь вряд ли бы стал её терпеть.

– Верно. – отозвался Данислав. – Большие независимые отряды вроде «Волков Севера» можно по пальцам пересчитать. В основном вольные отряды маленькие, и контракты у них мелкие. Скажи мне, Кеннер – у тебя уже есть командир для твоей дружины?

– Хотите предложить кандидатуру?

– Мой старший сын сейчас лейтенант у волков.

– А зачем ему уходить? Волки хороший отряд.

– Потолок карьеры. Отряд принадлежит старой семье, старшим офицером не может стать человек со стороны.

– И его устроит переход в крохотную дружину крохотной дворянской семьи?

Данислав засмеялся.

– Кеннер, любой вольный ратник будет счастлив перейти в любую дружину любой дворянской семьи.

– Я всё же не понимаю.

– Вот к примеру, скажи: если твой ратник погибнет – ты будешь платить пенсию вдове?

– Буду, конечно. И о детях тоже позабочусь. – подтвердил я. – А как иначе требовать от людей верности? Если человек умирает за мою семью, он должен как минимум знать, что о его родных не забудут.

– Вот именно. Добавь к этому, что дворяне своих ратников берегут. Дворянские ратники всегда лучше обучены, лучше оснащены, и жалованье у них всегда больше. А в вольном отряде рядовой ратник – это просто расходный материал.

– Я понял. А что насчёт связей с другими семействами или родами?

– Наша семья ни с кем не связана, – твёрдо ответил Данислав, – проблем с лояльностью не будет.

– Хорошо, – согласился я, – я поговорю с ним.

*

Станислав Лазович оказался крепким суровым мужиком лет сорока пяти. Впрочем, в этом мире сорок пять – это ещё молодость. Принимал я его в своём новом офисе. Мне надоело толкаться в «Артефакте», да и не всех гостей туда стоило вести, в общем, очень неудобно быть бомжом. Так что в конце концов я просто снял небольшой офис в офисном здании поближе к дому. Там был мой кабинет, кабинет Зайки, переговорная, и ещё несколько комнат на вырост, где обычно сидели наши с Зайкой водители. В качестве секретарши у меня так постепенно и прижилась Мира Дорн – бывшая секретарша Лосева с «Артефакты». Новый управляющий Ян Штемель заменил её своей пассией, и Мира оказалась не у дел. Я, разумеется, побеседовал с ней на тему лояльности, и моя эмпатия дала хорошую рекомендацию, а спала ли она с Лосевым или нет, мне без разницы.

В целом Станислав мне понравился с первого взгляда, была в нём некая цельность, свойственная семье Лазович. Без гнильцы человек, в общем – ну, по крайней мере, на первый взгляд. Расположились мы в зоне отдыха в удобных креслах, секретарша собрала чайный столик – всё для того, чтобы показать уважение и сделать разговор менее формальным.

– Почтенный Станислав, поскольку разговор у нас достаточно серьёзный, сразу должен вас предупредить, что я эмпат, и чувствую ложь.

– Меня это не смущает, господин Кеннер. – спокойно ответил Станислав. – Спрашивайте что хотите.

– В таком случае сразу самый главный вопрос: вы связаны с какой-нибудь семьёй? Или родом?

– Нет, никаких связей или контактов. Я как начал службу в «Волках Севера», так по сей день и служу там.

– А почему хотите уйти?

– Дальше расти некуда, выше лейтенанта может подняться только член семьи. Была возможность войти в семью через брак, но предложенная жена меня не устроила. Дважды вдова с тремя детьми, и к тому же страшная. Я решил, что карьера того не стоит.

– Да уж, могу вас понять.

Мы понимающе поулыбались друг другу.

– И вас устроит служить маленькой и прямо скажем, слабой семье? – спросил я.

– Всегда найдётся более сильный противник, так что нужно просто воевать грамотно. А о вашей семье отец очень высоко отзывается, и я его оценкам полностью доверяю.

Разговор у нас и дальше протекал в том же духе. Я не налегал с неудобными вопросами, вставляя их к месту, и как бы невзначай. Станислав достаточно охотно рассказывал про свою службу, и я всё больше приходил к выводу, что я имею дело именно с военным без каких-то

посторонних претензий. Мне политик в качестве командира дружины совершенно не нужен, его задача – выполнять приказы и не лезть ни в какие политические игры. Станислав как раз и оказался прямым как штык воякой, с хорошим боевым опытом, словом, самое то, что нужно.

– Ну что ж, почтенный, вы меня устраиваете. Давайте я вам кратко обрисую свои пожелания. Для начала я думаю ограничиться маленькой дружиной человек в тридцать, а потом её увеличить. Как мне кажется, лучше начать с небольшой дружины и постепенно наращивать численность, чем пытаться сразу создать что-то большое с нуля.

– Совершенно верно, господин Кеннер, – согласился Станислав, – сначала лучше создать ядро дружины. Три десятка хорошая численность для начала, но если нет необходимости как можно скорее начать работу по контрактам, то я бы даже начал с двух. Сэкономится время на слаживании, и легче будет закрепить нужные традиции. А через некоторое время начнём постепенно увеличивать численность – поодиночке новые люди уже проще впишутся.

– Хорошо, так и сделаем. Какие у вас пожелания по Владеющим? В середине зимы в Академиуме выпуск, и сейчас самое время подавать заявку.

– Владеющие, конечно, сильно увеличивают боевой потенциал отряда. Как минимум нужен один, хорошо бы два. Но Владеющие дорого обходятся.

– Я думаю, для начала нужно трое боевиков и лекарку. В идеале один боевик на пятнадцать ратников.

– Если так, то у нас выйдет очень сильная дружина.

– Нет смысла создавать слабую дружину чтобы заваливать противника трупами.

– Написать бы это на плакате и повесить в кабинете моего командира. – усмехнулся Станислав. – А уж про маленькие вольные отряды лучше вообще не вспоминать. Насмотрелся на них.

– Вы не забывайте, что главный противник для нас – это другие дворянские дружины. Контракты – это так, чтобы как-то содержание дружины окупить, и чтобы люди получали боевой опыт.

– Действительно, господин Кеннер, – согласился Станислав, – у дворянских дружин задачи другие, чем у нас, вольников.

– Вот и привыкайте смотреть на жизнь с другой стороны ограды. – улыбнулся я. – Я полагаю, самые важные моменты мы с вами обсудили. Заканчивайте свои дела с волками, и начинайте работать. Я жду от вас список необходимого и примерную смету. Кстати, можете взять с собой своих людей из волков, но не увлекайтесь. Человека три будет достаточно, филиал волков я устраивать не хочу.

Обедаем мы всё так же, прежней компанией, Пётр Сентин к нам так и не присоединился. Штайн донимать его перестал, и он предпочёл, как и раньше, держаться от нас подальше. Причём я чувствую, что он почему-то меня побаивается. И не только он – очень многие, даже некоторые учителя, относятся ко мне с опаской, и я этого понять не могу. Вот взять, к примеру, Ленку – у неё никогда не заржавеет дать в торец, и она это проделывала не раз, но при всём при том её считают весёлой отвязной девчонкой, которую никому не приходит в голову бояться. Я же никому ни разу грубого слова не сказал, за исключением единственного случая со Штайном. Почему так? Как-то даже обидно быть пугалом, причём совершенно незаслуженно. Когда я поделился с Ленкой, она мне пояснила ситуацию так:

– Понимаешь, Кени, ты для народа какой-то непонятный. Слишком взрослый. Вот к примеру, Штайну папа всего лишь пообещал самобег, так он всех достал своим хвастовством. Это нормально, когда мажорчик хвастается, на его месте тут каждый первый обязательно хоть разок похвастался бы. А тебе понадобился самобег, так ты просто пошёл и купил, и у тебя даже мысли не возникло кому-то сказать. Сразу видно, что для тебя это вроде как коробку карандашей в лавке купить. Типа купил, и купил, что тут такого. И дела у тебя все какие-то очень уж взрослые. Вот как тебе ещё объяснить... представь, что вдруг Ольга Ренская пришла бы с нами учиться.

– Хех, от Ольги я бы и сам шарахался.

– Вооот, ты понял.

– Как-то не очень мне польстило такое сравнение. И что мне делать?

– Ничего не надо делать. Я тебя и так люблю, а какая тебе разница что другие думают?

Разве что этим утешаться. Удивительно, насколько наше восприятие себя всегда расходится с тем, как нас воспринимают другие.

В школе жизнь протекала спокойно, и даже скучновато. У нас добавились уроки конструирования и мы, наконец, начали изучать конструкторы. Для нас с Ленкой это тоже было внове – дома мы большей частью делали упражнения на основу и развивали менталистику. Самым первым мы изучили учебный конструктор «Хлопок» – тот самый, которым меня в прошлом году пыталась атаковать Нельма Ренская, и сегодня у нас происходила сдача зачёта по нему. Жестяной круг диаметром сантиметров тридцать был приколот к палке, которая, в свою очередь, была прикреплена через пружину к полу. Перед кругом нужно было создать конструктор, при этом для сдачи зачёта палка после хлопка должна была отклониться как минимум на сорок пять градусов.

Народ напрягался, корчил рожи от натуги, но в целом сдавал нормально, хотя далеко не все с первого раза. Я по алфавиту сдавал третьим, и тоже сдал со второго раза – первый раз не рассчитал, и вложил слишком мало силы. Дальше я сидел и развлекался, наблюдая за потугами одноклассников, и как-то не сразу заметил, что на позиции оказалась Ленка. Она

сосредоточилась; я тут же захотел закричать «Стой!», но сделать ничего не успел. От хлопка все оглохли. Когда я, наконец, немного оправился от звона в ушах и взглянул на мишень, то обнаружил там только палку с обломанным концом. Сама жестяная мишень нашлась в дальнем конце зала, глубоко ушедшая ребром в деревянную перегородку.

– Ой, – виновато сказала Ленка, – я нечаянно.

Класс потрясённо молчал.

– Знаешь, Менцева, – устало сказал учитель, – мы тут давно уже смирились с мыслью, что твою учёбу школа запомнит надолго.

Я закрыл лицо ладонью. Женщины, ну почему вы такие?? Почему даже самые умные из вас временами ведут себя как тупые барби? А потом вдруг подумал – ну а я-то чем её лучше? Я же ещё год назад в том же духе выступил. Известный факт, что муж с женой со временем становятся похожи, а вот мы ещё даже не поженились, а уже сравнялись по дурачности, такая вот идеальная совместимость. Надеюсь, Ленкино досье Драгана тоже убрала в свой сейф, а то там её писцов скоро начнут совращать по новой.

*

Улица носила не очень лестное название Грязная, но на удивление, была довольно чистой. Чего нельзя было сказать о протянувшемся вдоль неё тыльном заборе «Артефакты». Вот он-то был как раз грязноват, а кое-где и шпукатурка отвалилась. «Надо будет ткнуть носом Штемеля, так ведь можно и на штраф нарваться», – подумал я. На фабричных окраинах на такие вещи часто смотрят сквозь пальцы, но не стоит надеяться, что это будет сходить с рук до бесконечности. Рано или поздно инспекция градского благоустройства и сюда доберётся.

Несмотря на позднюю осень, день выдался на удивление тёплым и солнечным, и найти тусующихся пацанов оказалось несложно. Возле одного из трёхэтажных домов на другой стороне улицы топтались трое моих ровесников, и судя по тупому гыгыканью, обсуждали девок. К ним я и направился.

– О, кто тут у нас нарисовался! – обрадованно встретил меня вожак гоп-компании, – И кто тебе, дворянчик, разрешал по нашей улице шляться? Придётся штраф заплатить.

Я приветливо ему улыбнулся и сходу зарядил под дых. Паренёк сложился пополам.

– Кто тут ещё штраф хочет? – с улыбкой обратился я к его товарищам. Те попятились.

Я посмотрел на заводилу, который судорожно пытался вдохнуть воздух.

– Экий ты, дружок, дохлый. Давай разгибайся скорее, дело есть.

Наконец тот более-менее пришёл в себя.

– Чё сразу драться-то начал? – угрюмо спросил он.

– Чтобы привлечь твоё внимание и завязать разговор. – объяснил я. – Заработать хочешь? Хорошо заработать.

– Ну, хочу.

– Знаешь что за этим забором напротив ?

– Это «Артефакты» забор, батя у меня там работает. Только у них вход с Малой Ремесленной, надо квартал обойти.

– Бывал там? Территорию знаешь?

– Раньше бывал, батя обеды носил.

– А сейчас что?

– Сейчас охрана сменилась, дальше проходной не пускают. Вообще звери.

– Значит, задача такая: перелезаешь забор в любом месте на Грязной. Проходишь территорию, и выходишь на Малой Ремесленной, хоть в ворота, хоть через забор. Я там тебя жду – подходишь ко мне и получаешь вот это. – я показал ему шестикунцовую бумажку.

– Четверть гривны просто за то, чтобы территорию пройти? – недоверчиво спросил он.

– Пройти, проползти, пробежать – неважно. Главное, что залез тут, а вылез там.

– Как-то слишком красиво выходит, врешь поди?

– Я дворянин, мне врать неместно. Клянусь честью, что если пройдёшь территорию, то честно заплачу полдюжины кун.

Я не торопясь обошёл квартал, и сев в машину, занялся бумагами, временами поглядывая на длинный забор и ворота «Артефакты». Пацан не появлялся. Прошло полчаса, я решил, что ждать дальше не имеет смысла, и зашёл в проходную.

– Как служба? – спросил я у вытянувшихся охранников. – Новости есть?

– Всё нормально, – отрапортовал старший, – задержали нарушителя, командир сейчас с ним в караулке разбирается.

В караулке и обнаружился мой наёмный работник с фингалом под правым глазом.

– Нарушителя поймали. – доложил Антон Кельмин, командир охраны «Артефакты».

В своё время я взял Антона буквально по объявлению – он только что уволился из небольшого вольного отряда, где служил заместителем командира. Опыта руководства охраной у него не было, но и у меня особого выбора не просматривалось, так что после

некоторого колебания я решил рискнуть. И не прогадал – охрану «Артефакты» он поставил на отлично, и дисциплину поддерживал как в хорошем воинском подразделении.

– Где его взяли? – спросил я.

– Засекли когда он за складом материалов прятался, но поймали у ворот почти. Шустрый, гадёныш.

– А синяк откуда?

– Да случайно вышло. Он вот Петра за руку укусил, ну тот рукой и дёрнул нечаянно.

Ну конечно, нечаянно. Рукой дёрнул. Но это ничего, раз сам кусаться начал, то это рабочий момент.

– Молодец, – сказал я пацану, протягивая ему купюру, – держи.

Охранники в изумлении вытаращили глаза, а Кельмин понимающе усмехнулся.

– Я же не добежал. – угрюмо сказал пацан.

– А меня так даже больше устроило. – засмеялся я. – Бери, заслужил.

Пацан взял деньги, затем у него на лице отразилась работа мысли, и он заявил:

– А за фингал ещё надо бы добавить.

– Нет проблем. Сейчас под другой глаз добавлю для симметрии. – охранники заухмылялись.

– За что? – насупился паренёк.

– За наглость. Ладно, с тобой мы в расчёте. Антон, я распоряжусь небольшую премию выписать, распредели её сам среди парней, которые его ловили.

Новость вызвала в охране радостное оживление.

– Парни, проводите его за ворота. А мы с тобой, Антон, давай прогуляемся.

Мы вышли наружу и остановились чуть в стороне от главной дороги, возле клумбы с небольшой скульптурой. Скульптура была достопримечательностью завода – каждый видел в ней что-то своё, и не было двух человек, у которых мнения совпали бы. Лично я обычно видел в ней сапёра, который ошибся, но иногда мне казалось, что это просто такая экзотическая рыба.

– Антон, у тебя есть человек, которому ты бы смело мог передать дела?

Кельмин подумал.

– Вообще мой зам должен справиться. Да тут у нас сложностей особых и нет, всё как-то устоялось.

– У нас строится новый завод, там пора организовывать охрану. Как ты к этому относишься – готов взяться?

– Готов, конечно. Я же так понимаю, это повышение?

– Верно, повышение. Здесь командир охраны тоже под тобой останется, будешь за оба завода отвечать. Но там работы будет гораздо больше. Там абсолютно всё секретно, так что охрану надо ставить гораздо серьёзнее. Там уже не пацанов придётся ловить, а реальных шпионов.

– Я со шпионами дела не так много имел, но основы знаю. Думаю, справлюсь.

– Я тоже помогу, если что. – учитывая, сколько шпионской макулатуры я перечитал, может я тут и есть самый большой специалист. – Значит, передавай дела и переходи на «Мегафон». Составляй штатное расписание, проект бюджета, заявку на техническое обеспечение, в общем, всё как положено, и подавай госпоже Кире на проверку. Исходи из того, что скоро нас придут трогать за вымя, так что особо не скромничай. На данный момент у нас в приоритете безопасность.

Расходы удручали. Я уже полностью истратил всю полуторагодовую прибыль «Артефакты» и почти обнулil её депозиты. Скоро придётся залезать в резервную сотню тысяч. Но по нашим расчётам, самый трудный период мы всё-таки сможем пережить, а к лету динамика должна прочно смениться на положительную.

*

По пустынному полю арендованного полигона мела позёмка, ещё больше затрудняя видимость. Кое-где проглядывали клочки сухой травы, и бойцы в белом, с грязными разводами камуфляже настолько хорошо сливались с неоднородным пейзажем, что даже в бинокль было непросто отслеживать их передвижения. Бойцы двигались перебежками, стреляя на ходу. Дружина отрабатывала штурм укреплённой позиции, пока что получалось не особо.

– Что скажешь? – спросил я Станислава, кивнув на поле.

– Слабовато пока, – неохотно признал он, – прогресс есть, но им пока даже до хорошего вольного отряда далеко. Полигона всё-таки недостаточно для полноценного обучения. Когда тебя стреляют холостыми, к этому трудно всерьёз относиться.

– Идеи, предложения?

– Надо бы взять контракт. Пусть самый простой, но ребятам это помогло бы почувствовать себя ратниками, а не школьниками в военной игре.

– Так-то я возражений не имею, но ведь дружины-то ещё нет. У нас только пехотинцы с

лёгким стрелковым, для них и контракта нормального не подобрать. Разве что охрана объекта, вот только какой толк от такого контракта?

– Так что, будем продолжать тренироваться?

– Пожалуй, потренируемся ещё немного, – задумчиво сказал я, – а вот ещё, кстати: как у тебя работа со Второвыми продвигается?

– Хорошо продвигается. Эти их мобилки просто мечта.

Зря я это название предложил. Вот прикололся, и кто этот приколот оценил? А мне от этих воспоминаний только грустно делается.

– Что, вот прямо так всё хорошо? – недоверчиво спросил я.

– Да нет, были у нас замечания, по удобству использования в основном. Но Второвы все недоработки быстро исправляют, они к нашим замечаниям нормально прислушиваются.

– Они и должны прислушиваться, это же им нужно в первую очередь. Ну ладно, есть для тебя хорошие новости. – я полистал свои записи, – Во-первых, через неделю в дружину придёт шестеро Владеющих – пять боевиков и лекарка.

– Пятеро боевиков? – поразился Станислав.

– Да, две пятого ранга, и три четвёрки. – подтвердил я. – Все девчонки, конечно, но физически крепкие, так что должны справляться.

– Вообще принято считать, что на одного Владеющего должно приходиться пятнадцать-двадцать ратников.

– Я знаю. Берём больше с расчётом на расширение дружины. Я ориентируюсь на молодых выпускников Академиума, а выпуск только раз в году. Новую заявку сможем подать только следующей зимой.

– А чем плохи Владеющие постарше?

– Тем, что постарше, мы же это с тобой обсуждали. В новую дружину, где один молодняк и нет установившихся традиций, лучше брать только молодых. Иначе те, кто постарше, начнут давить авторитетом и заводить свои порядки. Тебе же самому придётся с этим бороться.

– Ну да, обсуждали, – согласился Станислав, – но я думал, что это только ратников касается.

– С Владеющими то же самое. Это в большой дружине их много, и они обычно своей компанией держатся, а в нашей крохотной они наверняка в том же котле будут вариться. Так что радуйся, что к тебе придут молодые девчонки, а не тётки с большим гонором.

– Всё так, – сказал Станислав с сомнением, – но молодые девушки будут сильно бойцов

отвлекать. Ребята же сами все молодые, гормоны кипят.

– Станислав, если у твоих ратников хватает энергии, чтобы к девкам приставать, значит десятники позволяют им бездельничать, а ты стало быть, дружину не контролируешь.

Станислав только крикнул.

– Имей в виду, спрос будет с тебя в первую очередь. – добил его я. – А вообще, подумай над тем, чтобы девчонок набрать. Они нормально работают как снайперы и лёгкие пехотинцы. Иначе у тебя парни на контрактах будут дичать. Полезут крестьянок насиловать, а тебе их вешать придётся – да-да, не смотри так. Дворянская дружина — это не вольная ватага, которую от банды временами не отличить. Честь семьи ронять нельзя, все твои ратники должны понимать, что это серьёзно. Иначе дело и впрямь до казней дойдёт. Атмосферу в дружине это не улучшит, пусть уж лучше со своими шуры-муры крутят.

Станислав хмыкнул на это, не проявляя энтузиазма. Может он этот, как его... шовинист? Сексист? Не разбираюсь я в этих половых терминах. Ну ладно, моё дело предупредить, ответственность на нём.

– Следующий вопрос... Мы с госпожой Кирой прикинули и решили, что мы сможем снабдить всех ратников защитными амулетами. Нужно, во-первых, обучить ими пользоваться, а самое главное, нужно как следует объяснить, что на них полагаться нельзя. Если под пулями гулять, то никакой амулет не спасёт, это всего лишь шанс выжить. Во-вторых, надо как-то наладить контроль, чтобы их не теряли. Сам знаешь, сколько они стоят, для нас это очень серьёзные траты.

– Знаю. – с заметным удивлением ответил Станислав. – Неожиданно. В вольных отрядах ими даже офицеров не снабжают.

– Ими даже в дружинах не всех офицеров снабжают. Но нам они обходятся немного дешевле, потому что наш завод их и делает. Но дешевле именно что «немного». Так что надо до людей как следует донести, что если боец пролюбил амулет, то новый он получает только когда выплатит стоимость утерянного. Пару лет будем из жалованья вычитать, а он эту пару лет будет голым в атаку бегать.

– Справедливо. – кивнул Станислав. – Я думаю, все поймут, что их терять нельзя. Достаточно один раз под пулями пробежаться и сразу всё дойдёт.

– Ладно, с этим разобрались, пошли дальше. – перешёл я к следующей пометке в ежедневнике. – Раз уж твои воины чему-то минимально научились, пора усложнять им задачу. Жду от тебя предложений по комплектации дружины бронеходами, пусть вместе с железками побегают. Заодно подумай насчёт миномётов и прочей артиллерии.

– Миномёты нам пока ни к чему, тем более с пятью боевиками, а вот бронеходы нужны. По текущему составу дружины мы потянем два, ну пусть три лёгких бронехода.

– Это которые с гранатомётом?

– Ну да. С тяжёлыми полно мороки, да и нужны они только если не хватает Владеющих.

В этом мире владение Силой заметно повлияло на тактику сражений. Например, Владеющий пятого ранга в дуэли с артиллерийским орудием гарантированно уничтожал орудие – просто в силу того, что одного-двух снарядов для него было мало, а выстрелить получалось только раз. Не говоря уже о том, что обнаружить и накрыть одного человека было гораздо сложнее, чем орудие с расчётом и шгабелем снарядных ящиков. Пушки были экзотикой; распространение получили лишь миномёты и гаубицы, которые могли стрелять с закрытых позиций и имели какие-то шансы на выживание. Причём использовались в основном небольшие калибры, с которыми можно было быстро менять позицию, так как сама по себе закрытая позиция выживания не гарантировала. В результате такого специфического уклона в малые калибры и навесные траектории, нишу танков в конечном итоге заняли шагающие бронеходы, по сути огромные бронескафандры, вооружённые крупнокалиберным пулемётом и автоматическим гранатомётом, а в случае тяжёлого бронехода – лёгким пулемётом и скорострельной пушкой пятого[26] или шестого[27] калибра. Тяжёлые бронеходы, однако, использовались реже – считалось, что для небольших отрядов их более высокая огневая мощь не компенсирует сложности с обслуживанием, транспортировкой, и подготовкой пилотов.

[26, 27 - Калибр 5/10 вершка, то есть 22 мм. Калибр 6/10 вершка, то есть 26,4 мм.]

– Мне кажется, тяжёлые тоже понадобятся, – возразил я, – по мере роста дружины лёгких всё равно перестанет хватать, так может лучше сразу начать привыкать к тяжёлым?

– Тогда надо сразу брать в пропорции один тяжёлый на два лёгких.

– Ну вот и договорились, – одобрил я, – три бронехода тебе хватит?

– Хватит. У нас пехотного сопровождения и на три не набирается, больше мы не потянем.

– Значит решили, – подвёл я итог, – выбирай бронеходы и готовь заявку на пилотов. Счёт передашь госпоже Кире, она проверит, а я подпишу. Месяц тебе на слаживание в полном составе, после этого я регистрирую вас в гильдии и будем подбирать несложный контракт.

– Всё понял, господин, – вытянулся Станислав, – будет сделано.

*

Бам! Здоровенный снежок расплескался у меня на лбу, залепив пол-лица. Пока я пытался очистить лицо и протереть глаза, прилетел второй. «Ну всё, тебе конец!» – мрачно пообещал я, и рванул к Ленке. Она, взвизгнув, пустилась наутёк.

Зима в этом году опять выдалась снежная, дворники не успевали сгребать снег с тротуаров. После вчерашнего снегопада наш Кропотов Луг завалило так, что невозможно было открыть ворота, а на газонах между тротуарами и мостовой скопились сугробы высотой чуть ли не по

пояс. В этот сугроб я и свалил пойманную бандитку. Некоторое время она прикидывалась побеждённой, а затем, ловко вывернувшись, поменялась со мной местами. Усыпив мою бдительность поцелуем, она проворно нагребла мне снега за шиворот, и снова пустилась в бега.

Путь от сугроба к сугробу был долгим, и домой мы ввалились как два снеговика. Арина, выглянув из кухни, ахнула, прикрыв рот рукой. На шум из гостиной вышла мама; глядя на нас, засмеялась, потом нахмурилась, потом опять засмеялась.

– Мама, ты представляешь, – с возмущением наябедничала Ленка, – он меня схватил и извалял в снегу!

– Было дело. – не стал отпираться я.

– Да он просто зверь! – продолжала негодовать Ленка.

– Я такой. – скромно признался я. – Лютый.

– Немедленно переодеваться и в горячий душ. – сдерживая улыбку, распорядилась мама. – Ну прямо как маленькие дети!

– Я сделаю чай с малиной. – сказала Арина, возвращаясь на кухню.

Наконец мы, умытые и согревшиеся, приткнулись к маме с боков, по-хозяйски отобрав у неё очередной медицинский талмуд.

– Кени, у меня к тебе просьба... – как-то нерешительно начала мама. – У меня помощницей работает девочка, очень способная. Я в ней вижу признаки будущей целительницы. Ей бы надо в Академиум, но на платное обучение у неё денег нет, а на бесплатное сам знаешь какие условия. Мы могли бы ей помочь?

– Не вижу проблемы, – ответил я, – мы можем оплатить ей обучение и назначить стипендию. После окончания постепенно вернёт заем, подберём ей гуманный график выплат. Пусть подойдёт к Зайке, я ей скажу. А у меня тоже есть к тебе вопрос: какое у тебя сейчас жалованье?

– Очень хорошее. После аттестации на девятый ранг у меня выходит пятьсот с небольшим в месяц. А почему ты спрашиваешь?

– Мне тут Зайка сделала небольшой доклад по твоей работе.

– Да, она ко мне подходила, расспрашивала.

– Так вот, она выяснила, что с твоих пациентов лечебница получает как минимум двенадцать тысяч гривен в месяц. Ты одна зарабатываешь считай, как вся «Артефакта».

– Так много? – мать была потрясена.

– Омоложение стоит очень дорого, а ты единственный специалист в княжестве. Ты знаешь, что к тебе очередь на полгода вперёд? Невзирая на совершенно дикие расценки. Так вот, мне не нравится, что моя мать является наёмным работником, и ещё больше мне не нравится, что эти тысячи идут князю, а не семье. Как ты относишься к тому, чтобы открыть собственную лечебницу?

– Неожиданно. – мать задумалась. – А я смогу принимать там какое-то количество бесплатных пациентов? Мне нужна практика сложных случаев.

– Конечно, ты сможешь принимать бесплатных пациентов, это же будет твоя лечебница. Меня даже не столько деньги интересуют, сколько возможность лечения для наших слуг. Сама возможность получить медицинскую помощь такого уровня для многих будет серьёзным стимулом служить нашей семье.

– Я подумаю, хорошо?

– Конечно, подумай, никакой срочности нет. И вот ещё один вопрос: ты же вроде читаешь лекции в Академиуме, или я ошибаюсь?

– Всего лишь факультативный курс на два-три месяца, и даже не каждый год.

– А кто его посещает?

– Много кто. Студенты старших курсов в основном, но много и вольнослушателей. Наши молодые лекарки ходят, а некоторые и из других городов приезжают на это время.

– Даже так? – я и не подозревал, что мать настолько популярна.

– Да, меня знают, – мама улыбнулась, – нас же на все княжества только две девятки, ещё в каганате одна, и ещё одна императора лечит. Ещё у муслимов есть. Мы все на виду.

Тогда понятно – это всё равно как у нас бы нобелевский лауреат лекции читал, причём настоящий учёный, а не руководитель.

– Я к чему про это заговорил – я хочу учредить персональную стипендию Милославы Арди для лучших студентов лекарского факультета. Для нас это необременительно, гривен пятьдесят в месяц деньги небольшие. Зато из этих лучших ты сможешь выбирать с кем заключить контракт для работы в твоей лечебнице. Пока ты свой курс ведёшь, понемногу и присматривай себе будущих сотрудников.

– Заманчиво звучит. – мама посмотрела на меня с удивлением. – Я об этом как-то даже и не подумала. Знаешь, я иногда рядом с тобой ощущаю себя несмышлёной девочкой.

– Глупости говоришь, – немедленно открестился я от такой похвалы, – ты просто о другом думаешь, вот и всё. Если бы ты занималась тем, чем я, то и не хуже бы справлялась. В общем, давай решай, и будем присматривать участок для строительства.

Всю зиму завод «Мегафон» лихорадило – казалось, мы собрали все мыслимые проблемы. Начиная от постоянно текущих некачественных труб отопления, и заканчивая косорукими работниками, которые умудрялись запарывать даже те детали, которые, казалось, просто невозможно было запороть. Главной сложностью, однако, было сокрытие истинного устройства связных артефактов. После целой серии жарких обсуждений мы решили не патентовать устройство – у нас имелась хорошая возможность сохранить принцип действия в тайне, тогда как для патента пришлось бы полностью раскрыть устройство прибора, и это неизбежно породило бы огромное количество подделок. А учитывая важность артефакта в военном плане, подделывать его стали бы все соседи на государственном уровне. Рассчитывать бороться с этим путём подачи патентных исков было бы крайне наивным.

Шансы на сохранение секрета были достаточно велики. Связной дух был крохотным и, если его специально не искать, совершенно незаметным. А поскольку использование духов традиционно рассматривалось как табу, искать его стали бы в последнюю очередь. К полезным структурам артефакта Дражан Второв добавил большое количество структур-обманок; среди них практически невозможно было выделить крохотную структуру, которая незаметно освобождала связного духа при любой попытке анализа внутреннего устройства мобилки. Двое мастеров, занятых помещением духов в готовые артефакты, поклялись кровью в Храме Аспектов о сохранении тайны; их передвижения были строго ограничены, и они находились под круглосуточной охраной.

Но трудности постепенно преодолевались, и весной завод, наконец, заработал на полную мощность. Мы начали производить связные комплекты, в которые входили от двух до двенадцати мобилок. К сожалению, на большее количество частей вместилище духа не делилось. Вскоре после того, как мы послали образцы в княжескую канцелярию, князь потребовал меня к себе. В кабинете присутствовали известный мне Курт Гессен, и пара советников, которых мне никто не потрудился представить. Князь был строг и деловит:

– Мы ознакомились с твоими образцами, молодой человек. Должен сказать, они породили немало споров среди моих советников.

Я вежливо наклонил голову, молча ожидая продолжения.

– Мои советники настаивают на объявлении твоих мобилок стратегическим ресурсом и регулировании их продаж. Ограничение внутренних продаж, возможно, выглядит чрезмерным, но в любом случае мои советники единогласно требуют запрета экспорта этих артефактов.

– Позволь мне высказать наши соображения, княже.

– Почему бы и нет? Мы готовы тебя выслушать.

– Наша семья является верной опорой трона, поэтому мы в самую первую очередь озаботились проблемой сохранения преимущества за нашим княжеством. Во многом именно

поэтому мы отказались от патентования. Мы рассматривали разные варианты ограничения доступа к нашим артефактам и пришли к выводу, что все они неэффективны, причём чем жёстче, тем неэффективнее.

– Довольно смелое заявление. – заметил князь.

– И я могу его обосновать, княже. Ограничение экспорта не решит проблему; при свободной внутренней продаже это приведёт лишь к росту контрабанды, борьба с которой тоже требует средств. Запрет внутренней продажи будет ещё хуже – невозможно предотвратить подкуп или кражу, так что рано или поздно образцы уйдут за границу. Так или иначе, но все заинтересованные партии обязательно получают образцы мобилок. И как только некое государство получит образцы, оно бросит все усилия на раскрытие нашего секрета – слишком уж большое преимущество даёт использование надёжной связи в военном деле. Было бы наивным рассчитывать на то, что мы сможем хранить этот секрет бесконечно. В результате может получиться так, что на основе нашей разработки враждебное государство создаст более совершенное изделие и получит над нами преимущество.

– Мы осознаём возможные проблемы, господин Кеннер. – прервал меня один из советников.
– Вопрос в том, можете ли вы предложить лучшее решение.

– Могу, господа. – твёрдо заявил я. – Наше решение состоит в том, что артефакт должен производиться в двух вариантах – гражданский вариант, который может свободно экспортироваться, и военный вариант, который будет доступен только княжеской дружине, а также родовым и дворянским дружинам княжества.

– И какие между ними отличия? – слушатели выглядели заинтересованными.

– В разработанных нами вариантах есть два отличия. Первое – это дальность связи, которая составляет примерно пять вёрст[28] у гражданского варианта и около сорока вёрст у военного. Второе, и самое важное отличие – это встроенная структура подавления шума. Военный вариант может использоваться при любом уровне внешнего шума, тогда как гражданский вариант в бою практически бесполезен.

[28 - Старая верста (до XVIII века) составляла чуть больше двух километров.]

– Интересная мысль. – князь благосклонно улыбнулся.

– Предлагаемое нами решение имеет ещё один плюс: оно даёт доход княжеству. – вот теперь я полностью захватил внимание слушателей. – Экспорт мобилок может быть обложен пошлиной, таким образом княжество будет получать деньги, которые иначе получали бы контрабандисты.

– То есть ты предлагаешь мне самому заняться контрабандой стратегического ресурса, юноша? – поднял бровь князь.

– Что-то вроде того, княже. – довольно нагло ответил я. – Бессмысленно тратить деньги и

силы на борьбу, в которой невозможно победить. Если не можешь победить – возглавь!

Князь несколько мгновений изумлённо смотрел на меня, а потом захохотал. Похоже, что тезис, хорошо известный в моём мире, здесь оказался совершенно новым. Видя, что князь не стал гневаться, советники тоже заулыбались.

– Однако, юноша! – смеясь, произнёс князь. – Мне докладывали о твоей необычности, и похоже, не обманули.

– Мы взяли на себя смелость примерно оценить возможный доход княжества от экспортных пошлин на мобилки. В зависимости от размера пошлины можно рассчитывать на сумму от тридцати до пятидесяти тысяч гривен в месяц.

Озвученная цифра явно произвела впечатление.

– Разумеется, цифра очень примерная, – продолжал я, – твои специалисты, княже, наверняка смогут дать более точную оценку.

– Смогут, смогут. – покивал князь.

– Позволь передать тебе наш доклад со всеми предложениями и расчётами, княже. – закончил я, выкладывая на стол папку с бумагами.

– Ну что ж, Кеннер, очень и очень неплохо. Мы изучим твой доклад, и в ближайшее время сообщим тебе наше решение. – на этот раз князь обратился ко мне по имени, что было очень хорошим признаком. – А сейчас не будем тебя задерживать.

Я поклонился. Князь встал из-за стола и лично проводил меня до двери. Судя по всему, наши предложения пришлись ему по вкусу, особенно соображения Зайки о возможном доходе княжества.

Наш расчёт оказался верным – князь ожидаемо предпочёл надёжный доход от пошлин непонятым перспективам борьбы с контрабандой. После того, как все неясности с князем разрешились, мы, наконец, смогли начать выход на рынок. Образцы, отправленные в Вольную гильдию, произвели сенсацию. Завод оказался завален заказами, но по приказу князя мы должны были в первую очередь удовлетворять потребности княжеской дружины. С самого начала завод начал давать двадцать тысяч в месяц чистой прибыли, и мы прогнозировали скорое повышение как минимум до тридцати, а может, и до пятидесяти. Производство лихорадочно расширялось, работа кипела вовсю. Предыдущие сумасшедшие месяцы сейчас казались временами спокойствия.

Больше всего меня доставали представители родов и семей, которые требовали, льстили, уговаривали, угрожали. Княжеская дружина забирала львиную долю произведённого, и очередь заказов продвигалась очень медленно. И вот в один прекрасный день в мой кабинет заглянула секретарша:

– Господин, к вам сиятельная Стефа Ренская.

– Проси.

Я встал из-за стола и встретил Стефу у двери кабинета.

– Бабушка, рад тебя видеть! – я поцеловал Стефу в щёку и приказал секретарше. – Мира, организуй нам чайный столик, и меня ни для кого нет.

Чувства Стефы были очень яркими и легко различимыми. Она не ожидала настолько тёплого приёма и буквально растаяла. Стефа много лет держит свой род железной рукой – а я давно подозреваю, что в тандеме Ольга-Стефа Ольга служит в основном витриной, – но даже такой старой интриганке нужны тепло и любовь. Под чай с пирожными мы немного посплетничали об общих знакомых, которых у меня за последнее время изрядно прибавилось. Не то чтобы я был большим любителем сплетен, но именно такая, казалось бы, пустая болтовня даёт понимание взаимоотношений в обществе и истинных мотивов людей. Наконец Стефа решила, что светским разговорам уделено достаточно времени:

– Кеннер, я, собственно, к тебе по делу...

– Мобилки? – я не стал заставлять её просить.

– Легко догадаться. – улыбнулась Стефа.

– Твои мобилки давно ждут тебя на складе, я отложил их для тебя сразу же.

Стефа потеряла дар речи. Я ощущал у неё чувство полной растерянности. Стефа явно настроилась просить, апеллируя к нашему родству, и сейчас просто не знала что сказать.

– Я, к сожалению, плохо представляю ваши потребности, – продолжал я, – так что тебе, скорее всего, придётся что-то скорректировать. Лишнее оставляй на складе, а на недостающее пришли мне список. Для тебя мы изготовим вне очереди.

Стефа по-прежнему молчала, глядя на меня с непонятным выражением. Я нажал кнопку вызова секретарши:

– Мира, сделай нам список складского резерва для Ренских. Возможно, сиятельная Стефа позже пришлёт дополнительный заказ – его сразу мне на подпись и передавай на приоритетную поставку.

– Да, господин. – Мира исчезла.

Стефа, наконец, отмерла:

– Спасибо, внук. Честно, не ожидала. Я у тебя в долгу.

– Даже слышать не хочу про какие-то долги. – отмахнулся я. – Лучше расскажи мне что-нибудь ещё, пока Мира готовит бумаги. Про Эльму с Нельмой, например. Девчонки по-

прежнему на меня дуются?

– Они, по-моему, уже гордятся, что с тобой дрались. – засмеялась Стефа.

*

Постепенно дела входили в нормальное русло, и атмосфера сумасшедшего дома сходила на нет. Заводу «Мегафон» было ещё очень далеко до идеальной отлаженности «Артефакты», но его уже можно было назвать нормально функционирующим. За всеми этими хлопотами как-то незаметно наступило лето.

Зайка зашла ко мне в кабинет, и с затаённой гордостью протянула мне свой табель. Я не стал проглядывать его мельком – слишком много труда она вложила в этот табель с десятками по каждому предмету, и небрежный просмотр был бы неуважением, граничащим с оскорблением. Я внимательно читал каждую строчку, одобрительно кивая и поглядывая на смущающуюся Зайку. Наконец я отложил его и сказал:

– С твоим умом и трудолюбием другого результата я и не ждал. Поздравляю!

Зайка порозовела и смутилась окончательно. Открыв свою папку, она достала ещё один листок и протянула его мне. Он оказался отчётом по тем двум тысячам, которые я ей дал для спекуляций год назад.

– Что?? – поразился я, взглянув на итог. – Три тысячи двести семьдесят три? Как ты умудрилась этого добиться?

– Случайно, господин, – заулыбалась Зайка, – одна группа брокеров затеяла игру против другой группы, а у меня получилось разобраться в их тактике. В результате я немного пощипала и тех, и других.

– Ну что ж, давай продолжим это развлечение, но тебе пора привыкать к другим суммам. Давай сделаем так: двести семьдесят три гривны переводы на свой личный счёт, это будет твоя премия, а к оставшимся трём тысячам я переведу тебе ещё семнадцать. С двадцатью тысячами управляться гораздо сложнее, но я верю, что ты справишься. Не ограничивайся биржей, попробуй и другие варианты.

– Спасибо, господин. Знаете, ещё совсем недавно у меня такие суммы даже в голове не умещались, а сейчас я как-то даже не очень и пугаюсь.

– В этом и состоит вся идея. В будущем я вижу тебя тиуном семьи, или даже фамилии. Теорию тебе дадут в университете, а вот практику придётся набирать, оперируя реальными деньгами. Другого способа нет.

– Я не подведу, господин!

– Теперь насчёт «Мегафона». Вся наша команда прекрасно поработала. Я бы сказал, мы сделали практически невозможное, и сейчас настало время для поощрений. Ты получаешь

премию первой, и она, конечно, самая большая. Вот твой чек на тысячу гривен.

Зайка опять засмушалась.

– У тебя же сейчас трое подчинённых? Реши сама кому и сколько дать премии, и подай мне список. Особо отличившемуся, скажем, сотню гривен. В общем, где-то в этих пределах.

– Сделаю, господин.

– Теперь давай поговорим о делах насущных. Нам давно стал тесным наш маленький домик, наша семья остро нуждается в нормальном поместье. Я хочу, чтобы этим летом ты занялась подбором участка. Нам нужен участок размером не менее одной квадратной версты, и не более трёх. И где-нибудь в хорошем месте – на юго-восточных болотах я жить не хочу. Расположение недалеко от Тириных будет плюсом – мы постепенно идём к союзу с ними. Найди хороших ландшафтных архитекторов, и пусть они подготовят предварительную планировку для подобранных участков, по этим планам мы и будем делать окончательный выбор. Кстати, тебе тоже пора задуматься о том, каким ты хочешь видеть свой будущий дом.

– Зачем мне отдельный дом? Нам с Кириллом многого не нужно.

– Ты не сможешь долго уютиться в трёх комнатках. Пройдёт всего несколько лет, и у тебя появится муж, а потом и дети. Тебе всё равно понадобится дом, и его лучше строить сразу. Семейная часть поместья будет небольшой, там сложно будет нарезать участки по необходимости.

– Я поняла, господин, всё сделаю. – Зайка быстро чиркала в своём ежедневнике.

– Теперь о твоём отдыхе. Нет-нет, не смотри на меня так, это обязательно. Куда ты хотела бы поехать?

Зайка задумалась.

– Я читала как-то про курорт «Хвалисса» на Хвалисском[29] море, недалеко от Итиля[30]. В журнале так его расписывали, что мне сразу захотелось там побывать.

[29 - Каспийское море. 30 - Столица Хазарского каганата, центр которой с дворцом каганы располагается на острове Волги, а окраины – по обоим берегам. Также сама река Волга.]

– А ты хочешь ехать с Кириллом или одна?

– С Кириллом, конечно.

– Видишь ли, в каганате закон позволяет изъятие несовершеннолетнего мальчика из семьи в гарем аристократки. Разумеется, при условии щедрой компенсации семье мальчика. Знатные семьи имеют иммунитет от этого, но пикантный момент состоит в том, что у иностранцев, даже знатных, такого иммунитета нет. Так что если ты не готова пойдти на риск принудительной продажи Кирилла в чей-то гарем, то вам не стоит ехать туда вместе.

Зайка с совершенно круглыми глазами отрицательно замотала головой.

– Я также не советую тебе ехать в муслимские государства, расположенные на южных побережьях Русского[31] и Римского[32] морей. Там уже у тебя есть заметный шанс попасть в чей-нибудь гарем.

[31 - Чёрное море. 32 - Средиземное море.]

– А мне говорили, что это только добровольно...

– Разумеется, добровольно. – саркастически улыбнулся я. – Всё давно отработано. Тебя подпаивают эликсиром, подавляющим волю, и ведут к кади. Там ты совершенно добровольно произносишь формулу принятия ислама и даёшь согласие на брак. Когда ты, наконец, возвращаешься в нормальное состояние, то с изумлением обнаруживаешь себя четвёртой женой в гареме какого-нибудь шейха. Примеров хватает, муслимы регулярно проделывают этот фокус с красивыми туристками.

Зайка выглядела совершенно обалдевшей от этих открытий. Ну да, в журнальной рекламе все эти малозначительные подробности обычно не упоминаются.

– Я бы посоветовал тебе поехать куда-нибудь к христианам, – продолжал я, – неважно, к греческим или римским. Например, на побережье Адриатического моря есть несколько прекрасных курортов. Но ты должна понимать, что тебе нужно быть осторожной в любой стране. Ты очень похорошела за это время, за мальчика тебя уже не выдать при всём желании. Для красивой девушки опасность есть везде. Поэтому я отправлю с тобой бригаду охраны, которая возьмёт на себя заботу о твоей безопасности.

– Тогда может мне вообще не стоит куда-то ехать?

– Мне самому не очень хочется тебя отпускать, но тебе всё-таки необходимо как следует отдохнуть, и желательно в тёплом климате. Так что подбери себе хороший дорогой курорт где-нибудь в христианской Европе, и просто соблюдай осторожность. И слушайся свою охрану.

– Я всё поняла, господин. Я буду осторожна.

*

– А мальчик, однако, неплохо развернулся. – как бы в пространство заметила Стефа.

Ольга негромко хмыкнула, но промолчала.

– А Мила-то уже девятка, оказывается, – продолжала Стефа, – и как мне сказали, продолжает расти.

– И что с того, что продолжает? – проворчала Ольга. – Мы же с тобой знаем, как становятся Высшими. Не думаю, что у неё что-то получится.

– Что мы с тобой думаем – неважно. Важно, что решит Сила. – мягко возразила Стефа. – Мне кажется, у Милы как раз всё получится.

– Ну и к чему ты про это заговорила? – поморщившись, спросила Ольга.

– Род недоволен. В общем-то, недовольные голоса были и раньше, но сейчас люди начали высказываться открыто. Мы уже не можем просто не обращать внимания.

– И чем они недовольны?

– Например, род спрашивает: почему второй Кеннер Ренский, оказывается, вовсе не Ренский, а какой-то Арди? Каким образом Милослава Ренская перестала быть Ренской? Почему те, кто должен был стать гордостью рода, не имеют к роду никакого отношения? Я не знаю, что отвечать.

Ольга презрительно фыркнула, но промолчала.

– Ольга, если Милослава действительно поднимется до Высшей, эти вопросы зададут уже прямо тебе. Изгнание дочери род не одобрил, но это всё же было твоим семейным делом, и люди промолчали. Но потерю Высшего целителя род так просто без вопросов не оставит. Тебе придётся отвечать.

– Ну хорошо, я признаю, что погорячилась. – неохотно выдавила из себя Ольга. – Ты довольна?

– Я и без этого всегда знала, что ты была неправа. – ответила Стефа. – Дело не во мне. Нам нужно что-то делать, иначе недовольство будет только расти.

– И что ты предлагаешь?

– Надо восстанавливать отношения, Ольга. Хватит упрямиться. Разбитое не склеить, Ренскими они не станут, но эту вражду пора заканчивать. Пора начинать понемногу налаживать отношения. Кеннер вполне вменяемый, а через него можно выйти и на Милославу. Если Арди будут дружественной семьёй, то это сильно убавит недовольство родовичей. Мы хотя бы сможем сказать, что пытаемся исправить свою ошибку.

Ольга, нахмурившись, смотрела в окно и молчала.

– От тебя пока ничего не требуется, я займусь этим сама. Но потом придётся что-то делать и тебе. Ольга, ты должна пересилить свой характер наконец. Это уже не твоё семейное дело.

– Хорошо. – нехотя ответила Ольга.

*

Лето прошло совсем незаметно. В летнем лагере Данислав задал нам такую нагрузку, что мы вообще потеряли всякий счёт дням, и немедленно отключались, едва добравшись до койки.

На мой вопрос, по какой причине он так за нас взялся, Данислав ответил просто: «С осени вам придётся ходить в школу, так что это последняя возможность для вас получить какую-то практику перед стажировкой. Если вас убьют во время стажировки, я хочу, чтобы это было не потому, что я плохо вас научил». Не скажу, что этот ответ меня особенно приободрил, но обоснование было, безусловно, веским.

После возвращения из лагеря началась эпопея с выбором участка для поместья. Мои женщины явно решили свести меня с ума, но это было ничто по сравнению с тем, что пришлось пережить бедным архитекторам, которые не успевали переделывать свои наброски. В конце концов героическими усилиями выбор был сведён к двум вариантам, и у меня появилась надежда, что окончательное решение уже не за горами. Там, правда, начнётся обсуждение проекта дома, но в этом я уже надеялся принимать самое минимальное участие.

За всеми хлопотами как-то внезапно наступил первый учебный день. Теперь уже мы были самыми старшими, и знакомая церемония торжественной линейки у нас, третьеклассников, никаких эмоций не вызывала. Рассеянно внимая речи директора, я поймал себя на том, что автоматически прикидываю, как можно максимально быстро ликвидировать всю группу учителей, и каким при этом должен быть маршрут отхода. Мельком глянув на Ленку, я понял по её характерно задумчивому виду, что она занимается тем же самым. Летний лагерь для нас даром не прошёл.

За лето наши девочки как-то все разом расцвели и повзрослели. Любовные конфигурации у нас приняли окончательный вид. Все мальчики оказались в надёжных лапках, но неудачницы, похоже, сдаваться не собираются, так что революциям и потрясениям быть. Бажана Второва приручили основательно, и шансы обрести свободу у него стали совсем призрачными. Покорные рабыни умело рулили своим на удивление послушным повелителем, а альфа-рабыня Лидочка Шенбах железной рукой правила всем гаремом. Я всегда скептически относился к описаниям обществ матриархата в фантастике, но глядя на эту картину, начал сомневаться. Если бы такое соотношение полов было бы не только среди одарённых, то возможно, общество и в самом деле пришло бы к какому-нибудь варианту матриархата. Для того, чтобы сопротивляться консолидированному давлению гарема, нужно иметь волю, далеко превосходящую волю усреднённого Бажана. В конце концов, в мире полно подкаблучников даже там, где нет многожёнства.

Первым уроком в этом учебном году оказался мой любимый предмет развития основы. Учитель оказался настроен на удивление добродушно:

– Полагаю, что мозги у вас за лето порядком размягчились, так что не буду вас сразу загружать. Давайте поговорим на свободную тему. Есть конкретные пожелания?

Я поднял руку:

– Расскажите о богах, учитель.

– О богах? И с чего ты решил, Арди, что я хорошо разбираюсь в этом вопросе?

– Откровенно говоря, учитель, я не думаю, что вы хорошо разбираетесь в этом вопросе, но я полагаю, что вы знаете об этом больше, чем мы все, вместе взятые.

Учитель надолго задумался. Наконец он заговорил снова:

– Вопрос и в самом деле совсем непрост. С одной стороны, боги всегда рядом с нами, и их храмы можно найти чуть ли не на каждой улице. С другой – если задуматься, то мы не знаем о них практически ничего, за исключением мифов, в которых невозможно отделить правду от вымысла, и которые никак не касаются фундаментальных вопросов, а описывают в основном похождения богов.

Учитель, опять помолчал, раздумывая.

– Но всё же, Арди, тема слишком обширная. Попробуй задать более конкретный вопрос.

– Меня интересует сразу несколько вопросов, учитель. Прежде всего: зачем богам нужны люди? Взять бога-громовержца – зачем молнии нужно поклонение людей и что такой бог получает от верующих? Или, к примеру, богиня любви явно связана с людьми, поскольку любовь есть чувство, присущее достаточно развитым организмам. Где она была, когда Землю заселяли исключительно бактерии? И вообще: в чём состоит назначение богов, и в чём они нуждаются, чтобы успешно выполнять свои функции?

– А ты не мелочишься, Арди. – покачал головой учитель. – Сказать по правде, сомневаюсь, что даже верховные жрецы способны ответить на эти вопросы. Боги охотно используют смертных, но как-то не торопятся удовлетворять их любопытство. Мы можем только гадать об этом. Существует несколько теорий на этот счёт; я упомяну одну из них, которая лично мне кажется наиболее интересной.

Одно время была популярна точка зрения, что боги – это нечто вроде паразитов, которые питаются людской верой, да и сейчас эту теорию не забыли. Однако она противоречит людской истории. Паразит всегда стремится законсервировать свою среду обитания, поскольку любое изменение нарушает баланс и ухудшает положение паразита. Но ведь боги никак не препятствуют развитию общества, даже когда имеют такую возможность. Вместо этого они изменяются вместе с обществом – например, Гефест был почти забыт, но примерно тысячу лет назад снова обрёл поклонников, уже как бог механикусов. Если же бог никак не может вписаться в изменившееся общество, он беспрекословно уходит. Мы знаем богов египтян, но кто в наше время поклоняется Осирису и его супруге? Сколько племенных божков тихо исчезли? Кто помнит богов скотоводов-кочевников? Кем бы боги ни были, они определённо не паразиты.

Ответить на этот вопрос практически невозможно, если рассматривать Вселенную просто как место, заполненное звёздами, а человечество – как некий побочный продукт, каким-то невероятным образом случайно развившийся из первичного раствора химических элементов. Но если допустить, что Вселенная – это не просто пространство, а некая сущность, обладающая если и не разумом в нашем понимании, то стремлением к развитию, то многие непонятные вещи получают логичное объяснение.

Теория, которую я упомянул, утверждает, что боги есть манифестация воли Вселенной, и нужны они для того, чтобы направлять и регулировать развитие разных аспектов Вселенной, в том числе и человечества. Поэтому боги и развиваются вместе с людьми. Вспомним зверобогов древности, которые сменились химерическими богами древнего Египта, и которые во времена античности пришли к полностью антропоморфной форме. Меняется и способ взаимодействия – если в древности боги действовали, больше полагаясь на принуждение и страх, в наше время для взаимодействия с богами гораздо точнее подходит слово «сотрудничество». Вероятно, боги исчезнут совсем, когда нужда в них исчезнет, и вернуться вновь, едва человечество отклонится от пути, предписанного для них Вселенной.

– Учитель, но ведь совершенно нет нужды привлекать какую-то непонятную вселенскую сущность, когда есть единый бог. – подала голос Урсула Вуйчик.

– Я так понимаю, ты христианка, Вуйчик, и имеешь в виду Христа? Насколько я знаю, Христос является обычным антропоморфным богом, и мало отличается от других богов, исключая, конечно, претензию на исключительность. Он плохо сочетается с идеей вселенской сущности.

– Вселенской сущностью является бог-святой дух. – продолжала настаивать Урсула.

– Да, я сейчас припоминаю, что с твоим богом связана какая-то сложная концепция, что он вроде один, но в то же время их несколько. Я недостаточно знаком с догматами твоей религии, чтобы аргументированно спорить на эту тему. Отмечу только один момент, который вызывает у меня сомнение. Только в известной нам области Вселенной насчитывается более триллиона галактик, каждая из которых содержит десятки и сотни миллиардов звёзд. И вот эта вселенская сущность обращает внимание на небольшую группу галактик где-то на дальних задворках периферийного скопления Девы. В одной из этих галактик из четырёхсот миллиардов звёзд она выбирает непримечательный жёлтый карлик на краю звёздного рукава, затем на одной из его планет находит крохотное полукошачье племя скотоводов, и объявляет его своим избранным народом. Не знаю как у тебя, Вуйчик, но в моей голове это не помещается. Либо мы чего-то не знаем о евреях, либо твой бог масштабом всё-таки поменьше Вселенной.

А главное, Христос взаимодействует с людьми непосредственно. Совершенно непонятно, зачем ему могло бы понадобиться создавать других богов. Как раз наоборот, к другим богам он относится крайне враждебно. Я считаю, что Христос, как и другие боги, сам является созданием разумной Вселенной.

Нет-нет, Вуйчик, мы не будем устраивать тут теологический диспут. Я ответил на вопрос Арди в меру своего понимания предмета, а если тебя не устроил мой ответ, просто игнорируй его. На этом давайте и закончим этот урок, тем более я уже слышу звонок. Задания я вам не даю, но завтра я обязательно захочу проверить чего вы достигли за лето. До свидания!

Это разъяснение только прибавило вопросов вместо того, чтобы дать ответы. Мне зачем-то дали вторую жизнь, притянув мою душу из другой Вселенной, и вряд ли это мог сделать кто-

то из второстепенных божков. Так кто же хозяин этого мира? Разумная Вселенная? Святой дух? Сила? Или всё это разные названия для одной и той же сущности? Можно найти убедительные аргументы в пользу любого из этих вариантов, но мне хотелось бы знать, а не догадываться. Я уверен, что мне вернули жизнь не просто так, и за этот подарок рано или поздно придётся платить. У меня есть долг, по которому, возможно, тикают проценты, и мне стоило бы для начала хотя бы понять, кому я должен.

Глава 16

Это был один из тех осенних дней, которые отличаются от зимних только отсутствием снега. Воздух был свежим и морозным, и начинающие временами кружить мелкие снежинки ясно показывали, что осень кончилась, и зима уже совсем рядом. С самого утра мне было беспричинно тревожно; на уроке арифметики, который был четвёртым, я не находил себе места, и уже было решил сразу после урока обзванивать своих людей и выяснять, всё ли у них в порядке, но тут Зайка вызвала меня сама.

– Господин, охрана «Мегафона» заметила двух подозрительных людей. Они присматривались к ограде и окнам. Задержать не сумели – когда туда добрался наряд охраны, они уже исчезли.

Вот оно! Я так и знал, что предчувствия меня не обманывают – с каждым годом они становятся всё точнее и ошибаются всё реже.

– Учитель, прошу прощения, но мне нужно выйти на минутку. – сказал я Лентре, вставая и выходя в коридор.

Лентре проводил меня удивлённым взглядом, но возражать не стал.

– Мы ждём неприятностей, будьте готовы ко всему! – начал я давать инструкции Зайке. – Охране выслать патрульные группы за пределы завода. Незаметно наблюдать за окрестностями и задерживать всех подозрительных. Персоналу завода мелькать поменьше.

– Мы ждём чего-то конкретного?

– Нет, просто неприятностей. В какой форме они выразятся, я не знаю. Лучше быть готовым к чему угодно, вплоть до вооружённого нападения. В общем, взбодри там всех и держи меня в курсе дел.

– Всё ясно, господин. – сказала Зайка и отключилась.

Я тут же вызвал Лазовича. К счастью, дружина уже успела вернуться с очередного контракта и была полностью боеготовой. За время, прошедшее с прошлой зимы, дружина, которая была зарегистрирована в гильдии как отряд «Стальная лапа», успела заметно увеличиться и пройти три непростых контракта. Бойцы уже не напоминали толпу новобранцев, и отряд, наконец, обрёл какую-то форму – полная сотня[33] прекрасно оснащённых пехотинцев с восемью бронеходами и пятью боевиками-Владеющими представляли собой серьёзную силу

даже по меркам дворянских семей. В планах было увеличение состава до двух-трёх сотен, после чего наша семья уверенно войдёт в высшую лигу.

[33 - Сотня – воинское подразделение численностью от восьмидесяти до полутора сотен бойцов. Обычно состоит из трёх-четырёх копий, которые в свою очередь состоят из трёх-четырёх десятков.]

– Станислав, поднимай дружину. Возможно нападение на «Мегафон», так что твои орлы должны быть готовыми выехать немедленно.

– Понял, выполняю. – коротко ответил Станислав.

Я вернулся в класс, и на меня обратил внимание Лентре.

– Арди, что-то произошло?

– Пока ничего, учитель, – ответил я, – но возможно, мне придётся срочно уйти.

Лентре неопределённо хмыкнул и продолжил урок.

Я сидел на уроке как на иголках, но ничего не происходило. После алхимии, которая была последним, пятым уроком, я уже было решил, что моё предчувствие всё-таки ошиблось, но вскоре Зайка вызвала меня снова:

– Господин, двое неизвестных забросили бомбу в окно комнаты для совещаний. Патруль их задержал. Убитых нет, есть несколько раненых.

– Ждите меня, выезжаю.

Мы разговаривали по семейной мобилке, и Ленка с мамой всё, разумеется, слышали. Всё-таки обычный сотовый телефон в чём-то удобнее, но где я, а где тот сотовый телефон.

– Я тоже еду. – встряла Ленка.

У меня даже мысли не возникло её отговаривать – какой смысл тратить время попусту?

– Дети, будьте осторожнее. – потребовала мама.

– Мама, не беспокойся, – ответил я, – мы ни в какие опасные места не полезем, Лазович сделает всё, что нужно.

Разбитые окна и следы копоти на фасаде заводууправления наглядно показывали, куда была заброшена бомба. Из сообщения Зайки я было подумал, что речь идёт о простой гранате, но тут явно было использовано что-то посерьёзней – разрушения угадывались даже снаружи. К тому же взрыв вызвал пожар. Пожар был уже потушен, но выбитые окна до сих пор курились дымком.

Охрана сразу же провела меня в комнату, где держали нападавших. Двое задержанных стояли на коленях со скованными за спиной руками. На вид это были типичные бандитские быки – собственно, а кого ещё можно было ожидать? Скрипачей филармонии не посылают швырять бомбы в чужие окна. Кроме бойцов и командира охраны, в комнате присутствовали Милен Второв и мои люди – Зайка и почему-то Жданова со Стоцкой. Второв с виду был не в себе, глаза у него были слегка безумные.

– Доклад! – потребовал я.

– Господин, бомбу бросили в зал совещаний, примыкающий к кабинету почтенного Милена. – немедленно начала докладывать Зайка. – К счастью, в этот момент никого в зале не было – в последний момент совещание отложили на полчаса, и руководители ещё не собрались, а секретарша, готовившая совещание, как раз в этот момент вышла из зала за бумагами. Почтенный, который был в своём кабинете, отделался незначительными ушибами. У секретарши шоковое состояние, сильные ушибы и ссадины. У сотрудника, который в этот момент проходил мимо дверей зала совещаний, лёгкое сотрясение и перелом руки от вылетевшей двери. Ими занимаются вызванные лекари. В возникшем пожаре пострадала часть документов. Состояние здания пока оценить невозможно, но некоторые стены заметно повреждены. Это в основном всё.

– Задание для тебя, Кира. Обоим пострадавшим по премии в размере месячного оклада, и после лечения отправь их с семьями на какой-нибудь курорт недели на три-четыре за счёт завода. А первым делом свяжись со строителями. Пусть они проведут полное обследование здания и решают вопрос с восстановлением.

– Да ничего особенного со зданием не случилось. – встрял Второв. – заштукатурить только и покрасить.

– Об этом не нам с вами судить, почтенный, – строго ответил ему я, – мы с вами не строители, и я не собираюсь брать на себя такую ответственность. Нам ещё только не хватало откапывать людей из завалов. Пусть специалисты обследуют и составляют акт. Вот там и видно будет, случилось со зданием что-то особенное или нет.

– Кира, задача ясна? – обратился я к Зайке. – Выполняй.

Зайка бросила взгляд на бандитов, поклонилась, и вышла. Нечего ей здесь делать, а главное, ей совсем не стоит видеть, что здесь дальше будет. Но я думаю, что она прекрасно поняла, почему я её отослал – с умом у неё всё в порядке.

– Я, пожалуй, тоже пойду. – пробормотал Второв.

Ага, решил спихнуть всё на меня и свалить. Ну уж нет – он мне в своё время красиво рассказывал, что не должен никому платить, поскольку и так платит налоги. Вот пусть и посмотрит, какой ценой это покупается, и что должен делать тот, кто не хочет никому платить.

– Ни в коем случае, почтенный, – твёрдо заявил ему я, – вы высший руководитель, ответственный за всё, что происходит на заводе, и ваше присутствие здесь совершенно необходимо.

– Господин, – обратилась ко мне Жданова, – я могу помочь почтенному Милену разобраться с бумагами и помочь восстановить то, что пострадало. И раз уж почтенный на месяц остался без секретарши, я временно пришлю кого-нибудь из своих сотрудников.

Интересно, почему она вызвалась? Похоже, намекает, что готова провести ревизию бумаг Второва. Посмотрим – если потом она придёт ко мне с докладом, значит умная, и можно будет подумать о её повышении.

– Хорошее предложение, достойная Есения, – кивнул я, – так и сделаем.

Мне нравятся местные обращения! По статусу её надо называть «уважаемая», но назвав её «достойной», я намекнул, что статус её внезапно стал не таким уж определённым, и у неё появился шанс стать «почтенной». И по блеску в глазах видно, что намёк понят правильно.

– Раз уж мы разобрались с насущными делами, пора уделить внимание нашим гостям. Антон, – обратился я к командиру охраны, – у тебя тут есть кто-нибудь, кто умеет спрашивать?

– Конечно есть, господин, – с достоинством ответил Кельмин, – у меня все парни с боевым опытом. Спросим как надо. Дрёма, – обратился он к бойцу, – пригласи клиента к беседе.

Тот достал нож, не торопясь подошёл к задержанному, и одним взмахом отсёк тому ухо. Бандит взвыл.

– Замолкни, дурилка, – добродушно сказал ему Дрёма, – а то щас ещё чего-нибудь отстригу. Вот, молодец. И отвечай господину как положено. А то ведь всё равно запоёшь как соловей, когда женилку отрежу, только она взад не прирастёт.

Бандит полностью поплыл. Всё верно, это же не идейный партизан, эти ребята храбрые только с теми, кто ответить не может. Они больше привыкли лавочников тиранить. Я бросил мимолётный взгляд на присутствующую публику. Ленка с Есенией выглядели совершенно спокойными, хотя я чувствовал, что Ленка просто волевым усилием давит эмоции. Стоцкая слегка позеленела, но держала себя в руках. А вот Второв поплыл как бы не больше этого бандита, хотя ему никто ухо не отрезал. Ну, это даже и к лучшему, ему давно пора уже уяснить, что в этом мире пони не какают бабочками[34]. А то ощущается в нём временами некоторое недовольство наличием компаньона с решающим голосом.

[34 - Цитата из мультфильма «Хортон»: «А в моем мире живут только пони. Они питаются радугой и какают бабочками».]

– Итак, уважаемый, – обратился я к подопечному Дрёмы, – кто вас послал?

– Миша Тверской. – ответил тот, с ужасом косясь на Дрёму.

– И кто это такой? – удивился я.

– Господин, если позволите, – вмешалась Стоцкая, – я принесу материалы по нему.

– Несите, почтенная. – согласился я. – Мы подождём.

Стоцкая стремительно вышла и цокот каблучков быстро удалился. Какое любопытное совпадение – только этот самый Миша приказал закинуть мне бомбу, а у Стоцкой уже и сводка на него готова. И что бы это значило?

Стоцкая вернулась буквально через пару минут и протянула мне тощую папку. Так, и что у нас там? Миша Тверской, глава бандитской группировки, численность примерно семьдесят бойцов, облагает данью заведения в центральном районе города. Группировка базируется в большом особняке в Масляном конце (а неплохой райончик, получше, чем наш Кропотов Луг) и владеет ночным клубом «Серебряная мышь» (известное заведение, мы там были пару раз), а также, по надёжным сведениям, курируется семьёй Родиных (вассалы Хомских, как интересно).

Я внимательно посмотрел на Стоцкую, и она открыто встретила мой взгляд. Стало быть, она собирает разные материалы, выходящие за пределы её непосредственных обязанностей, и пользуется случаем мне об этом сообщить. Понятно теперь, зачем эти дамы тут оказались – кризис самое подходящее время, чтобы попробовать забраться выше. И ведь попробовали – и склоняюсь к мысли, что преуспели.

– Благодарю, почтенная. – я кивнул ей и снова повернулся к бандиту. – Стало быть, вы из банды Миши Тверского?

– Ну эта, из братства мы.

– Из какого ещё братства??

– С вашего позволения, господин, – сказал Дрёма, – эта шушера свои банды братствами называет, а себя братьями, стало быть.

– Ах, вот оно как. Ну братство так братство. Где сейчас Тверской?

– На базе в Масляном, ждёт нас.

– Сколько там людей?

– Наших человек сорок сейчас должно быть.

– Зачем Тверской решил бомбу бросить?

– Не знаю я, вот честно! Нам приказали, мы сделали.

Я повернулся к Кельмину:

– Думаю, толку от них больше не будет. Они не нужны.

Кельмин кивнул и дал знак охранникам. Дрёма быстрым движением перерезал горло своему подопечному, а другой охранник ловко проделал то же самое со вторым. Женщины стали совсем зелёными, а Второв грохнулся в обморок.

– Почтенный переутомился. – объявил я, задумчиво глядя на тело Второва. – Парни, положите его в сторонку, пусть немного отдохнёт. Антон, в целом твои хорошо поработали, я доволен. Я сейчас поеду побеседую с Мишей, а заодно и посмотрю, что у него за имущество. Ты пока ребят не отпускай, может потребуется что-то под контроль взять. И присмотришь к тем, кто знал и мог дать наводку на совещание.

Я посмотрел на Второва, счастливо пребывающего где-то там, и добавил:

– Когда будут вывозить трупы, пусть проследят, чтобы труповозка не прихватила заодно и почтенного, а то неудобно получится.

– Сбережём почтенного, не беспокойтесь, господин. – ухмыльнулся Кельмин.

*

Масляный конец был весьма фешенебельным районом, в котором держало свои резиденции целый ряд никому неизвестных, но явно очень богатых компаний. Однако основным населением района были проживающие в отдельных особняках дворянские семейства. Не аристократы, которые по большей части жили в своих поместьях, но и не молодые простолюдины, только-только пожалованные дворянством. Респектабельные дворянские семьи с несколькими поколениями благородных предков, средний дворянский класс, становой хребет княжества. Неширокие улицы Масляного конца редко видели что-то кроме дорогих самобегов, и длинная вереница военных грузовиков вызвала недоуменные взгляды местных обитателей. А когда за грузовиками потянулись транспортёры с лежащими на длинных платформах и укрытыми брезентом бронеходами, недоумение сменилось изумлением и растерянностью.

В районе дома номер 12 по Рябиновой процессия остановилась. Из кузовов начали выпрыгивать ратники в полной выкладке; брезент с платформ транспортёров слетел на землю, и буквально через несколько минут мощные домкраты подняли бронеходы на ноги. А ещё через несколько минут бронеходы вошли на участок, не затрудняясь открыванием ворот, просто снеся секции красивой кованой ограды. Вслед за бронеходами на участок просочились ратники и дом оказался полностью окружён. Хозяева попытались было пострелять из окна второго этажа, но очередь скорострельной пушки тут же заставила стрелка замолчать, оставив при этом зияющую дыру в стене.

А неплохо живут бандюки! Немалого размера участок с двухэтажным зданием в хорошем районе – вот как они умудрились его себе загрести? Или это им Иван Родин выделил от

щедрот? Сильно в этом сомневаюсь – Родины бандитов курируют для того, чтобы их использовать, а не для того, чтобы тратить на них деньги.

– Одуванчики, работаем гранатомётами по окнам, – скомандовал Станислав в мобилку, – чтобы в каждое окно не меньше пяти гранат. Васильки, зачищаем все входы. Отработайте как следует из пушек входные двери и стены рядом.

Одуванчики, васильки... помнится в том мире артиллерию тоже разными цветочками называли. Как же все вояки похожи друг на друга в любом мире, удивился я.

Закашливали гранатомёты бронеходов, закидывая гранаты в окна. Вслед за ними в хор включились скорострельные пушки тяжёлой, с каждой очередью выбивая целые фонтаны осколков кирпича и штукатурки. Через несколько минут никто бы не смог узнать прежний красивый особняк в стоящем в пылевом облаке здании с неровными дырами в стенах.

– Закончили. – приказал Станислав. – Одуванчики, гранаты во входные проёмы. Всё, закончили обстрел, штурмовые группы пошли.

Штурмовые тройки кинулись ко входам пригнувшись, хотя из здания никто не стрелял. Трудно было поверить, что там вообще остался кто-то живой, но бойцы явно привыкли в любой ситуации работать как положено. Я давно уже понял, как мне повезло с Лазовичем – далеко не каждый сумел бы всего за год превратить толпу новобранцев в первоклассную дружину.

Некоторое время ничего не происходило, из здания время от времени доносились короткие очереди и иногда взрывы гранат. Затем послышалась интенсивная стрельба; в одном из окон второго этажа показался ратник и махнул рукой вправо.

– Василёк-один, Одуванчик-три, отработайте по тем трём окнам. – скомандовал Станислав.

Прошло ещё несколько минут; Станислав выслушал очередной доклад и обратился ко мне:

– Господин, здание зачищено.

Весь штурм базы группировки не занял и получаса.

– Ну пойдём, что ли, посмотрим как Тверской живёт.

И я направился в дом в сопровождении Станислава. Ленка, естественно, отказалась сидеть в машине и увязалась следом.

Мы поднялись на невысокое крыльцо, раньше украшенное художественной ковкой и вошли в проём, перебираясь через остатки дубовой двери. Внутренний интерьер был оформлен в типичном бандитском офисном стиле, то есть дорого и безвкусно. Ну, по крайней мере, тут хотя бы чисто. То есть, до нас было чисто.

Мы шли по коридору, заглядывая в комнаты и аккуратно обходя тела и части тел убитых

бандитов.

– Тверского нашли? – спросил я Станислава.

– Ищем. – ответил он. – Там ребята парочку братьев взяли живыми, они опознают если что. Не понимаю – на что этот Тверской вообще рассчитывал?

– Да ни на что он не рассчитывал, он просто исполнитель. Ему приказали, он сделал. Интереснее было бы понять, на что рассчитывал Иван Родин, но тут мы пока можем только гадать.

– А Родины... – осторожно спросил Станислав.

– Нет, – отрицательно покачал я головой, – они нам не по силам, Хомские пока что не наш уровень. Но они с нами из-за Тверского тоже воевать не станут. Они не могут открыто объявить, что опекают и покрывают преступную группировку, даже если об этом знают все, вплоть до последней уборщицы.

За разговором мы непозволительно расслабились, считая, что здание полностью зачищено, и шум сзади застал нас врасплох. Никто не успел среагировать, когда из незаметной дверцы, за которой скрывалась ниша со швабрами, как чёртик из коробочки, выскочил уцелевший бандит. Мы едва успели обернуться, как он уже крепко держал Ленку, прижимая ей к горлу нож. Спиной он прижался к стене, прикрывшись Ленкой от нас. Глаза у него были совершенно безумные.

– Никому не шевелиться! – приказал я, стараясь не спровоцировать явного психа. – Чего ты хочешь?

– Я сейчас с ней пойду на выход, а вы стойте на месте! И скажите вашим, чтобы к нам не подходили!

– Хорошо, иди. – отозвался я. – Но если она пострадает, ты будешь умирать долго.

Совершенно неожиданно Ленка захныкала, отчего мы все, включая бандита, пришли в замешательство.

– Дяденька, дяденька, мне больно, ты меня режешь! – прохныкала она, схватив его за запястье.

Растерявшийся бандит немного отвёл нож. Ленка рванула его за запястье, отводя руку с ножом дальше. Тот совершенно не ожидал такой силы от девочки-школьницы и растерялся окончательно. Ленка ударила его локтем в живот, отчего тот хекнул и ослабил хват. Затем она грациозным движением выскользнула из захвата, заломила руку с ножом, перехватила выскользнувший из руки нож, и тут же вогнала его бандиту в солнечное сплетение. Всё вместе это заняло буквально пару секунд и было исполнено настолько великолепно, что присутствующий здесь Данислав, он бы, пожалуй, прослезился. Его труды определённо не пропали даром.

Момент испортила сама Ленка. Она отпрыгнула на пару шагов от бьющегося в агонии бандита, глядя на него круглыми глазами, а потом её начало неудержимо тошнить. Мы деликатно отвернулись.

– Станислав, передай своим бойцам, чтобы не расслаблялись и побереглись. – сказал я. – Нам ещё не хватало потерять кого-нибудь от такого вот живчика.

Станислав кивнул и прижал пальцем мобилку. Наконец, Ленка пришла в себя и кое-как привела себя в порядок.

– Я сделал глупость, – признался я, – не надо было сюда вообще идти. Нам повезло, что он не понимал, кого пытается взять в заложники.

Мы пошли дальше, на этот раз плотно прикрытые бойцами со всех сторон. Далеко идти не стали, остановившись в ближайшей большой комнате. Куча стаканов, в основном уже разбитых, и пустые бутылки из-под пива на полу намекали, что это нечто вроде комнаты для совещаний.

– Господин, – обратился ко мне Станислав, прослушав доклады по мобилке, – Тверского нашли мёртвым, попал под очередь бронехода. Там голова отдельно, а ноги отдельно, но опознали его надёжно. Трёх братьев взяли живыми, и ещё в подвале нашли четверых каких-то непонятных людей.

– Братков в расход, но пока подожди часок, вдруг понадобятся. Непонятных пусть ведут сюда, разберёмся. Снимай оцепление и увози бронеходы на базу, хватит нервировать местных. Оставь здесь одно копьё[35], остальные тоже пусть едут на базу.

[35 - Копьё – воинское подразделение, обычно из трёх, иногда четырёх, реже двух десятков. Примерно соответствует взводу. Термин пришёл из Европы, прообразом было рыцарское копьё.]

– Там возле транспортёров пацаны со всей округи собрались. Ничего не боятся, засранцы! – осуждающе сказал Станислав. – Парни уже замаялись их гонять.

– Станислав, ты как будто сам пацаном не был. – засмеялся я. – Они нас скоро будут штурмом брать. Вот поэтому надо побыстрее лишних отсюда увозить, а оставшиеся машины на участок загнать. Чтобы всем было ясно, что здесь ничего интересного не происходит, мы просто заехали в гости к товарищу.

Непонятными людьми оказались мужчина в белой куртке и колпаке, две пожилых женщины в фартуках, и молодая женщина в элегантном деловом костюме. В общем-то, не надо было быть гением, чтобы угадать кто есть кто – повар, прислуга, и секретарша Миши Тверского.

– Уважаемые, вот вам на дорогу до дома и компенсация за беспокойство. – я выдал по гривне повару и служанкам. – У вас есть какие-нибудь жалобы на моих бойцов?

Они замотали головами, глядя на меня с ужасом.

– В таком случае, я с вами прощаюсь, вас проводят на выход. А вас, уважаемая, – обратился я к секретарше, – я вынужден ненадолго задержать.

– Господин, вы меня отпустите? – дрожащим голосом спросила она.

– У нас с вами нет ни малейшего повода для конфликта. Претензии у меня были исключительно к членам банды. Я надеюсь, вы поможете нам разобраться с бумагами Тверского?

– Я помогу всем, чем могу. – заверила она.

– В таком случае, я клянусь честью, что вы уйдёте отсюда живой и невредимой. – пообещал я. – Минут через двадцать-тридцать сюда придёт госпожа Кира со своими людьми. Покажите ей всё, и ответьте на все её вопросы. После этого вас наградят и отвезут куда скажете, в целостности и сохранности.

*

Вечером Ленка пришла ко мне. Она перестала спать со мной лет в десять, как подросла, но иногда, когда ей было плохо, она, как в детстве, ночевала со мной. Вот и сейчас она обняла меня и крепко прижалась, дрожа и шмыгая носом. Я погладил её по голове и сказал:

– Мне нет прощения, милая. Я должен был тебя защитить и не смог.

– Нет, Кени, я сама виновата. Я хотела помочь, а оказалась обузой.

– Ты мне помогаешь уже тем, что ты рядом. Но давай не будем заниматься самоедством. Просто будь осторожнее, а я буду внимательнее.

Мы лежали молча, пока она наконец не успокоилась и не засопела, а вскоре заснул и я.

Глава 17

Зайка зашла ко мне в кабинет, держа в руках толстенную папку с бумагами. Глаза у неё были красными от недосыпа и весь вид говорил об усталости.

– Зайка, ты меня опять вынуждаешь тебя ругать. – недовольно сказал я. – Я, пожалуй, найду тебе няню, чтобы она тебя вовремя укладывала спать.

– Вы тоже выглядите невыспавшимся. – парировала она.

– Хм, – смутился я, – действительно, как-то всё времени не хватает в последние дни. Но всё же выпись сегодня нормально, хорошо? Ну вот и договорились, а теперь докладывай.

– По результатам конфликта с группировкой Тверского мы получили документы на целую

группу коммерческих предприятий. Все они оформлены по Акту «О негласном владении»[36].

[36 - Акт «О негласном владении» от 7604 года, см. вики по миру Кеннера: <https://kenner.fandom.com/ru/wiki/Право>]

– Я правильно полагаю, что Тверской не был дворянином? – уточнил я.

– Да, он был простолюдином. Но условие негласного владения при необходимости легко обходится фиктивным владельцем-дворянином.

– Действительно, – согласился я, – никогда не понимал, зачем вставлять в закон условия, которые элементарно обходятся. Политика! Но продолжай, пожалуйста.

– Особо доходных заведений в этом списке нет, исключая разве что ночной клуб и торговый комплекс, но в совокупности можно рассчитывать тысяч на двадцать в месяц. Я разделила все предприятия на три группы. В первую группу входят безусловно интересные нам предприятия – доходные и респектабельные. Например, туда входят ночной клуб «Серебряная мышь», торговый комплекс «Старый Волхов», ресторан «Ушкуйник» и ещё несколько заведений. Во вторую группу я отнесла сомнительные заведения – либо мало доходные, либо не вполне респектабельные. Примером «не вполне» может служить трактир «Пьяный кабан» в районе Волховского порта. Местечко с соответствующим контингентом, постоянные драки и всё в таком роде. И наконец, третья группа – это то, с чем я бы не рекомендовала связываться даже при негласном владении. Бордели, игорные притоны и прочее в том же духе.

– Насчёт второй группы: от недостаточно респектабельных избавляемся, а с приличными, но мало доходными надо отдельно поразбираться. Возможно, их как-то получится оживить, или хотя бы отдать на откуп кому-нибудь, кто готов с ними возиться. Третья группа для нас однозначно исключается, я не собираюсь рисковать репутацией семьи. Есть предложения, что нам с этими притонами делать?

– Можно эту публику выселить, помещения привести в порядок, и продать просто как помещения. – немного подумав, предложила Зайка.

– Вопрос только в том, годятся ли эти помещения для чего-то кроме притонов, там же наверняка и окружение соответствующее. К тому же мне вообще не хочется, чтобы нас хоть как-то связывали с этими заведениями, а если мы начнём их выселять, то фактически объявим себя владельцами. Это может при случае всплыть, и кто там будет разбираться, когда и как мы ими завладели. Лучше давай попробуем немного с этим подождать. Есть у меня ощущение, что очень скоро другие группировки ненавязчиво поинтересуются, не хотим ли мы от такой радости избавиться.

– И что мы ответим? – озадаченно спросила Зайка.

– А мы им всё продадим, почему бы и нет? Но так, чтобы нас с этим никак не связали. Пусть

приезжают с наличными и забирают сертификаты владения. Они только рады будут, всё меньше нелегальной налички отмывать. Наличных у нас на руках получится многовато, но со временем постепенно от них избавимся.

– А если это потом всплывёт?

– Будет неприятно, конечно, но ничего страшного. Законов мы никаких не нарушаем, от налогов мы, как дворянская семья, освобождены. Имеем полное право продать без объявления о сделке.

– Понятно. Тогда ещё один вопрос: что мы будем делать с бывшей базой группировки? Оставим себе или продадим? Хочу предупредить, что здание сильно повреждено обстрелом, ремонт обойдётся недёшево.

– Участок надо себе оставлять, очень уж район хороший. А здание давай снесём и построим своё, этажа в три-четыре. Участок вполне позволяет выстроить здание, где поместятся все наши службы. Сколько можно ютиться по съёмным углам?

– Мы же будем строить поместье?

– Там мы будем жить, учреждений там не будет. Будут только наши особняки, дома слуг и парк, а дальше посмотрим. В общем, ставь задачу архитекторам.

– Хорошо, господин, сегодня же займусь.

– Ещё имей в виду, что мы начинаем постепенно увеличивать дружину – до двух сотен ратников плюс бронеходы и прочее по штату. Станислав подаст тебе смету. Я отправляю заявку в Академиум ещё на восемь боевиков, хотя сразу нам столько, конечно, не дадут. Ну и охрану расширяем. Антона Кельмина я уже официально ставлю руководить всей службой охраны. Так что начинай прикидывать по деньгам.

Зайка тяжело вздохнула и закатила глаза. Я усмехнулся.

– А в целом Миша нам неплохо помог, пусть земля ему будет пухом! – с чувством сказал я. – Может, ещё кто захочет нас обидеть?

– Сомневаюсь, господин. Вы газеты читали?

– Вообще-то Мира каждый день подаёт мне сводку, но в последние дни мне было сильно не до газет. Я что-то пропустил?

– Нас там уже какими-то кровавыми упырями рисуют. Если ещё не написали, что мы прохожих прямо на улицах расстреливаем, то до этого недолго осталось. Из нас такое пугало сделали, что вряд ли кто ещё рискнёт с нами связываться.

– Вот как? Какая-то польза в такой репутации, конечно, есть, но всё хорошо в меру. – я нажал кнопку вызова секретарши, и она немедленно появилась. – Мира, ты газеты

просматриваешь? Кто там нас особенно не любит?

– Солидные газеты в основном пишут нейтрально с ноткой осуждения. Больше бульварная пресса усердствует.

– Выбери три-пять газет из особо активных и вызови их редакторов ко мне завтра, скажем, на два пополудни.

Мира и Зайка посмотрели на меня с одинаковым удивлением.

– Господин, а если они откажутся? – осторожно спросила Мира.

– Просто скажи им, что я усматриваю в их публикациях клевету и оскорбление семейства Арди и меня лично. И если они не приедут ко мне для обсуждения этого вопроса, то я приеду к ним сам, только им это, скорее всего, не понравится.

*

– Здравствуйте, почтенные! – дружелюбно приветствовал я четверых редакторов газет, входя в переговорную.

Трое почтенных встали, приветствуя меня, а немного погодя к ним неохотно присоединился и четвёртый.

– Прошу садиться. – гостеприимно махнул я рукой, усаживаясь сам. Сзади меня встала Мира, держа в руках папку с бумагами. У двери заняли позицию двое охранников, на которых редакторы опасливо косились.

– Не буду отнимать у вас драгоценное время, почтенные, и перейду сразу к делу. Мне не нравятся ваши последние публикации, касающиеся меня и моей семьи. Они мало того, что оскорбительные, они ещё и клеветнические. Однако, как человек глубоко миролюбивый, я решил не рубить сплеча...

Я усмехнулся, а редакторы явно почувствовали себя неуютно.

– ...а сначала постараться прийти к какому-то соглашению. Я понимаю, что вам было уплачено за эти статьи, и что вам необходимо отрабатывать плату...

Трое редакторов смутились, но четвёртый всё так же мрачно глядел на меня.

– ...но всех денег не заработаешь, а вы на этой теме уже заработали всё, что могли. Смирись с этим.

– Так что же вы хотите от нас, господин Кеннер? – спросил один из редакторов.

– Я хочу, чтобы вы прекратили эту кампанию и напечатали опровержение. Мне не особенно важна форма опровержения, но из него должно быть совершенно ясно, что все

опубликованные ранее инсинуации не соответствуют истине. И никаких фокусов вроде печатания его мелким шрифтом где-нибудь в дебрях предпоследней страницы.

– И что же будет если мы откажемся? – неприязненно спросил четвёртый редактор, который с самого начала выглядел проблемным. – Будете нам угрожать?

– Самуил Катцель, редактор «Голоса гражданина». Я не ошибся?

– Не ошиблись. – без особой охоты подтвердил тот.

– Мерзкая газетёнка, вы уж не обижайтесь на правду, почтенный.

Газетёнка и впрямь была ещё той помойкой. Истеричная, лживая, и совершенно продажная – даже не жёлтая, а скорее ближе к коричневой. Позиционировала она себя как рупор либеральной общественности. Я протянул руку назад и Мира вложила мне в руку пачку вырезок.

– Итак, что тут у нас? «Кровавый маньяк», «убийца мирных граждан», «окровавленные клыки», «дурная наследственность» хм, даже так? Надо будет послать это бабушке, сиятельная Ольга Ренская наверняка найдёт этот пассаж забавным. Так, что там дальше... «оголтелый фанатик»? Ну, тут автора что-то уж совсем занесло. Дальше всё в том же духе. Кстати, кто конкретно это написал? Кто такой этот самый «Неравнодушный гражданин»? Что?? Вы что, сами эти перлы сочинили?

Взгляд Катцеля предательски вильнул.

– Какая вы, однако, разносторонняя личность, почтенный Самуил! Впрочем, не вижу смысла читать вам мораль. Итак, вы согласны воспользоваться моим великодушным предложением?

Катцель молчал. Как же удачно получается, что он сам вызвался стать наглядным примером. В целях назидания, так сказать.

– Ну что же, это ваша жизнь, вам и решать. Учитывая очевидность и тяжесть оскорблений, я мог бы убить вас прямо тут, но будучи человеком гуманным и справедливым, я даю вам равный со мною шанс. Мы с вами будем драться на дуэли. На шпагах, до смерти.

– Я не собираюсь с вами драться! – возмутился Катцель.

– Это ваше право – умереть не сопротивляясь. – согласился я. – Значит, я вас просто убью.

– Это незаконно! Для дуэли требуется разрешение Дуэльного Комитета!

– Для дуэли дворян, – поправил его я, – для дуэли с вами мне никаких разрешений не нужно. И вашего согласия тоже не нужно. Вы или дерётесь, или умираете без драки. Дрёма!

– Да, господин! – отозвался охранник.

– Почтенного доставить в дуэльный зал на улице Новгородских повольников[37]. Подберите ему там шпагу. Мира, распорядись, чтобы туда прибыл нотариус на случай, если почтенному понадобится отдать последние распоряжения.

[37 - Повольники, они же ушкуйники – новгородские пираты. Как это нередко случается, через несколько сотен лет благодаря романтической литературе они приобрели имидж таких добрых разбойников и защитников слабых.]

Катцеля вытащили из-за стола невзирая на крики и сопротивление, и уволокли из комнаты.

– Почтенные, прошу прощения за это небольшое отвлечение. Я не слышал вашего согласия. Так мы с вами договорились или нет?

– Договорились! – вразной ответили редакторы.

– В таком случае прошу меня извинить, я должен уделить внимание почтенному Самуилу. Мира, а ты пока позвони в «Голос гражданина» и пригласи ко мне заместителя редактора. Редактор, увы, скоро будет не с нами, а решать проблему всё равно нужно.

Я встал. Редакторы тоже подскочили.

– Всего хорошего, почтенные! Надеюсь завтра увидеть в ваших газетах надлежащее опровержение.

Редакторы торопливо откланялись, и с явным облегчением покинули комнату.

*

– Что там у нас сегодня с прессой, Мира? – спросил я секретаршу, усаживаясь за стол.

– Опровержение напечатали все, но в «Голосе гражданина» рядом с опровержением поместили некролог почтенного Самуила, где в частности, сказано, что он убит за то, что говорил правду. Это несколько обесценивает опровержение, намекая на его неискренность.

– Было бы наивным ожидать, что они не воспользуются любой возможностью сделать пакость. Но формально нашу договорённость выполнили, так что придирааться не будем. Почтенный Самуил, так сказать, мстит нам даже из гроба, прямо сюжет для дешёвого романа. Кстати, отчего он был так непримиримо настроен?

– Я выяснила этот вопрос. Его сын был одним из помощников Тверского и погиб вместе с ним. Там, насколько я поняла, было налажено взаимовыгодное сотрудничество.

– «Голос ах какого гражданина», да? – усмехнулся я. – И отчего я не удивился? Но довольно об этом. Я тут недавно узнал, что ты закончила юридический факультет университета. Почему ты работаешь секретаршей?

– Я не смогла устроиться по специальности после выпуска. Как оказалось, попасть на

хорошую должность почти невозможно без правильных знакомств. Красивой секретарше найти себе место гораздо проще.

– Но с дополнительным набором обязанностей, не так ли? – хмыкнул я.

Мира покраснела.

– Впрочем, это не моё дело, и как ты могла заметить, я к подобным руководителям не отношусь. Скажи, тебя устраивает работа на меня?

– Полностью, господин. – настороженно ответила Мира.

– У тебя нет сожалений, что из-за меня ты лишилась работы у Радима Лосева?

– Почтенный Радим был порядочным козлом. Я рада, что работаю у вас, господин. Меня всё устраивает.

– Очень хорошо, вот и я решил, что ты меня устраиваешь. С сегодняшнего дня твоё жалованье увеличивается. Насколько я знаю, твоя квартира куплена под банковский залог?

– Да, господин.

– Подойди к госпоже Кире. Мы выкупим твою задолженность у банка. Ты будешь должна семье, но никаких процентов не будет, и мы подберём необременительный для тебя график выплат.

– Спасибо, господин.

– Так что у нас на сегодня?

– Звонил господин Курт Гессен...

– Ах, дружище Курт! Кто лучше него испортит день? Стало быть, князь наконец проснулся.

– Да, князь ждёт вас сегодня в четыре пополудни.

*

Князь встретил меня неприветливо.

– В чём дело, Арди? – начал он предъявлять претензии раздражённым тоном едва я вошёл в кабинет. – Ты злоупотребляешь моим хорошим отношением, и я не собираюсь спускать тебе это с рук.

– Чем я прогневил тебя, княже? – удивился я. – Не припоминаю за собой никакой вины.

– Каков наглец! – восхитился князь. – Хочешь сказать, что это не ты устроил войну в моём

городе с применением тяжёлой техники?

– Меня оклеветали, княже, – уверенно ответил я, не опуская взгляда, – тебе преподнесли факты в совершенно искажённом виде. В этой истории я был жертвой! Позволь мне рассказать, что там было на самом деле.

– Ну-ну, – хмыкнул князь, – попробуй.

– Бандитская группировка некоего Миши Тверского напала на завод «Мегафон» с целью разгромить его. Заводу нанесён значительный ущерб, здание сильно повреждено, в пожаре сгорело много важных документов. Пострадали работники завода. Разумеется, я не мог не отреагировать на это, и поехал в резиденцию группировки, чтобы как-то разобраться в ситуации, и исключить дальнейшие атаки. Однако банда начала стрелять, и переговоры стали невозможными. Мне пришлось привлечь бронеходы для того, чтобы завершить столкновение как можно быстрее, и чтобы от пуль бандитов не пострадали ни мои люди, ни случайные прохожие. Стрелков мы сумели нейтрализовать, но банда не проявила желания вести переговоры. Вместо этого они захватили в заложники мою сестру. Девочке-школьнице только чудом не перерезали горло! После этого мне ничего не оставалось, кроме как окончательно обезвредить банду. И как только мы это сделали, бронеходы были немедленно вывезены обратно в пункт базирования. Никто из посторонних не пострадал, даже обслуживающий персонал, который был в резиденции банды. Слугам мы выдали денежную компенсацию за неудобства и отправили домой.

– Красиво рассказываешь. – сказал князь с ясно выраженным скепсисом. – А насчёт твоей сестры я слышал, что она та ещё оторва.

– Она была без оружия и в школьной форме. Она не принимала участия в бою, её захватили именно как заложницу. Княже, клянусь честью, что я не сказал ни слова лжи. – я торжественно приложил руку к груди. – Прикажи допросить моих людей, и ты убедишься, что я рассказал чистую правду.

– А с чего это вдруг Тверской напал на тебя?

– Бандит, чего от него ожидать. – пожал я плечами. – Правда, злые языки намекали на Родиных, но я не поверил этому ни на мгновение.

– То есть ты не собираешься устраивать никаких разборок с Родиными?

– Разборок о чём, княже? Ясно же, что они тут совершенно не при чём.

– Вот, значит, как ты решил. – князь посмотрел на меня острым взглядом. – Что ж, меня устраивает такая позиция. А что там с убийством редактора газеты?

– Княже, позволь тебе показать всего лишь один образец его писанины. – я положил перед князем вырезку с отчёркнутыми красным фразами.

– Пожалуй, и в самом деле грубовато. – согласился князь, бегло проглядев заметку. – Но

разве обязательно было его убивать? Сейчас не времена князя Олега. Общество сейчас очень отрицательно относится к убийствам простолюдинов. Мягче надо быть, мягче!

– Я и собирался поступить мягче. Меня вполне устроило бы опровержение. Я пригласил его вместе с другими редакторами, чтобы убедить их закончить эту кампанию лжи. Других редакторов я убедил, но Катцель отказался останавливаться. Он не оставил мне другого выбора, но даже в этой ситуации я его не убил, а вызвал на дуэль.

– Какой из него дуэлянт! Это просто смешно.

– Это уж его проблемы. Не умеешь драться – веди себя вежливо, а если уж взялся оскорблять других – учись драться.

– И ты утверждаешь, что всё было именно так?

– Княже, тебе достаточно приказать допросить других редакторов, там присутствовавших. Они уж точно со мной никак не связаны и выгораживать меня не станут.

– Хм, ну ладно, Кеннер, будем считать этот вопрос закрытым. Но имей в виду, что я за тобой внимательно наблюдаю.

– Княже, я ценю твоё доверие и сделаю всё, чтобы его оправдать.

Князь посмотрел на меня с неприкрытой иронией, но комментировать не стал.

– Так что там с заводом и с заказами моей дружины?

– Пока выясняем размер ущерба, но я могу поручиться, что в любом случае поставки для твоей дружины будут выполняться в срок.

– Ну хоть какая-то хорошая новость. Иди, Кеннер, и сделай так, чтобы в дальнейшем я слышал о тебе только хорошее.

Я молча поклонился и вышел.

Только в машине я смог перевести дух и немного расслабиться. Формально я был в своём праве, но я порядком рисковал, устраивая такую показательную расправу. Изначально было понятно, что князю это вряд ли понравится, и под влиянием кого-нибудь из моих недоброжелателей он мог бы назидания ради из меня самого сделать показательный пример. Хотя всё прошло гораздо лучше, чем ожидалось, я не настолько наивен, чтобы считать, что представляю для княжества какую-то ценность – пока что я всего лишь молодой и наглый выскочка. То, что князь так легко согласился принять мою версию событий, я могу объяснить только влиянием мамы. Однако больше так рисковать не стоит, второй раз это может и не сойти с рук. Предупреждение в словах князя я расслышал достаточно отчётливо.

*

После смерти матери Кира осталась с малолетним братом на руках, небольшими сбережениями матери, и неопределёнными перспективами. Вопрос с продолжением учёбы отпал сразу, но и с работой тоже не заладилось. Никто не хотел принимать на работу четырнадцатилетнюю девочку; в конце концов удалось устроиться посыльным, выдав себя за мальчика, но заработок посыльного был откровенно жалким. Сбережения понемногу таяли, и им нередко приходилось ложиться спать голодными. Видеть голодные глаза брата было невыносимо, и Киру всё чаще начала посещать мысль о проституции. Будущее выглядело печальным.

Всё изменилось в один миг, как в волшебной сказке. Из замарашки-посыльного она внезапно превратилась в дворянку. Затем последовало интенсивное обучение этикету, а затем элитарная и очень дорогая старшая школа. Кира боялась, что дворянские дети начнут её третировать, но к своему удивлению она обнаружила, что отпрыски аристократических семейств относятся к ней как к равной, а обычные дворяне воспринимают её как вышестоящую. Все проблемы как-то разом исчезли, и постепенно она перестала в ужасе просыпаться ночью с мыслью, что всё это ей только приснилось.

Кира душой не была, и прекрасно понимала, благодаря кому её жизнь изменилась. Господин дал ей всё, что только можно было желать; от неё требовалось лишь служить верой и правдой. Прыгнуть из простолюдинов сразу в стольники было делом совершенно невозможным, но господин поверил в неё и поручился за неё перед семьёй. Кира предпочла бы лучше умереть, чем увидеть разочарование в его глазах. А после того, как господин быстро и жестоко разобрался с нападением, и в школе даже дети аристократов стали разговаривать с ней подчёркнуто уважительно, она окончательно забыла все былые страхи и вообще перестала бояться чего-либо и кого-либо.

Так что когда секретарша сообщила ей, что к ней пришли двое представителей Южного братства, это не вызвало у неё ни малейших эмоций.

– Присаживайтесь, достойные. – довольно прохладно приветствовала посетителей Кира. – Какое дело привело вас ко мне?

Старший из посетителей, мужчина лет пятидесяти в безукоризненном костюме, с рыбьими глазами, и с прядью волос, зачёсанной на хорошо заметную лысину, был, очевидно, главным. Второму посетителю с виду можно было дать лет тридцать; широкие плечи и шрам на щеке наводили на мысль о телохранителе, однако ум в глазах свидетельствовал скорее в пользу помощника.

– Мы бы предпочли поговорить с кем-нибудь постарше, девочка. – заявил старший.

– Я являюсь полноправным представителем семейства Арди, и моих полномочий достаточно для решения практически любого вопроса. – спокойно ответила Кира. – Если же их окажется недостаточно, я организую вам встречу с господином. Но я бы не советовала вам так уж стремиться с ним встретиться – он не любит бандитов, и если ваше дело не покажется ему действительно важным... словом, не советую.

Оба посетителя дружно поморщились при слове «бандитов», но всё же решили оставить это без внимания.

– Нас интересуют кое-какие заведения, ранее принадлежащие братству Тверского.

– Вы имеете в виду заведения, расположенные в Зелёном квартале? Да, этот вопрос в моей компетенции. Но давайте сначала обсудим дело, по которому вы хотите видеть господина.

– Об этом мы и хотели поговорить.

– Вы хотели побеспокоить господина из-за притонов и борделей? – изумилась Кира. – Вы что, – она покрутила рукой в воздухе, подбирая слово вместо не прозвучавшего, но явно подразумеваемого слова «идиоты», – самоубийцы? – наконец подыскала она подходящую замену.

Братья растерялись. Разговор шёл в совершенно непривычном для них русле. Наглая соплюшка не только не испытывала никакого страха перед представителями серьёзного и влиятельного братства, она даже не особенно пыталась скрыть презрение.

Кира со вздохом сказала:

– Раз уж мы выяснили, что вы пришли по адресу, а с господином вам встречаться не стоит, давайте попробуем начать разговор сначала. Меня зовут Кира Заяц, и я управляю имуществом семейства Арди. Кто вы, достойные? Представьтесь, пожалуйста.

– Меня зовут Чернек, а это Костыль. – неохотно представился старший. – Мы из Южного братства, это...

– Я знаю, что такое Южное братство. – перебила его Кира. – Наши службы предоставили мне подробную справку. – она похлопала ладонью по лежащей на столе папке. – Самая влиятельная преступная группировка Новгорода, а вы, достойный Чернек, её глава.

Братья опять поморщились.

– Впрочем, я не собираюсь читать вам мораль, – в последнее время Кира начала неосознанно копировать манеру речи своего господина, – особенности ваших занятий меня не интересуют. Поговорим о деле. Вот список всех заведений, которые наша семья предпочла бы продать. Они продаются единым пакетом за скромную сумму двести восемьдесят пять тысяч гривен.

– Это слишком много. – немедленно возразил Чернек.

– Цена справедливая, поэтому она не обсуждается.

– Цена была бы справедливой, если бы на товар был большой спрос. – улыбнулся Чернек, явно наслаждаясь своей сильной позицией.

– О, понимаю вашу мысль, – холодно улыбнулась ему в ответ Кира, – вы решили, что выбор у нас маленький: либо остаться с заведениями, которыми мы не можем владеть без урона для чести, либо продать их вам за бесценок. Вы ошибаетесь, достойный, у нас есть альтернативное решение.

– Вот как? – вежливо усомнился достойный.

– В четверг я буду докладывать господину план реновации Зелёного квартала. Все притоны будут снесены; мы планируем возвести там большой торгово-развлекательный комплекс.

Братья не поверили своим ушам.

– Там вообще-то не только ваши заведения. – язвительно напомнил очевидный факт Чернек.

– Наши юристы уже подготовили прошения о конфискации этих заведений, как принадлежащих простолюдинам, и тем самым нарушающих условия Акта «О негласном владении».

– И вы считаете, что мы не сможем найти фиктивных собственников-дворян?

– Мы считаем, что сможете. Поэтому наши юристы на всякий случай подготовили прошения о лишении дворянства таких собственников, как наносящих урон дворянской чести. У нас есть заверенные свидетельства о том, что представляют из себя ваши заведения, и мой господин уверен, что сумеет добиться полной поддержки князя и Дворянского Совета.

– Мы можем перевести наше имущество в гласное владение.

– Вы не успеете. – улыбнулась Кира.

– Знаете, такие методы ни к чему хорошему не приведут. – с угрозой сказал Чернек. – Не стоит загонять людей в угол.

Кира посмотрела ему прямо в глаза ледяным взглядом:

– Мы решим эту проблему. – в голосе милой девочки отчётливо прозвучал лязг затвора.

– Итак, достойные, я предлагаю вам выбор, – продолжала Кира, – или в среду вы покупаете предлагаемое имущество, или в четверг я подаю план реновации на подпись господину.

– Мы не успеем собрать деньги за это время. – Чернек возражал уже скорее по инерции.

– Я уверена, что успеете. – Кира снова похлопала рукой по папке со справкой по Южному братству. – Но я понимаю ваши трудности и готова пойти вам навстречу. Мне известно о ваших проблемах с отмыванием нелегальных средств, поэтому я не буду настаивать на банковском перечислении. Привозите наличные. Надеюсь, достойные, что вы всё-таки предпочтёте сотрудничество конфронтации, а сейчас прошу меня извинить. – Кира нажала кнопку звонка и сказала заглянувшей секретарше: – Вызови охрану, чтобы проводить

достойных до выхода. Вежливо.

Братья молча вышли из кабинета, и молчали, пока не покинули здание.

– Что за дети пошли! – не выдержал наконец Чернек. – Это же не девочка, а какая-то акула!

Костыль что-то промычал, полностью поддерживая шефа.

– Мы такими не были! – продолжал возмущаться Чернек.

Костыль, который впервые зарезал человека в тринадцать лет, не поделив украденное с подельником, согласно угукнул.

– Что делать-то будем, шеф? – наконец решился спросить он.

– Собирать деньги, что же ещё. – раздражённо ответил Чернек. – Я не собираюсь бодаться с фамилиями.

Оба тут же некстати вспомнили похороны Тверского и закрытый гроб, в котором по отдельности лежали голова, правая рука, и обе ноги. Чернек скривился и сплюнул:

– Всё Тверской, сволочь! Связался с Родиныными и решил, что он теперь всех имеет. И чем дело кончилось? А ведь я его предупреждал, что с дворянами он получит только проблем на свою жопу!

– Жопу-то его как раз и не нашли. – глубокомысленно поддакнул Костыль.

Глава 18

Отношение ко мне в школе последние события не улучшили. Ко мне и так относились насторожённо, теперь же отношение варьировалось от опаски до откровенного ужаса. Причём учителя также стали меня побаиваться; в результате меня просто перестали спрашивать на уроках, видимо, из опасений что я могу зарезать за плохую отметку. Тьфу! Вот настолько легко общество может сделать из человека изгоя – достаточно убить нескольких негодяев, и всё, ты уже монстр. И никого не волнует, что ты мирный гражданин, который всего лишь хочет жить спокойно. Впрочем, я уже давно потерял наивную веру в людей, так что для меня такая реакция шоком не явилась.

Справедливости ради надо заметить, что не все изменили отношение ко мне в худшую сторону. Например, Анета Тирина сменила отношение с нейтрального на откровенный интерес. И не знай она про мои отношения с Ленкой, то наверняка начала бы на меня охоту – моя эмпатия совершенно определённо это утверждала. Изменения были не только в школе – я стал получать приглашения на приёмы, и некоторые из них даже посетил. Правда, приглашения были не от верхушки общества, аристократия ко мне пока только присматривалась. Но у меня уже было приглашение на следующий большой приём у Тириных, а судя по тому, какие тёплые отношения у нас установились со Стефой, возможно, меня пригласят и к Ренским. Невозможно войти в высший свет самому; нужно обязательно

быть кем-то представленным, и посещение правильных приёмов – это единственный путь в высшее общество.

Большим приёмом Тириных был день рождения Алины. Обычно он отмечался внутри рода, только для своих, но в этом году Алине исполнялось двести, и род настоял на широком праздновании юбилея. Для меня момент был очень удачным, поскольку у меня уже полгода лежал подарок для неё, для вручения которого я никак не мог подобрать подходящий повод. Ленка любила разный антиквариат, и регулярно затаскивала меня в антикварные лавки, где с упоением рылась в старом хламе, разыскивая «что-нибудь этакое». В одной из таких лавок, разглядывая старые картины, я обратил внимание на небольшой портрет девушки, сидящей в плетёном кресле на залитой солнечным светом веранде. Мне бросилось в глаза сходство с Алиной, и чем больше я разглядывал картину, тем больше приходил к мысли, что это может быть она. Девушка на портрете выглядела немного моложе, однако сходство было несомненным. «Портрет девушки, автор неизвестен» – ответил хозяин лавки на вопрос о картине, но при этом запросил за картину чудовищную сумму в сто гривен, мотивируя это тем, что картина написано очень талантливо, и этот неизвестный автор запросто может оказаться кем-то знаменитым. Я сомневался; хозяин упёрся и не хотел скинуть ни веверицы. Я снял картину со стены чтобы рассмотреть её поближе, и на обратной стороне обнаружил полустёртую карандашную подпись «Алина Т.». Это решило дело, и я выписал чек.

Приём происходил в городской резиденции Тириных – большом старом здании, украшенном вычурной лепкой в стиле, немного напоминающем рококо моего старого мира. Мы всей семьёй прибыли за пятнадцать минут до назначенного времени – достаточно рано, чтобы подчеркнуть уважение к хозяйке, но не настолько рано, чтобы это выглядело подхалимажем. Мы оказались в очереди – уважение к хозяйке решили подчеркнуть не только мы, Тирины пользовались в обществе большим авторитетом. Я впервые увидел Алину в образе, который до этого был мне совершенно незнаком – Матери одного из сильнейших родов княжества. Контраст с привычной мне смешливой девчонкой поражал.

Когда-то я между делом заметил Анете, что удивлён, насколько просто и приятно общаться с Алиной. Анета долго и искренне смеялась.

– Кеннер, она только с тобой такая. Она говорит, что ты очень напоминаешь ей Кеннера Ренского.

– Вот как? – удивился я.

– Да, вот так. Она, похоже, Ренского очень любила. Помнишь, нам рассказывали, что после убийства Ренского двое нападавших выжили? Они выжили ненадолго, их убила Алина. А род Эйле она вообще искоренила. Рода Эйле больше нет, от него осталось всего несколько семей простолюдинов.

Вот теперь я понял, что Анета имела в виду. Гостей встречала Мать рода, с которой какие-то фамильярности были совершенно немыслимы. Впрочем, когда перед ней предстали мы, глаза у неё потеплели. Она обнялась с мамой, расцеловала Ленку, а потом и меня, вызвав задумчивое выражение на лицах многих гостей. Затем она обратила внимание на завернутую

картину, которую я держал в руках.

– Это что, картина? – с весёлым удивлением спросила она. – Кеннер, неужели ты, наконец, стал разбираться в живописи?

– Нет, у меня по-прежнему с этим есть проблемы, – признался я, – но когда я увидел именно эту картину, я решил рискнуть её подарить.

– Ты меня совершенно заинтриговал. Дай мне на неё взглянуть одним глазком.

Я развернул картину и глаза у Алины расширились.

– Где ты её взял?

– Случайно наткнулся на неё в антикварной лавке. – честно признался я.

– Мама приказала нарисовать её, когда мне было семнадцать. Я думала, что она потеряна навсегда. – сказала Алина с грустной улыбкой. – Спасибо. Это чудесный подарок.

Она бережно взяла картину, бросила на неё задумчивый взгляд, и передала её девчонке из стоявшей рядом стайки младших Тириных:

– Отнеси в мои покои, и смотри аккуратно!

И вновь обратив внимание на нас, сказала достаточно громко, чтобы окружающие расслышали:

– Мы помним, что Арди нам не только друзья, но и родственники. Мы всегда рады видеть вас; в доме Тириных вы не чужие.

Она сопроводила приглашение лёгким поклоном; мы поклонились в ответ, и уступили место другим гостям. Алина определённо хорошо к нам относится, и разумеется, я ни на секунду не поверил в романтическое объяснение Анеты. Алина Мать рода, а не впечатлительная шестнадцатилетняя девушка; вряд ли её воспоминания о Кеннере Ренском оказали хоть какое-то влияние. Скорее тут сыграли свою роль сразу много разных причин – быстрое восхождение матери, рост влияния нашей семьи, наши личные перспективы, а может, и другие причины, нам пока неизвестные. По сути, сейчас Алина объявила всем, что у нас родственный союз. Для чего она сделала такое объявление, и что она планирует из этого извлечь, я не понимаю, но думаю, что ничем плохим это для нас не обернётся, и мы тоже извлечём из этого выгоду. Как минимум, желающие попробовать нас на зуб сначала крепко подумают. Кстати, можно бы уже понемногу начинать думать и о заключении формального союза. Нашей семье по силе ещё очень далеко до Тириных, но мы уже достаточно сильны, чтобы не выглядеть мелкими прихлебателями.

Приём проходил своим чередом. Мама с Ленкой плотно застряли в каком-то дамском кружке маминых знакомых, а я лениво слонялся по залу – или, точнее, по трём объединённым залам, здороваясь и перебрасываясь репликами с немногочисленными

знакомыми. Немного поболтал со Стефой Ренской, которая меня при встрече обняла и расцеловала. Впрочем, у меня было сильное подозрение, что это было проделано на публику. Чуть позже в стороне я заметил Ольгу и вежливо ей поклонился. И очень удивился, когда она не стала отворачиваться, а кивнула мне в ответ. Где-то что-то сдохло, не иначе.

Я цедил вишнёвый сок, лениво наблюдая за бурлением гостей, и раздумывал, не найти ли мне пару на предмет потанцевать, раз уж Ленка так плотно погрузилась в дамскую болтовню. Тут чьи-то ладони накрыли мне глаза.

– Алина, – улыбнулся я, – не хулигань.

– А ты силён, – удивлённо сказала Алина, убирая руки, – ты так хорошо чувствуешь ауры?

– Только у тех, кого хорошо знаю.

– Это очень и очень немало. Но поговорим об этом потом, а сейчас я хочу тебя познакомить с разными нужными людьми.

Она подвела меня к красивой рыжеволосой женщине, портрет которой я каждый день видел в классе развития основы.

– Драгана, позволь представить тебе Кеннера Арди. Кеннер, перед тобой Драгана Ивлич. Думаю, тебе не нужно объяснять кто это.

– Разумеется, не нужно, спасибо, Алина. Для меня честь быть представленным вам, сиятельная.

Драгана смотрела на меня с любопытством.

– Много слышала о вас, юноша.

– Хотелось бы верить, что только хорошее, но увы, нашлись люди, которые оплатили целую кампанию лжи против меня. С клеветой почти невозможно бороться, как подсказывает мой печальный опыт.

– Но вы всё же боролись, если я правильно помню кое-какие некрологи.

– Мне не оставили выбора, сиятельная. И как я вижу из ваших слов, лекарство оказалось немногим лучше болезни.

– За словом вы определённо в карман не лезете, Кеннер. – засмеялась Драгана. – Думаю, у нас с вами будет возможность познакомиться поближе. Вы же будете поступать в Академиум? Или предпочтёте пойти по пути обычной дворянской семьи?

– Было бы глупостью отвергать дар Силы, сиятельная. Мы с сестрой планируем учиться.

– Я, пожалуй, буду за вами присматривать в Академиуме. Не думаю, что для вас является

секретом то, что Круг внимательно наблюдает за вами и вашей сестрой.

– Мне льстит ваше внимание, сиятельная, но меня тревожат столь высокие ожидания. Я боюсь вас разочаровать.

– Скромность украшает людей. – с лёгкой полуулыбкой заметила Драгана.

– Людей ещё больше украшает правильная самооценка. – заметил на это я.

– Через несколько лет мы всё это выясним точно. Буду рада видеть вас на своих лекциях, Кеннер.

Я поклонился, и Алина повела меня дальше.

– Пора представить тебя ещё кое-кому. – загадочно пообещала она.

«Кое-кого» было сложно не узнать. В ежегодных альманахах дворянского реестра, которые я всегда очень внимательно штудировал, они занимали заметное место. Давно пора было с ними познакомиться, что бы там из этого знакомства ни вышло.

– Господин Путята, господин Беримир, – обратилась к ним Алина, – позвольте представить вам Кеннера Арди. Кеннер, позволь представить тебе Путяту и Беримира Хомских.

Беримир смотрел на меня с интересом, взгляд Путяты был совершенно невыразительным. Надеюсь, старый козёл не собирается устроить скандал.

– Кажется, мы даже родственники, господин Кеннер. – равнодушно заметил Путята.

– Кажется да, господин Путята. – вежливо согласился я.

Беримир слегка поморщился, услышав замечание Путяты. Я про себя отметил, что отношение отца к нам он, похоже, не разделяет. Возможно, нам всё-таки удастся наладить отношения, когда он станет главой семьи.

– Раз уж мы встретились, господа, воспользуюсь случаем извиниться за свою несдержанность. – я постарался выглядеть виновато. – Мне следовало бы связаться с вами, прежде чем убивать ваших людей, которые громили мой завод.

У Алины удивлённо поднялись брови, и она с интересом посмотрела на меня. Беримир тоже выглядел озадаченным.

– Каких ещё наших людей? – мрачно отозвался Путята. – Не понимаю о чём вы говорите, господин Кеннер.

– О, прошу прощения, я неточно выразился. Людей ваших вассалов Родиных. Родины приказали группировке Миши Тверского разгромить мой завод, а мы их задержали. Я не стал разбираться и просто приказал убить их всех, вместе с этим самым Мишей. Мне

следовало бы цивилизованно обсудить ситуацию с вами, и только потом их убивать, но я поспешил. Я тоже подвержен порывам, свойственным юности, увы. Ещё раз прошу прощения, господа.

У Алины в глазах плескался смех.

– Мы ничего об этом не знаем. – сказал Путята, с неприязнью поглядывая на меня.

– Ну значит, я обратился не по адресу, – легко согласился я, – надеюсь, вас не затруднит передать мои извинения своим вассалам? А раз уж мы с вами так разговорились по душам, может быть, вы откроете мне секрет, господин Путята – что вы имеете против нашей семьи? Мой дед умер двадцать лет назад, а мы с матерью вообще никак с вами не пересекались. Чем же мы вам не угодили?

Путята посмотрел на меня тяжёлым взглядом:

– Насколько я знаю, вы родились вне брака.

– Это действительно так, – признал я, – однако мою мать вы тоже знать не желаете, несмотря на то, что у неё с происхождением всё в порядке.

Путята молча отвернулся.

– Похоже, этот секрет так и останется секретом. – констатировал я. – Ну что ж, господа, позвольте вас покинуть. Алина, ты, кажется, хотела представить меня кому-то ещё?

Когда мы отошли от Хомских, Алина поллюбопытствовала:

– Ты так сильно хочешь узнать этот секрет?

– Да не особенно. – ответил я, пожав плечами. – Это либо деньги, либо женщина. В любом случае это дела давно минувших дней, которые меня не касаются.

– Почему ты так думаешь? – с интересом спросила Алина.

– А что ещё могут не поделить два брата? Причина ссоры не особенно важна, мне просто нужно было понять, хочет ли он её продолжать. Оказывается, старый пень настолько злопамятен, что переносит ссору с давно умершим братом на совершенно непричастных потомков.

– Знаешь, – задумчиво сказала Алина, – если бы мне до встречи с тобой сказали, что мне будет интересно общаться с подростком, я бы, пожалуй, посмеялась. Для меня самый большой секрет это ты, Кеннер.

– Алина, ты преувеличиваешь мою сложность. Во мне нет ничего сложного, поверь. Я бы с удовольствием бездумно развлекался вместе с золотой молодёжью, но мне приходится быть главой семьи. Я единственный мужчина в семье, мне просто не на кого спихнуть

ответственность. Вот и весь мой секрет.

– Ну-ну, – хмыкнула Алина, – я прямо так и вижу тебя буянющим в ресторане.

– Ну мы же с Леной бываем иногда в ночных клубах.

– Но в скандальную хронику вы как-то не попадаете.

– Это всё Лена, – объяснил я, – она любой скандал прекращает одним ударом, так что темы для хроники никогда и не возникает. Очень тяжёлая рука, не смотри что маленькая, и прекрасно поставленный удар.

– Замечательный рецепт, – звонко рассмеялась Алина, – я запомню. Но всё же именно благодаря тебе твоя семья в короткое время стала заметной. С ней уже считаются. Да что далеко ходить, мало кто может позволить себе так говорить с Хомскими.

– Хомские тут неудачный пример – что ни говори, а мы всё-таки близкие родственники. А вообще мне просто повезло. Князь замыслил отобрать завод у Ренских и решил для этой цели использовать меня. Вот этот завод и дал мне возможности для старта, без него я был бы обычным, никому не интересным подростком.

– Да-да, просто повезло. – согласно покивала Алина. – Я не знаю ни одного человека, который сумел бы отобрать у князя хотя бы старый башмак, а вот ты каким-то образом ухитрился отобрать целый завод. Разумеется, это простое везенье, что же ещё. При этом, что удивительно, ни Ренские, ни князь к тебе никаких претензий не имеют. Я вот уже думаю – не пора ли начинать тебя бояться? А то ведь ты и у меня что-нибудь отберёшь... просто повезёт.

– Алина, не преувеличивай. – я посмотрел на неё укоризненно.

– Ладно, не буду, – с улыбкой согласилась она, – но кое-кто тебя действительно начинает опасаться. Очень уж резкий ты юноша, Кеннер. Вот как с этим Мишей Тверским – тебя попробовали слегка напугать, а ты взял, и всех поубивал. Эта история наделала немало шума, знаешь ли. Все заинтересованные лица уловили намёк, что ты можешь заглянуть в гости на бронеходе, а князь при этом будет смотреть в другую сторону. Всё же есть в тебе много общего с Кеннером Ренским, только ты умнее, и стелешь мягко.

– Я считаю, что ты ошибаешься в своей оценке. Но независимо от этого скажу тебе одно: для своих друзей я всегда буду надёжной опорой.

Алина внимательно посмотрела на меня и медленно кивнула.

*

– Отец, так что там за история с людьми Родиных? Я, похоже, пропустил много интересного пока уезжал.

– Я собрался взять Арди под свою руку, но мы с Иваном не отнеслись к мальчишке серьёзно, вот и просчитались. Мы и подумать не могли, что у школьника может быть своя дружина.

– Я не понял – вы что, хотели навязать ему протекцию?

– Хотели просто немного попугать, чтобы до мальчика дошло, что без защиты родичей он никто. Наглый щенок! Как он посмел так со мной разговаривать!

– А как он разговаривал? Он всего лишь очень вежливо сказал, что в этот раз претензий нам предъявлять не будет, но в следующий раз предъявит обязательно.

– Силёнок у него не хватит что-то нам предъявить!

– Отец, ты что – решил затеять войну? И что ты хочешь этим добиться? Под тебя он теперь точно не пойдёт.

– Какая с ним может быть война? Кто он, и кто Хомские.

– Вы с Иваном Родиным тоже так думали. Может, он вас ещё раз удивит? Вот скажи, а что ты ответишь князю, когда Арди подадут жалобу? Что ты решил повоевать со своим внуком потому, что он не хочет идти под тебя? И что при этом ты его за внука признавать не хочешь? А я тебе скажу, что будет дальше. Князь даст ему право на защиту[38], а вот нас никто в этом деле не поддержит.

[38 - См. дополнительные материалы: «Акт „О разрешении конфликтов“ и право на защиту».]

– Право на защиту – это ещё не защита. Кто ему даст защиту?

– Например, Тирины. Ты заметил, что Алина позволяет ему разговаривать с собой, как с подружкой? Совершенно очевидно, что у них союз. Думаешь, Алина не воспользуется возможностью безнаказанно нас пощипать? А эта крокодилица Стефа Ренская, которая его обнимала у всех на глазах? Чтобы ни у кого уже не осталось сомнений, кто у неё любимый внук. Что бы там ни было у них с Ольгой, Ренские их родственники, и они тоже не упустят случая оторвать от нас какой-нибудь кусочек. Отец, мы проиграем.

– Сын, ты слишком драматизируешь.

– Вот мне, кстати, тоже интересно – а что за размолвка случилось у вас с Данятой, что ты даже мёртвому мстишь?

– Это тебя не касается!

– Это что-то, связанное с матерью?

– Молчать! Я запрещаю тебе лезть в это дело!

– Когда Ольга выгнала Милославу, и она пришла к нам, ты не пустил её на порог. Сейчас она лучшая целительница княжества. Кеннер строит для неё лечебницу, и мои люди оценивают, что она будет давать семье Арди как минимум тысяч пятнадцать в месяц. А ведь Милослава могла бы быть Хомской, да и сам Кеннер тоже. А сейчас ты собираешься втянуть нас в войну, в которой мы не получим ничего, даже если каким-то чудом победим. Отец, если ты попытаешься опять напасть на Арди, я соберу совет фамилии, и ты будешь объяснять всем родственникам, ради чего ты хочешь заставить нас воевать. Ты точно этого хочешь?

– Не смей мне угрожать! – рявкнул Путята.

– Я тебе не угрожаю. Но если ты попытаешься втянуть нас в войну, я тебя остановлю.

– Чего ты добиваешься от меня?

– Я бы вообще предпочёл с ними помириться – по-моему, глупо отталкивать родственников только потому, что тридцать лет назад ты что-то не поделил с покойным братом. Ну ладно, если уж для тебя это так невыносимо – не мирись. Но никакой войны и больше никаких нападений.

Путята молча смотрел в сторону.

– Мы договорились? – настаивал Беримир.

– Договорились, договорились. – с раздражением ответил Путята.

*

Путята Хомский любил малую читальню. Стены, обитые тёмно-зелёным шёлком, мягкие кресла и неяркий свет лампы создавали уютную атмосферу, в которой тревоги и неурядицы внешнего мира отходили куда-то на задний план. Здесь обычно проводила вечера покойная матушка, и маленький Путята частенько сидел с ней, делая свои уроки, и спасаясь от приставаний докучливого и наглого младшего братца-погодка. Он чувствовал себя комфортно среди плотно заполненных книжных шкафов, и его до сих пор, как и в детстве, очаровывал огромный глобус с большим белым пятном Винланда[39], который, по свидетельствам редких путешественников, был до краёв полон самыми невероятными чудесами. В малую читальню никогда не допускались посторонние; исключение Путята делал лишь для своего старого друга Ивана Родина.

[39 - Винландом викинги называли Америку.]

– То ли я совсем старый стал, то ли молодёжь совсем наглая пошла. – грустно сказал Путята, пригубив немного яблочного бренди.

– Что это на тебя нашло? – удивлённо посмотрел на него Родин.

– С Беримиром поругался. Представляешь, он мне угрожал советом фамилии, если я что-то затею против Арди.

– А ты воевать, что ли, собрался? – ещё больше удивился Родин

– Нет, конечно, – махнул рукой Путята, – меня бы и родичи не поняли. Да и нечего с него взять по сути.

– Да и мальчик-то до чего шустреньким вырос, – усмехнулся Иван, – и крови совсем не пугается. Прямо весь в Даняту покойничка. Да и ты такой же, все вы Хомские похожи.

– Ты чушь-то не неси. – поморщился Путята.

Родин опять усмехнулся, но промолчал. Некоторое время они молчали, думая в тишине о своём и прихлёбывая двадцатилетний бренди, которым славилась семья Хомских.

– Спустишь ему с рук? – наконец спросил Хомский.

– Посмотрим. – пожал плечами Родин. – Я к нему своего человечка давно засунул, может расскажет чего-нибудь интересного. Если случай подвернётся, проучу немного малыша.

– А сейчас он что рассказывает? – любопытствовал Путята.

– А сейчас он сидит тихо, как мышка в норке, и трясётся. – засмеялся Иван. – Они там заподозрили, что кто-то на сторону поёт, и потихоньку людей проверяют. На него вряд ли выйдут, ничего у них определённого нет. Но он отказался даже встречаться с моими пока всё не успокоится.

– Ну если что интересное наметится, ты мне дай знать. Может, и я поучаствую. Я Беримиру обещал только, что воевать не буду, а просто по-родственному почему бы и не поучить.

Разговор опять затих, и два старика погрузились в свои мысли, изредка прихлёбывая из круглых бокалов.

Глава 19

Сегодня мы выпили свои микстуры последний раз. Двенадцатилетний марафон закончился, и мама устроила по этому поводу семейный праздник.

– Если уж нам этот курс надоел до смерти, могу себе представить, как от него устала ты. – заметил я маме.

– Не то слово, – покачала головой она, – не могу поверить, что это наконец закончилось. Мой учитель отговаривал меня начинать этот курс, говорил, что я его и до середины не доведу. Хорошо, что я его не послушала. Но было трудно, что и говорить.

– И во сколько он нам обошёлся? – поинтересовался я.

– От шестидесяти до ста гривен каждый месяц. И так двенадцать лет.

– Это, конечно, безумно дорого, но такие суммы многим по силам. Почему тогда этот курс так редко делается?

– Потому что это всего лишь стоимость ингредиентов, Кени, – улыбнулась мама, – главная проблема не в них. Микстуры постепенно усложняются, и с четвёртого года нужен алхимик седьмого ранга. Алхимики очень редко достигают больших рангов, у нас в княжестве Старших алхимиков всего двое, не считая меня, конечно. Как ты думаешь, сколько один из них попросит за двенадцать лет работы – если вообще согласится? И во сколько обойдётся ежедневное наблюдение Старшего целителя, которого тоже почти невозможно нанять? По сути, этот курс доступен только наследникам правителей, даже вторым сыновьям его обычно не делают. Если бы я не была и целителем, и дипломированным алхимиком, я бы за это не взялась. Да я и не верила, признаться, что мне удастся довести его до конца, на всякий случай разработала несколько вариантов сокращения курса.

– Я знал, что это очень сложно, но даже не предполагал, что настолько. Мы это оценили, не сомневайся.

– А откуда вообще этот курс взялся? – спросила Ленка.

– О, это сама по себе любопытная история. Пятьсот лет назад в правление Вильгельма Четвёртого в империи случилась смута. На корону стали претендовать сразу несколько усилившихся герцогских родов, а слабый папа поощрял раздоры, чтобы укрепить свою власть над императором. Империя шла к гражданской войне, и тогда император попросил Яна Тоффеля придумать для кронпринца Дитриха что-нибудь, что могло бы увеличить его шансы на выживание в сложное время. Ян Тоффель был одним из пяти известных Высших целителей. Он вообще легенда целителей, признанный гений, на его работах основаны целые разделы целительства. Он и разработал базовый курс, рассчитанный на восемь лет. Кронпринц вырос, стал императором Дитрихом Великим, без единой царапины пережил четырнадцать покушений, и укрепил императорскую власть так, что никто и пикнуть не смел. Ну а Тоффель с учениками много лет улучшал свой базовый курс, и привёл его к окончательному двенадцатилетнему варианту, который и называется полным курсом Тоффеля.

– Я всё же не понимаю, почему это так сложно. – продолжала недоумевать Ленка. – Неужели нельзя как-нибудь попроще?

– Понимаешь, Леночка, – ответила мама, – природа все свои творения делает кое-как. Природе не нужно совершенство отдельного организма, ей важно только выживание вида. Представитель вида должен дать потомство, и на этом его функция заканчивается. Поэтому в человеческом организме почти всё сделано как попало. Но что-то изменить в нём совсем непросто, ведь в организме всё взаимосвязано. Вот и приходится вносить улучшения постепенно и понемногу, пока ребёнок растёт и развивается. Это очень сложная задача – переделать в организме почти всё, и при этом ничего не испортить.

– Но какой смысл в курсе, которым никто не может воспользоваться?

– Тоффель создал курс для приведения организма к идеалу. Полный курс – это эталон, а в реальной жизни используются производные курсы – упрощённые варианты Тоффеля. Их много разных. У нас в княжестве дети в младшей школе проходят курс Тоффеля-Энце. Это бесплатная программа, её полностью финансирует княжество. После того, как её приняли триста лет назад, у нас в княжестве резко сократилась заболеваемость, и вдвое увеличилась продолжительность жизни. В развитых странах все дети проходят тот или иной производный курс Тоффеля.

Любопытная новость. Я, конечно, знал, что средняя продолжительность жизни у нас в княжестве где-то в районе ста пятидесяти лет, но как-то не связывал это с надоевшими микстурами, да и вообще особо об этом не задумывался. Просто принимал как данность, что здесь люди живут дольше.

– А что дал нам полный курс?

– Почти полный иммунитет к болезням, более прочные кости, сила и реакция выше, чем у обычных людей, ну это вы и сами знаете. Устойчивость к травмам и быстрое заживление ран. Вас труднее отравить, хотя тут как повезёт. Жить будете лет триста, а может, и до пятисот. Это не считая прибавки, которую получите как Владеляющие. У вас работает регенерация, правда, очень слабая – новый глаз будете отращивать полгода, а руку или ногу года три. С этим всё же лучше к целителю. Вы хорошо видите и слышите, различаете запахи. Ну и по мелочи много разного.

Мне давно уже стало кристально ясно, что наша мама – это самое большое везенье, которое мне досталось в этой жизни. Можно разбогатеть, можно получить дворянство, можно самому добиться в жизни чего угодно, но невозможно просто взять и получить лишние двести лет жизни. Мы – получили.

*

Мы шли, обходя лужи от островков тающего снега и перебираясь через вырытые канавы по временным деревянным мосткам. Хотя само здание лечебницы было уже полностью готово и сейчас активно заселялось персоналом и пациентами, строителям приходится дожидаться стаивания снега, чтобы начать разбивку клумб и установку статуй и фонтанов. Мама сразу заявила, что на разные страшные рожи на барельефах она насмотрелась в княжеской лечебнице, и потребовала, чтобы статуи и барельефы были жизнеутверждающими. Так что все статуи представляли собой прелестных пациенток, улыбчивых лекарок, счастливых матерей с детьми и прочее в том же духе. Всё это живо напоминало мне шедевры социалистического реализма; в своё время я хотел было предложить девушку с веслом, но потом прикинул сколько времени мне придётся затратить на объяснение при чём здесь весло, и предпочёл мудро промолчать. От обсуждения проекта самого здания я тоже устранился, потребовав только, чтобы было дорого-богато. Экспертом и заказчиком выступала Ленка, которая в нашей семье и была главным искусствоведом. Результат оказался совсем неплох – светлое здание в несколько эклектичном стиле ближе к классике, с высокими окнами и статуями в нишах. Вот сейчас я и направлялся туда с Зайкой и Есением Ждановой, которая после перехода в слуги семьи постепенно прибрала себе наше

делопроизводство, как-то незаметно разросшееся до угрожающих размеров.

– Здравствуйте, господа, – приветствовала нас миленькая девушка за стойкой, – мы рады вас приветствовать в нашей лечебнице. Чем мы можем быть вам полезны?

Девушка явно уже привыкла к визитам аристократов, и никакого трепета от нашего появления не испытывала.

– Госпожа Милослава на месте? – спросил я.

– Вам назначено? – привычно осведомилась девушка. – Госпожа очень занята, и вряд ли сможет принять вас без назначения. Позвольте сначала направить вас к дежурной лекарке, которая и решит вопрос о приёме вас самой госпожой.

Тут, по всей видимости, уже успели отработать систему отфутболивания спесивых аристократов, которым непременно надо самого главного, и немедленно.

– Сообщите госпоже, что здесь находится Кеннер Арди.

У девушки расширились глаза, и она схватилась за переговорник. Ну, по крайней мере, она знает кто я такой, а руководителей у нас не обязательно знать в лицо, мы, слава богам, не в Корею.

– Ты совершенно права, Кира, – продолжил я начатый разговор, – мы, скорее всего, не получим от этого никакой выгоды, одни убытки. Но вот наши дети уже получают. Семья не заканчивается на нас, мы обязаны думать о потомках.

Я задумал ввести медицинское страхование работников, а со временем, когда наберёмся опыта, ещё и пенсионное. Удивительно, но ничего подобного здесь не существовало. Такие проблемы здесь решались в полном соответствии с классическим принципом «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». В результате эта простая идея была воспринята моими приближёнными как странная и непонятная затея начальства. Никогда не видел себя в качестве прогрессора, но пожалуй что именно этим я неожиданно для себя и занялся. Утешает только то, что изобретение социального страхования действительно принесёт пользу человечеству, в отличие от очередного технического приспособления.

– Я правильно понимаю вас, господин, что мы просто начнём платить за каждого работника ежемесячно в какой-то фонд? И в чём тут выгода? Пусть даже отдалённая?

– Не в какой-то, а в наш же фонд медицинского страхования, из которого, кстати, деньги будут возвращаться обратно в семью через нашу же клинику. А выгода тут опосредованная – уменьшение потерь квалифицированных кадров из-за болезней и самое главное, высокая лояльность служащих. Это не выражается в деньгах, и часто это недооценивают, но в конечном итоге это оказывается важнее денег. Сила семьи не в деньгах, и даже не в дружине. Настоящая сила семьи заключается в преданных людях. Ну и добавь то, что люди быстро оценят заботу о них, и к нам будут стремиться. Мы сможем выбирать лучших.

– Господин, а наши родные тоже смогут этим пользоваться? – заинтересовалась Есения.

– Тебя лично это вообще не касается, Есения, – ответил я, – для слуг и их семей лечение бесплатно, и вас будет лечить сама госпожа Милослава, она уже пообещала. Не всё, конечно, только серьёзные болезни. Простудой она заниматься не станет. Ну а для прочих служащих – будем решать как это лучше сделать. Вариантов много, и для меня тут тоже многое пока непонятно.

– Здравствуй, Кени. – к нам подошла мама и легонько поцеловала меня в щёку.

– Здравствуй, мама, – улыбнулся ей я, – вот, решил посмотреть твою новую лечебницу. Не хотел тебя отвлекать, просто невежливо ходить по дому без ведома хозяйки. Может, ты нам выделишь какого-нибудь провожатого?

Заодно и сами отвлечёмся немного, пусть мои люди постепенно привыкают к таким радикальным идеям. Интересно, а как бы тут восприняли рассказ про социализм? Скорее всего, меня бы просто госпитализировали с диагнозом, что Кеннер повредился умом и бормочет какую-то бессмыслицу. В этом обществе профессиональных борцов за счастье народное давят вовремя, и результат, надо сказать, не так уж и плох.

*

Свадьба! Как много в этом слове для сердца женщины слилось! [40] В принципе, для сердца мужчины тоже и слилось, и отозвалось, но, как говорится в пошлом анекдоте, «есть нюанс». Лично мне хотелось просто забиться в какой-нибудь чулан потемнее, и там спокойно переждать катаклизм. Мало того, что меня донимали с подготовкой, внезапно оказалось, что я являюсь одним из самых завидных женихов. Наша семья как-то незаметно оказалась богатой – даже учитывая только предприятия, которыми мы владели публично, наш годовой доход приближался к миллиону, что уверенно выводило нас в число богатейших семей княжества. Правда, наши траты оставляли от этой суммы жалкие огрызки, но кому это интересно? Когда люди считают чужие деньги, они оценивают только приход; сопутствующие расходы — это малозначащий момент, не стоящий внимания. Ко всему прочему, я уже был главой семьи, а не каким-нибудь третьим наследником с неясными перспективами. Так что мне приходилось с вежливой улыбкой выслушивать бесконечные рассуждения на тему долга перед обществом. И что для такого выдающегося во всех отношениях молодого человека одной жены совершенно недостаточно. Как по мне, звучит несколько похабно, но может, это я настолько испорчен?

[40 – Главный герой перефразировал строку из поэмы А.С. Пушкина «Евгений Онегин».]

К счастью, дворяне особо не наседали – ни для кого уже не было секретом то, что я являюсь очень сильным одарённым, зато верхушка Круга и родов плотно взяли меня и маму в осаду. Дело в том, что в одарённых семьях, как правило, уже через несколько лет происходило сопряжение душ, и добавление в семью новой жены становилось слишком проблемным. По этой причине одарённые обычно сразу брали несколько жён, и в дальнейшем состав семьи не менялся. Кто не успел, тот опоздал – отсюда и шли корни дикой конкуренции за

одарённых мальчиков начиная со старшей школы. Давление на нас всё увеличивалось, и в конце концов нам пришлось раскрыть тот факт, что связь уже возникла. Как я ни хотел держать это в секрете, но некоторым людям просто невозможно сказать «нет» без объяснений. Напор постепенно спал, но матери одарённых девушек так и поглядывали на меня с хищным сожалением. Как кошка на попугая, которого хозяева по какой-то непонятной причине не позволяют съесть.

У Ленки таких проблем не было, и всё происходящее доставляло ей истинное удовольствие – собственно, она и была главной движущей силой этого безумия. Выбор и пошив свадебного платья оказался проблемой мирового масштаба, которая решалась в бесчисленных конференциях и обсуждениях, и в которых, по счастью, моего участия не требовалось. Ну вот зачем разводить столько суеты ради платья, которое будет надето ровно один раз?? Я бы ещё как-то это понял, планируй она выходить замуж раз пять хотя бы. А драгоценности? Лучшая ювелирная фирма трудилась день и ночь, изготавливая Ленкино приданое. Я платил сумасшедшие деньги за изготовление кучи побрякушек, которые она после свадьбы принесёт в семью, то есть обратно мне, как своё приданое. Я не видел ни малейшего смысла в такой коммерческой операции, но ни Ленка, ни мама никакого противоречия в этой комбинации не усматривали. Что удивительно, всё это находило полное понимание и у Зайки, которая беспрекословно изыскивала деньги на эти затеи, хотя, к примеру, из-за каждого счёта на покупку очередного бронехода она изображала мордашку старого, измождённого жизнью кролика. Словом, допуск к телу оказался очень дорогостоящим и сложным квестом, хотя справедливости ради надо сказать, что тело того стоило.

Отдельно стоит упомянуть о цирке, который Ленка устраивала в школе. Она то и дело спрашивала советов у одноклассниц, и постоянно жаловалась на разные якобы возникающие при подготовке свадьбы проблемы. Девчонки сочувственно выслушивали, обсуждали, и охотно давали советы. Однако они не знали, что Ленка эмпатка, и поэтому никак не пытались прятать свои эмоции. В эмоциях у них бушевали лютая зависть и чёрная ненависть, отчего Ленка испытывала буквально оргазмическое наслаждение.

В целом всё происходящее доставляло ей такое удовольствие, что я начал подозревать, что предложи женщине каким-то образом растянуть свадьбу навечно, то может оказаться, что собственно муж ей не сильно-то и нужен. Дамские романы, в которых свадьба занимает чуть ли не четверть книги, а описание дальнейшей жизни героини пренебрежительно опускается, косвенно это предположение подтверждают.

На этом фоне мы даже толком не заметили, как закончили школу и сдали выпускные экзамены. Но всё когда-нибудь кончается, и наконец наступил день свадьбы. Весь дом заполнили какие-то женщины – парикмахерши, маникюрши, портнихи, и боги знают кто ещё. По дому стайками носились какие-то мелкие девчушки в белых платьицах, и в целом всё напоминало сумасшедший дом на гастролях. Я уже сорок минут был полностью готов и ждал невесту, у которой, судя по общей беготне и суматохе, случилась какая-то катастрофа. К примеру, внезапно обнаружилось, что платье по ошибке пошили на три размера меньше, и в храм ей придётся идти в камуфляже. Но тут суета как-то разом вдруг стихла, и на пороге возникла невеста, которая и впрямь выглядела потрясающе. Она каким-то чудом стала ещё

красивее.

– Прекрасная незнакомка, – проникновенно сказал я, целуя ей руку, – я тут жду свою невесту, но увидел вас и понял, что мне нужны только вы. Ничего не могу с собой поделатъ, вы свели меня с ума своей красотой.

Ленка зарумянилась, похорошев ещё больше, хотя казалось, что больше уже невозможно, а я утонул в её глазах, совсем как в презираемых мной дамских романах. Привела нас в чувство мама:

– Дети, мы торопимся. Представители, наверное, уже ждут у храма.

Браки, заключаемые под покровительством Силы, свидетельствовал представитель Круга. Кроме того, поскольку мы были дворянами, должен был присутствовать ещё и представитель Дворянского Совета. Своих представителей могли прислать другие общины и князь, если считали, что повод того стоит, но делали это очень редко.

Площадь перед храмом была оцеплена моей дружиной. Внутри оцепления находились представители, которых было как-то многовато, и которые стояли в окружении целой толпы чиновников, а также стайка репортёров светской хроники. Мы вылезли из машины, и вместе с мамой направились к группе представителей, среди которых я увидел Ольгу и отчего-то встревожился.

– Ну наконец-то! – сказала Драгана Ивлич. – Прекрасно выглядишь, деточка. – заметила она Ленке, отчего та очаровательно смутилась. – Для такой замечательной пары я решила сама быть свидетелем от Круга.

– Это высочайшая честь для нас, сиятельная. – я поклонился, и Ленка повторила мой поклон.

– Позвольте мне представить остальных свидетелей. – продолжала Драгана. – Представителем от дворянства является господин Олег фон Кеммен, заместитель председателя Дворянского Совета.

– Благодарим вас, господин Олег, и рады знакомству с вами.

– От князя ваш брак засвидетельствует советник Хотен Летовцев.

– Благодарим за оказанную честь, советник Хотен, и просим передать князю нашу благодарность.

– Совет Родов представляет сиятельная Ольга Ренская.

– Благодарим вас, сиятельная Ольга. Мы рады видеть вас на нашей свадьбе.

Даже не представляю, чего стоило Стефе заставить Ольгу быть представителем именно на нашей свадьбе. Уверен, что там имело место серьёзное выкручивание рук. Но я рад, что она присутствует. Дружить мы с ней вряд ли будем, но эту дурацкую вражду лучше бы

прекратить. Вполне возможно, что не будь Стефы, эта вражда легко перешла бы в какую-нибудь вендетту, и хорошо от этого никому бы не было.

Репортёры трудились не переставая, делая визиобразы своими громоздкими аппаратами. Визиобраз, в отличие от фотокарточки, был объёмным, хотя при печати в газете объём терялся, и получалась обычная плоская картинка посредственного качества, разве что чуть получше, чем привычное мне газетное фото. Их ажиотаж был понятен – далеко не последние лица княжества в качестве свидетелей вместо обычных чиновников, да ещё от всех значимых общин и самого князя, делали нашу свадьбу событием экстраординарным.

Храм по-прежнему внушал, хотя я уже не чувствовал такого ужаса, как в первый визит. Каким-то образом его внимание ощущалось гораздо мягче. Или я просто привык? Хотя вряд ли к такому можно привыкнуть. Ленка поёжилась, и Драгана глянула на нас с лёгкой улыбкой. Мы подошли к алтарю, оставив своё сопровождения саженях в пяти позади. С каждым шагом, приближавшим нас к алтарю, пелена Силы над головой вскипала всё сильнее, и когда мы приблизились вплотную, вверху уже вращалась тёмная воронка. Я взял с алтаря обсидиановый нож и резанул себя по руке, оросив кровью алтарь.

– Я, Кеннер Арди, прошу благословения Силы на брак с Леной Менцевой.

Ленка сделала то же самое. Мы соединили окровавленные ладони, и Сила вокруг вскипела. Бурлящая тьма вокруг внезапно сменилась ослепительным светом, и я почувствовал, как я растворяюсь в потоке Силы, который понёс меня куда-то вовне. Ко мне вдруг пришло понимание всех тайн Вселенной, но в следующий момент ощущение всезнания схлынуло, и осталось лишь сожаление о знании, которое почти стало моим, и понимание, что оно может вернуться, но для этого мне надо стать гораздо сильнее. Прошло ещё одно томительно длинное мгновение, и я снова оказался у алтаря рядом с Ленкой, которая, казалось, готова была упасть. Я поддержал её, другой рукой схватившись за алтарь, чтобы не упасть самому. Прошло ещё несколько секунд, и нам стало легче. Удивительно, но храм больше не казался чем-то чуждым, Сила больше не ужасала, а ощущалось как что-то тёплое и родное.

– Сила поистине любит вас, дети. – в голосе Драганы чувствовалось удивление. – Как вы теперь ощущаете это место?

– Как очень уютное. – прислушавшись к себе, ответил я. Ленка кивнула, подтверждая.

– Вы получили сродство с Силой. – сказала Драгана. – Так здесь чувствуют себя Высшие. Думаю, что и основа ваша сильно изменилась, вам стоит пройти тест снова. Ну что ж, благословение Силы получено и не вызывает сомнений. Я свидетельствую, что брак свершился.

– Я свидетельствую. – отозвалась Ольга, которая тоже выглядела слегка выбитой из колеи.

– Я свидетельствую. – в один голос отозвались остальные.

Мы вышли из храма, и чиновники Круга моментально установили переносную конторку, где

произошло оформление протокола брака с подписями свидетелей. Когда я подписывался в протоколе, мне пришла в голову мысль, что у меня ещё есть брак в прошлом мире. Интересно, собственная смерть является основанием считать себя неженатым, или же я стал многоженцем? Удивительно, какие идиотские мысли лезут в голову в такие моменты. Наконец, нам выписали свидетельство о браке, и этот мир тоже признал меня женатым человеком.

– Сиятельные дамы, господа, позвольте преподнести вам небольшие сувениры в память об этом событии.

Девочки в белых платьицах поднесли представителям небольшие шкатулки из красного дерева. В шкатулках находились золотые самописки, инкрустированные драгоценными камнями, а на внутренней стороне крышки были выложены эмалью наши портреты с надписью: «От семьи Арди в день свадьбы с уважением и благодарностью». Было принято дарить небольшие подарки представителям, свидетельствующим брак; мы решили не скупиться, предполагая, что свидетелями у нас будут достаточно высокопоставленные чиновники, и заказали с запасом полдюжины таких недешёвых сувениров. Оставшаяся пара уйдёт Алине и Стефе.

– Мы будем счастливы видеть вас на нашем скромном застолье, которое начнётся через час в ресторанном зале «Зарядье».

Скромное застолье, ага. Триста гостей из расчёта до пяти гривен на человека. Я вообще не понимаю, как можно проесть-пропить пять гривен, но рестораторы меня уверили, что это вполне возможно. Расходы на артистов, музыкантов, и так далее шли отдельной строкой.

– Господин Кеннер, – раздался голос из группы репортёров, – не могли бы вы ответить на несколько вопросов?

– Если только на несколько, уважаемые. – согласился я.

– Новгородские вести. Скажите, когда вы решили жениться на сестре?

– Уважаемые, хочу вам напомнить, что госпожа Лена является моей сводной сестрой. Мы не кровные родственники. И я прошу вас не пытаться создать у ваших читателей впечатление, что я женился на родной сестре.

– Вообще-то женитьба на родной сестре законом не запрещена. – заметил один из репортёров.

– Но общество относится к этому крайне отрицательно, а большинство богов это прямо запрещают. Поэтому подобные намёки я буду вынужден рассматривать как клевету. Со всеми вытекающими последствиями.

Репортёры впечатлились. Всё же есть свои преимущества и в репутации отморозка – заслуженной, чего уж там.

– Что же касается вашего вопроса, уважаемый, – продолжил я, – то мы с детства знали, что мы поженимся.

– Я решила это в пять лет. – с улыбкой сказала Ленка.

– А я в шесть. – я улыбнулся ей в ответ. – Ну, всем ведь известно, что до мужчин такие вещи доходят гораздо дольше.

Все присутствующие вежливо посмеялись.

– Светский курьер. Обычно люди предпочитают жениться гораздо позже. У вас не было мысли, что стоит немного подождать и проверить свои чувства?

– Мы свои чувства давно уже проверили. Не было никакого смысла откладывать дальше то, что было окончательно решено много лет назад.

– Дамский взгляд. Скажите, когда вы планируете заводить детей?

Журналиги, как обычно, пытаются раскопать хоть какую-нибудь грязь. Семнадцать лет и в самом деле очень рано для женитьбы, так что они естественным для себя образом предположили, что Ленка беременна. Хотя о будущей свадьбе было объявлено больше года назад, они всё же не теряют надежды на скандал.

– Пока не планируем, сначала нам нужно получить образование. Вот после окончания Академиума и начнём думать об этом. Уважаемые, я понимаю, на что вы намекаете, но ваши предположения не имеют под собой ни малейшего основания. Четверо уважаемых свидетелей только что имели возможность убедиться, что Сила не только приняла наш брак, но и щедро нас одарила. Силу обмануть невозможно; любому, кто хоть что-то знает о дарах Силы совершенно ясно, что наша первая брачная ночь будет и в самом деле первой.

Журналисты лихорадочно строчили в своих блокнотах.

– Боюсь, что на этом нам с вами придётся закончить общение, уважаемые. Наши гости ждут, и мы вынуждены с вами проститься.

Кортеж машин направился к ресторану. У нас очень маленькая семья, так что сегодня всем нам придётся нелегко, включая Зайку, которая, кстати, тоже считается членом семьи. Для немногих наших доверенных слуг тоже найдётся работа.хлопот с приёмом гостей хватит на всех, а до начала приёма нам нужно успеть быстро пообедать – потом возможности поесть не будет до самой ночи. Нам придётся лично встретить и приветствовать триста гостей, да и после постоянно быть на виду. Надеюсь, у нас останется сил на брачную ночь, вот будет смешно, если мы просто отрубимся.

Глава 20

– Вот, стало быть, за теми вон домами дорога в Каменный Лог и начинается. По ней прямо к ним и придёте.

Мы вежливо поблагодарили крестьянина, подвёзшего нас на своей телеге от стационарного посёлка Габрич до крохотной деревушки Перевалки, ближайшей к расположению отряда «Рыжая рысь». В этом отряде нам и предстояло провести два месяца в качестве стажёров-выпускников.

Деревушка насчитывала самое большее три десятка домов, и жизнь в ней особо не кипела. Пара пёстро одетых крестьянок цыганистого вида ковырялись в огородах, почти высохшая лужа была занята здоровенной свиньёй, да несколько куриц что-то клевали посреди пыльной улицы. Этим активное население деревни и исчерпывалось. Пара ратников в полной выкладке с карабинами удостоились мимолётного взгляда, и на этом интерес аборигенов закончился.

– Они привыкли видеть наёмников, – заметил я Ленке, – и не боятся людей с оружием.

– Глубокий тыл или что-то вроде того. – согласилась Ленка. – Пойдём, что ли? Тут делать нечего.

– Пойдём. – вздохнул я. – Похоже, мама попросила Данислава засунуть нас туда, где точно ничего не произойдёт.

– А ты воевать, что ли, жаждешь? – с иронией спросила Ленка.

– Да нет, не жажду. Но без толку сидеть два месяца в какой-то дыре тоже радости мало.

Ездили здесь явно нечасто. Дорога местами становилась едва заметной и определить её можно было лишь по примятым колёсами стебелькам. В траве, уже выгоревшей на южном солнце, громко стрекотали насекомые и изредка мелькали какие-то мелкие зверьки, то ли мыши, то ли суслики. Не было видно ни малейшего намёка на то, что где-то рядом ведутся боевые действия. Мы постепенно поднимались в горы, если так можно было назвать невысокие холмы, хотя скальные выходы встречались часто, и некоторые склоны были достаточно крутыми. Наконец дорога уверенно нырнула в неширокую долину, усыпанную огромными валунами – может быть, принесёнными сюда последним ледником, а скорее всего просто отколовшимися от окружающих долину скал.

– А зачем они так далеко друг от друга спрятались? – громко спросила Ленка.

– А нас сейчас ближний пропустит, а когда тот дальний вылезет из-за вон того камня, этот будет как бы незаметно контролировать сзади. – так же громко объяснил я.

Из-за «вон того» камня вылез небритый мужик в потрёпанном камуфляже с нашивкой рыси.

– Так, умники! – сказал он недовольным голосом. – Кто такие и куда направляетесь?

– Стажёры, направлены в отряд «Рыжая рысь». – отрапортовал я.

– Документ есть?

– Направление от гильдии. – я показал бумаги.

Мужик без интереса взглянул на них мельком.

– Федька, проводи стажёров к командиру.

Из-за ближнего камня появился конопатый паренёк немногим нас старше, с такой же отрядной нашивкой.

– Пошли вперёд, и без шуток. – сурово приказал он.

– Никаких шуток, – пообещал я, – мы хорошие.

Мужик ухмыльнулся, а Федька покраснел.

– Давайте топайте. – сказал он уже чуть помягче.

Неширокая, всего саженой сто, долина к дальнему концу сужалась, превращаясь в беспорядочное нагромождение камней. Узкая дорога вилась между валунами, упираясь в невысокую, явно рукотворную каменную баррикаду. Приглядевшись, можно было различить в том конце пару почти сливающихся с камнями ратников, наблюдающих за лугом, который просматривался за баррикадой.

Командир ожидаемо нашёлся в самой большой палатке, которая выполняла роль штабной. Он что-то обсуждал со здоровым мужиком с нашивками десятника, тыкая пальцем в карту.

– Командир, мы тут лазутчиков поймали. – доложил Федька.

– Иди, Фёдор. – махнул рукой командир, – Кто такие?

– Стажёры, вот направление от гильдии. – я передал ему бумаги.

– Просто Кен и просто Лена? – командир приподнял бровь в удивлении.

– Всё верно. – подтвердил я.

– В гильдии имена скрывают обычно те, за кем что-то тянется. Уголовщина какая-нибудь или ещё что-то. – командир испытующе поглядел на нас.

– За нами ничего не тянется. – решительно отверг я предположение.

– Ладно, дело ваше... значит, у Лазовича учились, – он бегло просматривал наши документы, – а почему не у волков стажируетесь?

– Куда направили, туда и поехали.

– Неуспевающие, что ли?

– Наоборот, отличники. Табели наши посмотрите.

– И в самом деле отличники, – удивился командир, – да ещё и диверсанты по специальности. У нас тут в плане диверсий задач маловато. Разве что кур у крестьян воровать... справитесь?

– Справимся. – твёрдо заверил я. – Мы и свиней можем. Нас всему учили.

– Хм! Ну хорошо. – с сомнением произнёс командир. – А почему направление общее? Вы брат с сестрой, что ли?

– Муж с женой.

– О как! И когда только успели?

– Три дня назад.

– Ты слышишь, Данила? Вот молодёжь пошла – на медовый месяц на позиции едут! Боюсь даже гадать что вы удумаете, когда решите ребёнка завести.

– А что, командир, – отозвался второй, которого назвали Данилой, – Перуну такое любо, наши люди.

– Ну-ну, посмотрим, что вы за Перуновы люди. – подвёл итог командир, – Меня зовут Эрик Беров, обращаться ко мне «командир». Поступаете в распоряжение десятника Данилы Ломова, вот он сидит. Давай, Данила, определяй молодых, и грузи их на полную.

– Пойдём, волчата, – сказал Данила, вставая, – подберём вам семейное логово, хе-хе.

От первого знакомства с членами отряда у меня сложилось впечатление если не совсем махновской банды, то чего-то близкого. Однако недолгая прогулка по лагерю показала, что первое впечатление было ошибочным. В лагере царила чистота, оружие у рядовых выглядело ухоженным, никто не болтался без дела. Дисциплина явно была на высоте, а некоторая неармейская вольность разговора вообще характерна для небольших отрядов, состоящих из ветеранов. За исключением Федьки, конечно, который скорее всего был тоже кем-то вроде стажёра.

– Значит так, молодёжь, – сказал Данила, – вот это будет ваша палатка. Она как раз освободилась, так что соседей у вас нет, разве что ещё кого-нибудь пришлют. Вещи можете оставлять смело, у нас не воруют. За воровство у нас, кстати, вешают, имейте в виду.

– Не будем воровать. – согласился я. – Разве только кур.

– Гм, – крикнул Данила, – ну ладно, вы всё поняли. Сегодня на кухне поможете, ну и начинайте с людьми знакомиться. С завтрашнего дня я вас включаю в график патрулей. Осваивайтесь, в общем.

– Старший, можно вопрос? – спросил я, видя, что Данила уже поворачивается, чтобы уйти.

– Спрашивай.

– Что тут вообще происходит? Кто с кем воюет?

– Вам в гильдии ничего не сказали, что ли?

– Сказали, что на месте всё расскажут.

– Ну жучары гильдейские, – неодобрительно покрутил головой Данила, – в следующий раз ушами не хлопайте, а то пошлют куда-нибудь, где головы не сносите. Задание должно быть в письменном виде с полной раскладкой, тогда за любое несоответствие они в ответе, а так они вообще не при делах. Ну а тут у нас попы бодаются, римские с греческими. Нас греческие наняли, задача у нас этот проход прикрывать.

– А получится прикрыть? – усомнился я. – Позиция хорошая, конечно, но если у противника миномёты найдутся, то без прикрытия Владеющего тут сразу кисло станет. Владеющий в отряде есть?

– Откуда у простых вольников Владеющий? Нам его по деньгам не потянуть. Но от миномёта можно и артефактами прикрыться. Ненадолго, так ведь у нас и нет задачи защищаться до упора. Мы в случае чего должны просто послать сигнал и продержаться хотя бы час. Но никто нас атаковать не будет, не бойтесь. Если они через нас прорвутся, то просто поменяют хорошую позицию на плохую. Здесь наступать есть смысл только для поддержки, а у них на два направления сил не хватит. – Данила махнул рукой, отсекая дальнейшие расспросы. – Всё, ребята, устраивайтесь.

С этими словами десятник отбыл, оставив нас обустроиваться в небольшой, но достаточно просторной палатке.

*

– Уф, надоело! – сказала Ленка бросая в ведро последнюю картофелину.

Чистила картошку она на удивление ловко, нож в тонких пальчиках так и мелькал. Даже удивительно – мне-то в прошлой жизни картошку чистить приходилось, а вот она этим занималась совершенно точно первый раз в жизни. Тут не иначе как помогло общее умение обращаться с ножом – работать ножом Ленка умела и любила, и думаю, случись опять кого зарезать, тошнить её больше не будет.

– Привыкай, – отозвался я, – нам этим часто придётся заниматься. Во все времена такие вещи на салаг спихивали. Тут и ездить на себе нельзя позволять, но и скандалить не стоит, к нам присматриваться будут. Посмотрим по обстановке, в общем. Я главное надеюсь, что выгребную яму в эти два месяца чистить не понадобится, а то это тоже наше будет. Ну, моё точно.

Ленка только вздохнула.

– И ещё нас могут попробовать на прочность проверить, – добавил я, – пусть докопаться какого-нибудь альфа-самца мордой пострашнее. Ты если что, постарайся не калечить. Просто морду набить это нормально, а если, скажем, руку сломать, то это скандал и подрыв боеспособности. Командиру придётся реагировать, в общем, ничего хорошего.

Ленка ничего отвечать не стала, только потянулась так, что майка красиво обрисовала грудь, и лукаво на меня посмотрела.

– Кончай меня провоцировать, а то схвачу тебя в охапку и дезертирую с кухни. А это воинское преступление, между прочим.

– И подрыв боеспособности. – засмеялась Ленка.

Как быстро выяснилось, на кухне мы особо и не были нужны, десятник нас сюда сунул по принципу, что солдат бездельничать не должен. Помогли повару с овощами, принесли воды, а большей частью расспрашивали его про отряд. В отряде оказалось двадцать восемь человек, из них шесть женщин. Все ветераны, кроме Федыки, которого взяли в отряд два месяца назад, и который был на испытательном сроке. Вооружение лёгкое стрелковое плюс два вершковых[41] миномёта. Отряд большей частью занимается охраной и вспомогательными задачами, вроде нынешней. Словом, Данислав нам и в самом деле устроил максимально облегчённую стажировку, и готов поспорить, что без мамы тут не обошлось.

[41 – Калибра 53 мм.]

Тем временем на ужин начал сходиться народ, на нас посматривали с любопытством. Мужики, мельком глянув на меня, сразу залипали глазами на Ленку. Несмотря на мои опасения, народ в отряде был настроен к новеньким довольно дружелюбно, и никаких прописок в зековском стиле устраивать явно не собирался. Возможно, я зря себя накрутил – собственно, все эти ужасы я почерпнул большей частью из книг и фильмов ещё старого мира, которые к тому же сочинялись в основном диванными воинами, откосившими от армии.

Когда собрался весь отряд, за исключением дозорных, командир объявил:

– Так, бойцы, у нас две новости. Во-первых, у нас два месяца будут стажироваться двое выпускников. Закончили школу Лазовича в Новгороде. Покажитесь народу, ребята.

Мы встали и сделали ручкой. Командир продолжал:

– Они посмотрят на нас, ну а мы поглядим чему там волки своих волчат учат. Ребята только что поженились, так что на девочку можете не засматриваться. И на мальчика тоже. Конкретно тебе, Филип, это говорю, и тебе, Дина.

Послышались смешки.

– Вторая новость у нас такая: отряд заключил контракт с лекаркой, послезавтра поеду в

Габрич её встречать. Так что проблема с Михалом и Лосем решилась, она их и починит.

Народ зашумел, переговариваясь. Я тихонько спросил у соседа: «А что за проблема с Михалом и Лосём?». Он также вполголоса ответил: «Сорвались со скалы. У Михала рука сломана, а у Лося сильное сотрясение и рёбра треснули».

– Так это настоящая лекарка или обычный медикус? – спросил кто-то с другого стола.

– Лекарка настоящая, – ответил командир, – с дипломом Академиума, четвёртый ранг. Контракт у неё минимальный, на три месяца, так что если у кого какие болячки есть, ловите шанс.

– И что она запросила?

– Согласилась на ставку рядового ратника.

– Что-то тут не так, командир. – с сомнением сказал наш десятник Данила. – Чтобы настоящая лекарка да на плату рядового ратника согласилась? Там или диплом поддельный, или ещё что.

– Данила, ты чушь-то не говори, – поморщился командир, – договор через гильдию заключили, какой там поддельный диплом? Гильдия всегда документы проверяет по месту выдачи.

– Ну может скрывается от кого...

– Данила, тебе не всё равно от кого она скрывается? Ты об этом будешь думать, когда она тебе брюхо будет штопать?

– Не, ну я же не против, командир. Просто удивляюсь. Сам же знаешь, какие у Владеющих запросы.

Я, кстати, тоже знаю, и тоже удивляюсь.

*

«Ых... ых... ых...» – шумно дышал красный как рак Федька, то и дело утирая пот, струящийся по лбу. Ему, как самому молодому и выносливому, поручили показать нам патрульный маршрут по окружающим горкам. Похоже, ему намекнули, что неплохо бы заставить нас как следует побегать, потому что Федька рванул в гору как спортсмен-олимпиец. Однако силы свои он переоценил, и к концу маршрута бежал уже исключительно на силе воли. Но тем не менее бежал, чем немного добавил к себе уважения и частично сгладил впечатление от своего клоунского поведения при первой встрече.

– Да, маршрут запомнили, – ответил я десятнику, – Фёдор нормально всё показал. Ничего если мы там будем бегать по утрам? А то мы привыкли к утренним пробежкам, а тут такая трасса отличная.

– Так бегайте, почему же нет. – немного растерянно ответил Данила. – Вы как, прямо с карабинами будете бегать?

– Конечно с карабинами, и в полной выкладке. Противник же рядом, вдруг встретим.

– Ну да, всё верно. – озадаченно согласился десятник, поглядывая то на свежо выглядящую Ленку, то на Федьку, который всё никак не мог отдышаться и стоял, пошатываясь.

– У меня ещё вопрос есть по поводу маршрута. Там с южной стороны мы по ложине бежали, а по-хорошему надо бы наверх подниматься. Если понизу идти, вершина не просматривается.

– Правильно говоришь, мы раньше поверху и ходили. Но там к вершине очень крутой подъём, вот на нём-то Михал и не удержался, и Лося за собой потянул. С тех пор понизу ходим.

– Давайте мы тогда глянем, может там какие-нибудь колья вбить, или верёвки натянуть. Это же непорядок, что господствующая высота без присмотра остаётся.

– Вот и займитесь, – согласился Данила, – инструмент у интенданта можете взять. Давайте, действуйте.

Проводив молодых взглядом, Данила повернулся к Федьке:

– Ты чего так запыхался, Федя?

– Не того мы Лосем зовём, старший, – пропыхтел тот, очередной раз утирая пот, – я с ними больше бегать не буду.

Влились в повседневную жизнь отряда мы легко и естественно. Члены отряда были постоянно заняты, но и тупой муштры не было. В основном оборудовали запасные стрелковые точки, обустроивали маршруты патрулей и позиции наблюдателей, ну и конечно, занимались постоянным благоустройством лагеря. Конфликт вошёл в затяжную фазу, и отряд готовился сидеть в этой дыре ещё как минимум месяца три.

Десятник весь день перекидывал нас от одного ратника к другому, чтобы мы побыстрее познакомились со всеми и вошли в ритм жизни отряда. Опасения мои оказались совершенно напрасными, никто салагами помыкать не собирался, скорее наоборот. Бойцы относились к нам дружелюбно и охотно объясняли разные практические хитрости, которые знает каждый ветеран, и которые невозможно изучить по книгам. Неожиданно для меня стажировка действительно оказалась ценнейшим источником знаний. Впрочем, по нескольким дням судить не стоит, за два месяца мы ещё успеем заскучать.

*

Небольшой грузовичок, на котором уехал командир, чтобы встретить лекарку и забрать свежие продукты, давно дал знать о своём возвращении надрывным воем слабосильного

мотора. К тому времени, когда он, наконец, добрался до долины, у штабной палатки уже слонялся практически весь отряд за исключением дозорных. Наконец грузовичок, скрипнув тормозами, остановился, и перед всеми любопытными предстала давно ожидаемая лекарка, которую отряд встретил восхищённым «О-о-о».

– Лекарка четвёртого ранга. – ошеломлённо констатировала Ленка.

– Какая удивительная карьера! – в лёгком обалдении откликнулся я.

– Вот интересно, Кени, а когда мы, наконец, станем считаться взрослыми?

– Я тоже об этом задумался. Спроси меня лет через пятьдесят, ладно?

Мама улыбнулась народу, с достоинством принимая восхищение. С места водителя вылез командир, и оглядев присутствующих, заявил:

– Я гляжу, у вас, бездельников, тут народное гуляние. Раз уж все здесь, представляю нашу новую лекарку, госпожу Милославу. Госпожа в самое ближайшее время проведёт обследование, так что у всех будет возможность познакомиться лично. А теперь все быстро разошлись и занялись делом.

*

К ужину подошёл Михал, то и дело опасливо щупающий свою руку, а следом подтянулся и Лось, который до этого безвылазно лежал в своей палатке. Лось периодически потряхивал головой, как бы пытаясь удостовериться, что у него действительно ничего не болит, и ему это не приснилось.

– Лось, как она тебя лечила-то? – спросил кто-то.

– Да не знаю я, – растерянно отозвался тот, – она ткнула мне пальцем в лоб, я отключился. Потом глаза открыл, она мне говорит, мол, всё, иди отсюда, на ужин возьмишь двойную порцию.

– Во-во, и со мной точно так же. – подтвердил Михал.

– И что, на этом всё? – с удивлением переспросил наш интендант Тихон.

– Сказала, всё, – кивнул Михал, – ну мне ещё сказала недельку руку поберечь.

– Мне лет двадцать назад лекарка перелом ноги лечила, так там вроде не так быстро было. – припомнил Тихон. – И в гипсе пришлось порядком походить.

Народ загомонил, припоминая свои походы к лекарям. Все дружно склонялись к мысли, что новая лекарка лечит как-то странно, но результат всё же есть. Бодрый Лось, который ещё утром не мог сам дойти до уборной, и совершенно целая рука Михала достаточно убедительно свидетельствовали об эффективности лечения.

– Что-то она совершенно не шифруется, – шепнул я Ленке, – так народ быстро догадается, что для простой лекарки это слишком круто.

– Она, скорее всего, по-другому просто не умеет. – шепнула мне в ответ Ленка.

Тут обсуждаемая лекарка как раз и появилась вместе с командиром. Мама сразу взяла быка за рога:

– Хочу сделать объявление. С завтрашнего дня я начинаю проводить полную диспансеризацию. Первыми её пройдут самые молодые, с которыми проще разобраться, потом те, кто постарше. Но пройдут все.

Народ замолчал и напрягся.

– А отказаться можно? – подал голос кто-то сбоку.

– Не советую. – веско уронила мама.

Напряжение буквально висело в воздухе. Наконец кто-то решился спросить:

– А эта диспа... зери... ну это самое, это вообще что такое?

– Диспансеризация. – строго поправила мама. – Это полное медицинское обследование и выявление заболеваний. И лечение того, что обнаружится.

Бойцы расслабились и облегчённо задвигались. Ленка закрыла лицо руками, плечи у неё вздрагивали.

*

На следующий день началась эта самая диспансеризация. Мы, как самые младшие, должны были идти первыми, так что прямо с утра мы прибыли к госпитальной палатке, которая стояла немного на отшибе, со всех сторон прикрытая огромными валунами. Рядом с ней находилась и жилая мамина палатка. Место ниоткуда не просматривалось, так что мы не стали изображать спектакль, а зашли к маме вместе. Она тут же нас крепко обняла; я клюнул её в прохладную щёку и сразу начал выговаривать:

– Ну и как тебя ругать прикажешь? Что это за балаган? Ты бы ещё мальчиком прикинулась как Зайка, чтобы уж совсем комедия получилась.

– Не надо меня ругать, Кени, – засмеялась мама, – я правда не хотела ничего такого. Как вы уехали, дом сразу стал пустой, а у меня все мысли только о вас. Я уже к вечеру поняла, что долго этого не выдержу, вот и пошла в гильдию наниматься.

– И как тебя пациенты отпустили?

– Им пришлось. – пожала плечами мама. – Имею я право первый раз в жизни сходить в

отпуск или нет? Кое-кто понедовольничал, конечно, но срочных больных у меня нет, так что в конце концов все смирились с небольшой задержкой.

– А как ты умудрилась с дипломом смухлевать?

– Почему это смухлевать? – удивилась мама. – Я свой настоящий диплом показала. Просто не стала показывать протоколы аттестаций. Имела полное право не показывать.

– А, понятно. Лазейка в правилах. До тебя никому в голову не приходило свой ранг занижать.

– Ну да, я первая придумала. Ладно, Кени, не занудничай. Рассказывайте как вы тут устроились.

Час мы пили чай и болтали, потом дамы решили перейти к дамским темам и выставили меня из палатки. Диспансеризация пройдена успешно, ага.

Скоро жизнь вошла в обычную колею. По большому счёту, делать в лагере было совершенно нечего; постоянное обустройство и регулярные тренировки были призваны лишь как-то занять личный состав. По утрам мы в компании с мамой скакали по горам в качестве пробежки, заставляя ветеранов лишь крутить головами то ли в удивлении, то ли в осуждении. Дальше все занимались всё теми же бесконечными делами, так и проходил день.

– А командир-то на маму запал. – авторитетно заявила мне Ленка.

– С чего ты взяла? – полюбопытствовал я.

– Он когда на маму смотрит, у него такое глупое лицо делается, ну, как у мужчин обычно.

– Что значит «обычно»? Может, скажешь, что и у меня глупое лицо? – возмутился я.

– А ты не мужчина что ли? – парировала Ленка.

Я малость попыхтел от возмущения, но в конце концов решил, что какое там лицо – непонятно, зато спорить с женщиной уж точно занятие глупее не придумаешь. Феминизм всё равно не лечится, так что лучше просто не обращать внимания. Чем больше это обсуждаешь, тем больше риск обострения заболевания и перехода его в клиническую фазу.

Подумав немного, я нехотя с Ленкой согласился:

– Пожалуй, есть в нём что-то такое. Но и она на него тоже как-то этак посматривает.

– Вот увидишь, дело там к роману идёт. – заявила Ленка, которая в глубине души была очень романтической натурой. – Причём скоро, потому что она на нас уже начинает со смущением так поглядывать.

– Ну если ей хочется, то я могу только приветствовать, – пожал я плечами, – это же

ненормально, что она вся только в работе. Ей тоже личная жизнь нужна.

Ситуация разъяснилась уже на следующий вечер. Миновали недолгие южные сумерки, но спать ещё совершенно не хотелось. Мы посидели-пообнимались, а потом Ленка предложила: «А пошли к маме. Если она спать не хочет, посидим, чаю попьём». Мы уже практически вплотную подошли к маминной палатке, когда из неё послышался характерный стон. Мы замерли. Стон повторился громче. Мы глянули друг на друга, и одновременно попятнулись, стараясь не производить шума.

– Ну наконец-то! – довольно сказала Ленка, когда мы достаточно отошли. – Завтра расспрошу её.

– Не вздумай, – встрепенулся я, – не надо её смущать.

– Это она тебя смущается, а нам, женщинам, друг перед другом смущаться нечего.

– Всё равно не надо, женщина.

– Кени, мы уж как-нибудь сами без тебя разберёмся.

*

Интендант отряда Тихон Злобин заглянул в штабную палатку, где сидел командир, просматривая бумаги. Командир поднял глаза:

– Заходи, Тихон. Чего хотел?

– Да вот так сразу и не сказать. – Тихон уселся на табуретку. – Знаешь, Эрик, всё-таки с нашей лекаркой что-то сильно не то.

– И что же с ней не то? – поднял бровь командир.

– Ты же помнишь, что у меня на левой руке сустав почти не действовал? Так вот, она его за три дня вылечила. – Тихон постибал и поразгибал руку, демонстрируя отсутствие проблем.

– Ну и что тебя не устраивает? Вроде радоваться должен.

– Устраивает, конечно. Радуюсь. Просто странно это. Я у себя в Пскове ходил в лечебницу, мне там сказали так: платишь аж двести сорок гривен, ждёшь год очередь на операцию, потом неделю лежишь в лечебнице, потом полгода ходишь на процедуры разрабатывать сустав. А тут за три дня, да между делом! Без всяких операций! Как так? Не понимаю. Не могут же в лечебнице так дурить?

Командир молча смотрел на него, ожидая продолжения.

– Дальше смотри. – Тихон загнул следующий палец. – Ты же видел, что Хотен уже без повязки ходит? Она ему новый глаз вырастила. Просто взяла и вырастила, ничего так, да?

Дальше глядим. У Марии все шрамы от ожогов убрала без следа, а за неё лекари вообще не брались. А ещё ты заметил, что у нас все девки как-то вдруг стали красавицами? Лебеда Дину уломал, так парням рассказывал, что у неё сейчас такие сиськи, которым только в княжеском дворце место. Парни на неё слюни пускают, а Динка королевой ходит. Или вот Жданку взять. Всю дорогу серой мышкой была, а теперь вокруг неё весь десяток начинает хоровод водить.

– Мила у нас заскучала, – улыбнулся Эрик, – вот и занялась девчонками. Так ты к чему подводишь-то?

– Подвожу к тому, что не простая она лекарка, и в таком отряде, как наш, ей не место. Зачем она здесь? Я этого не понимаю, а чего не понимаю, того боюсь. Как бы проблем не было.

– Я тебя слышал, Тихон. Скажу тебе вот что. Я с ней на эту тему говорил, и она мне поклялась, что за ней ничего не тянется, и никаких проблем мы от неё не получим. Мне этого хватило, я ей верю. А тебе советую поменьше болтать, и другим болтать не давай, а то наши девки за неё кого угодно на мелкие кусочки порвут.

– Это да, – содрогнулся Тихон, – наши могут.

Глава 21

За монотонными ежедневными хлопотами время шло незаметно. Червен[42] наконец закончился, и с наступлением зари[43] немного спала невыносимая южная жара. До окончания стажировки осталось меньше двух недель, и мы начали считать дни до отъезда. Это утро ничем не отличалось от других – умывшись, мы, как обычно, побежали по привычному маршруту вокруг лагеря. Забравшись на самую высокую точку в самом конце маршрута, я уже готовился спускаться к финишу, когда вдруг мой взгляд поймал непонятный отблеск в небольшой рощице за полем. День был ясный, но солнце ещё не поднялось достаточно высоко, и пологий утренний луч отразился от чего-то вроде стекла или полированного металла, которому в этой убогой рощице взяться было неоткуда.

[42 – Червен – в древнерусском календаре июль. 43 – Зарев – август.]

– Стойте! – скомандовал я. – Посмотрите-ка вон туда, что-нибудь видите в роще?

– Вроде какие-то круглые железки среди листвы торчат. – неуверенно сказала Ленка, напряжённо вглядываясь вдаль.

– Точно что-то железное. – сказала мама. – Я восемь штук насчитала, но не уверена. Что это может быть?

– Это могут быть, например, колпаки бронеходов. По высоте подходят. Снизу их не видно, а с высоты можно заметить.

– Кени, ты уверен? – спросила Ленка. – Если мы поднимем тревогу, а там какая-нибудь ерунда, мы будем выглядеть полными дураками.

– А что ещё может быть в этой роще? Железка такой высоты в этой дыре может быть только бронеходом. В общем, уверены или не уверены, надо срочно командиру докладывать.

Мы побежали вниз. Вопреки нашим опасениям, командир отнёсся к докладу очень серьёзно.

– Данила, иди сюда! – окликнул он нашего десятника. – Волчата что-то странное в дальней роще углядели. Говорят, сверху видны бронеколпаки среди листвы. Бери-ка бинокль и давай быстро наверх.

Буквально через десять минут мрачный Данила бегом слез обратно и доложил:

– Всё верно, командир, бронеходы. Десять точно есть, может больше. Что-то там ещё такое проглядывает. – Данила со злостью сплюнул, – Вот было у меня предчувствие, что контракт тухлый, слишком уж хорошо попы заплатили.

– Сейчас-то что об этом говорить, – заметил командир, – давай, поднимай людей, и не копайтесь. Немного потрепыхаемся, и будем в горы отходить.

Ратники начали срочно облачаться в бронежилеты и снаряжать магазины. Народ бодро забегал туда-сюда. Мимо нас пробежал миномётный расчёт, волоча разобранный лёгкий миномёт и ящики с минами.

– Иван, – окликнул старшего командир, – до дальней рощи достанешь?

– Нет, командир, – отрицательно покачал головой тот, – слишком далеко, саженой сто пятьдесят не докинем.

– Ладно, начинай кидать как только в зону поражения войдут. Нам надо попробовать хоть немного их задержать.

Мы мялись в сторонке, не понимая, что нам делать. За этот месяц нам никто так и не удосужился определить стрелковые позиции.

– Командир, база вызывает, – к нашей группе подбежал связист отряда, – говорят, что у них противник начал обстрел, похоже, будет большое наступление. Спрашивают ситуацию у нас.

– Ответь, что мы ждём наступления с минуты на минуту. У противника как минимум десять бронеходов, мы их задержать не сможем. Если у них ещё и Владеющие есть, то они нас даже не заметят.

Мимо пробежали Мария со Жданкой, нагруженные здоровенной винтовкой в футляре и какими-то баулами. Женщины отряда работали как три снайперские пары – разумеется, когда в них была необходимость. Сейчас необходимость явно была.

– Так, ребята, – обратил на нас внимание командир, – держитесь недалеко от меня, на случай если надо будет где-то помочь, или передать что-то. На открытом месте не мелькать.

Каменных осколков берегитесь. У бронехода пулемёт третьего[44] калибра, камень он крошит только так. Мила, ты иди к себе, и тоже давай поберегись.

[44 – Калибр 13,2 мм.]

Наконец беготня затихла, все заняли свои места. Напряжение витало в воздухе, все всматривались вдаль, пытаясь разглядеть движение в роще. Прошло пять, десять минут, затем ещё десять. Утро было совершенно мирным и солнечным, чирикали какие-то птицы, и от этого ожидание, что вот-вот всё это взорвётся, ещё больше давило на нервы. Ожидание боя хуже самого боя, а ещё хуже было от понимания, что наш первый бой победой наверняка не закончится.

Я привычным усилием задавил волнение. Глава семьи в любой ситуации должен излучать спокойствие и уверенность, а из-за нашей с Ленкой связи я не могу себе позволить страха или неуверенности даже в мыслях. Я настолько привык с детства контролировать свои чувства, что уже не понимаю, где настоящий я, а где это просто роль главы семьи. Быть хладнокровным и циничным отморожком полезно и даже необходимо для человека, от которого зависит благополучие, а то и жизнь тысяч людей, но хорошо ли это для настоящего меня, который прячется где-то глубоко? Иногда я с тоской вспоминаю простую и спокойную академическую жизнь, но тут же гоню эти мысли прочь. Что было, то прошло и уже не вернётся, а сейчас меня подхватила и несёт волна, на которой я обязан удержаться, потому что от меня зависят те, ради кого я живу.

Я посмотрел на Ленку. Она нервно покусывала губу, и я чувствовал её волнение. Я усилием воли изгнал из головы всё рефлексирование и послал ей волну тепла. Она посмотрела на меня и немного нервно улыбнулась в ответ.

– Будут атаковать, как ты думаешь? – спросила Ленка.

– Если ружьё висит на стене, оно непременно выстрелит[45]. – пожал я плечами.

[45 – Вольный пересказ известной фразы А.П. Чехова.]

– Какое ещё ружьё? – удивилась Ленка.

В предбоевом мандраже я совершенно забыл, что в параллельных мирах плохо знакомы с творчеством русских классиков. Попаданцы спустя рукава работают над повышением культурного уровня аборигенов; вот и я вместо просвещения местных предпочёл заняться откручиванием голов.

– Я имею в виду, что не просто же так они затащили бронеходы в ту рощу. Конечно, будут атаковать.

– Скорей бы уж. – вздохнула Ленка.

Минуты потекли вновь. И вот когда я уже начал надеяться, что может мы и в самом деле ошиблись, и ничего в этой роще нет, кто-то крикнул: «Внимание, они пошли!». Из рощи,

круша молодую поросль, выплывали угловатые фигуры имперских бронеходов и тут же разворачивались в широкую шеренгу, а за ними бежали фигурки ратников, кажущиеся крохотными рядом с бронированными четырёхметровыми гигантами.

– Раз, два, три... – негромко считал командир. – Двенадцать... Да, нам тут ловить нечего.

Он на несколько секунд задумался, а затем, придя к окончательному решению, громко объявил:

– Передайте по цепочке. Стрелять начинаем по первому выстрелу миномёта. Когда они подойдут на двести саженей, все уходим на север по второму проходу. Девочки, все вместе попробуйте уронить четвёртого слева, цельтесь ему по суставу правой ноги.

Наконец атакующие подошли на триста сажен. Хлопнул миномётный выстрел, и все немедленно открыли огонь. Я поймал в прицел бегущую фигурку и нажал на спуск. Сбоку взвизгнул рикошет, и я инстинктивно пригнул голову, не успев понять, попал я или промахнулся. Рядом в быстром темпе стреляла Ленка, сосредоточенно прикусив губу. Патронов наши не жалели – ни у кого не было иллюзий насчёт того, что бой может стать затяжным. Уже через пару минут противник подойдёт на двести сажен, и нам придётся очень быстро отступить, точнее говоря, убежать. Бешеная стрельба, наконец, дала результат – несколько вражеских ратников упали, а главное, один из бронеходов накренился и рухнул набок. Женщины всё-таки сумели попасть в уязвимую точку сустава.

Этот успех оказался последним. Остальные бронеходы открыли огонь и превратили долину в ад, наполненный летающими каменными осколками. Бойцы отряда не могли даже поднять головы, лишь изредка огрызаясь короткими очередями. Мы тоже время от времени высывались из-за нашего валуна чтобы выстрелить, и тут же прятались обратно, не пытаясь увидеть результат. Огонь был настолько плотный, что я задумался – а как же мы будем уходить, и получится ли у нас уйти вообще?

Огонь противника не стихал, и наши огрызались всё реже. Наконец, как будто всего этого было мало, с поля поднялся здоровенный валун, и набирая скорость, полетел в каменную баррикаду. Тяжёлый удар легко разметал хлипкое заграждение, заставив камни разлететься по всей долине. В бой вступили Владеющие. Дальнейшего я уже не видел – один из обломков прилетел мне в голову, и я отключился.

«Кени... Кени... очнись... пожалуйста...», – я услышал голос как бы издали, а вслед за ним пришло понимание, что бой продолжается, и этот шум, который физически причиняет мне боль, это выстрелы. Я с трудом открыл глаза; меня сильно тошнило, всё вокруг расплывалось, к тому же правым глазом я почти не видел, потому что он был залит кровью. Я полулежал, прислонённый к камню, но мне казалось, что я сижу на качающейся палубе. Передо мной слегка расплывалось чумазое Ленкино лицо с дорожками слёз на щеках. «Я в порядке», – просипел я, пытаюсь без особого успеха успокоить Ленку.

И как раз в этот момент к нам подбежала мама. Она увидела, как я лежу с залитым кровью лицом, и глаза у неё сделались совершенно безумными. У меня опять появилось сосущее

чувство в животе, которым у меня обычно отзывалось возмущение Силы, но на этот раз оно было настолько сильным, что начало переходить в боль. Мама подняла глаза на поле с наступающими; волосы у неё казалось, шевелились сами по себе, а её силуэт выглядел странно нечётким. Она раздражённо отмахнулась рукой, и летящий прямо на нас валун отлетел куда-то вверх и вбок, резко изменив траекторию. Концентрация Силы всё увеличивалась. Звуки выстрелов стали еле слышны, а реальность стала плоской и пошла волнами; казалось, что она стала чем-то вроде ветхой занавески, которая вот-вот порвётся и откроет что-то жуткое, чего человеку видеть ни в коем случае не стоит. Я чувствовал, что я кричу, но не слышал своего голоса. Внезапно беззвучно лопнула струна, отозвавшись острой болью в голове, и мир неохотно вернулся к обычному объёму. Никто больше не стрелял; перед нашей долиной расстилалось металлическое поле, на котором стояли металлические статуи.

«Мама, успокойся, я в порядке!» – я внезапно услышал себя и понял, что я всё это время выкрикивал эту фразу. Она наконец услышала меня и пришла в себя. Встав на колени передо мной, мама взяла мою голову в ладони; я почувствовал, как тошнота отступает, и мне действительно становится лучше.

– Ты почему не поставил защиту? – сердито спросила мама.

– Защита была, – ответил я, – без неё мне бы просто оторвало голову.

– А почему без каски?

– Не знаю. Её, похоже, сорвало ударом.

Я кое-как с помощью Ленки вскарабкался на ноги и огляделся вокруг. Рядом с нами стоял командир, который странно на нас смотрел. Данила с несколькими бойцами стояли в стороне и ошеломлённо разглядывали металлическое поле.

– Что это было? – спросил командир не своим голосом.

– Я просто... очень сильно испугалась. – неуверенно ответила мама, тоже с изумлением глядя на поле. – Я всего лишь хотела их остановить.

– Я запомню, что тебя нельзя пугать. – потрясённо сказал командир.

Ага, я тоже запомню. Я, конечно, не такой уж знаток возможностей старших рангов, но по моему, это даже близко не девятый ранг.

Тут командиру пришёл в голову новый вопрос:

– «Мама»? Что это значит?

Я понял, что пора брать инициативу в свои руки:

– Давайте выясним всё потом. Сейчас надо позаботиться о раненых.

Упоминание о раненых заставило всех прийти в себя.

– Всех раненых срочно в госпитальную палатку. – громко распорядилась мама. – Убитых в первую очередь: пока душа не отлетела, можно попробовать их воскресить.

Командир рявкнул:

– Все слышали? Шевелитесь!

Народ наконец начал понемногу возвращаться к жизни и зашевелился – сначала бестолково, но уже через несколько минут все забегали, перетаскивая раненых, и доставая из-под камней заваленных. Бой закончился.

*

– Иван, так что ты почувствовал? – приставали бойцы к командиру миномётного расчёта, который оказался в числе убитых.

– Вообще ничего не почувствовал. – устало отвечал Иван, которого вконец замучили любопытные. – Был в бою, а в следующий момент открываю глаза в госпитальной палатке. Отвяжетесь вы от меня наконец или нет?

Любопытные в конце концов переключились на Филипа – другого воскресшего, который полностью оправдал ожидания. Филипа встречали ангелы и провожали к престолом богов. Боги соблазняли его стать верховным ангелом и вместе с ними править Вселенной, но Филип всё же решил вернуться к своим боевым товарищам, которые без него могли пропасть в этом жестоком мире. Это был, так сказать, синопсис[46] повествования; в оригинале рассказ был расцвечен немислимым количеством деталей, которые я даже не стал трудиться запоминать. Никто, разумеется, в эту историю не поверил, но слушали её в разных вариациях по несколько раз с огромным удовольствием. Солдатская байка без вранья что вобла без пива, и с каждым новым пересказом боги становились всё величественнее, ангелы всё прекраснее, а посулы всё заманчивее. Ну а к Филипу прочно приклеилась кличка «Ангел».

[46 – Краткое содержание литературного произведения.]

Убитых у нас оказалось трое, тяжелораненых пятеро, все остальные имели как минимум сильные ушибы. К вечеру дня боя мама смогла воскресить убитых и подлечить тяжелораненых достаточно, чтобы они смогли дожить до того момента, когда она восстановит силы и сможет заняться ими вплотную. Понемногу тяжелораненые покидали наш госпиталь; к вечеру третьего дня там остался только один, которому крупнокалиберной пулей оторвало ступню. Отряд до сих пор напоминал сборище инвалидов, но тем не менее мы сумели пережить бой без потерь. Многие пострадали от валунов, которыми швырялись вражеские Владеющие, но к счастью, только от осколков. Под сами валуны никто не попал – после встречи с летящим полутонным камнем ни на какое воскрешение рассчитывать уже бы не стоило.

Для меня прошедший бой был большим уроком – я своими глазами увидел, что такое атака бронеходов, и что может сделать хорошо обученный отряд при поддержке брони и Владеющих. По сути, нас мгновенно раздавили, не дав ни малейшей возможности сопротивляться. Если бы не мать, отряд «Рыжая рысь» прекратил бы своё существование – под таким огнём даже при попытке отступить выжили бы единицы. Побывав один раз под подобной атакой, сразу понимаешь, почему обычный вольный отряд не в состоянии выдержать бой с дворянскими ратниками, у которых нет недостатка ни в тяжёлом вооружении, ни в поддержке Владеющих.

Все бойцы отряда целиком и полностью осознавали, кому они обязаны жизнью, и мамин авторитет вознёсся на совершенно недостижимую высоту. Даже самые тупые сообразили, что их болячки вот уже второй месяц лечит совсем не простая лекарка; малейшие мамины пожелания выслушивались затаив дыхание, и выполнялись бегом.

– Так, волчата, сегодня работаете с Тихоном. – сказал Данила на утреннем разводе. – Будете с ним разбирать склад. Туда эти запулили булыжником; надо понять, что там вообще от склада осталось. Кен, а ты сначала загляни к командиру, он хотел тебя видеть.

Штабная палатка почти не пострадала, если не считать россыпи пулевых отверстий.

– Можно? – спросил я, заглядывая в палатку.

– Заходи, Кен, – отозвался командир, – у меня к тебе несколько вопросов есть, если не возражаешь.

Я пожал плечами, усаживаясь на кривоватую табуретку.

– Не возражаю.

– Скажи, а зачем вам эта стажировка? Вы же наверняка в вольники не пойдёте?

– Что значит «зачем»? – удивился я. – Мы у Лазовича десять лет учились, а в самом конце скажем «нам незачем», так что ли? Что с того, что мы в вольники не пойдём? Мы учились, потратили кучу времени и сил, а сейчас хотим получить свои честно заработанные аттестаты.

– Хм, ну если с такой точки зрения... а что, Милослава в самом деле тебе матерью приходится?

– В самом деле.

– Ну теперь хотя бы понятно, как она в наш отряд попала. – хмыкнул командир.

– Сразу скажу: это не планировалось. Для нас её приезд был полной неожиданностью. Хотя жаловаться тут не стоит, без неё нам пришлось бы туго.

– Это да, прижали нас здорово. Вряд ли у нас получилось бы отойти.

– А почему мы сразу-то не отошли? – этот вопрос мне давно не давал покоя.

– Стандартное условие контракта для вольных отрядов. Не имеем права отходить, не вступив в бой.

– А откуда они вообще взялись? Для вольного отряда двенадцать бронеходов плюс Владееющие как-то очень уж круто.

– А это не вольный отряд был. – усмехнулся командир. – Это была гвардия папы. Элита. Неудивительно, что наши командиры прохлопали переброску. Если бы не Милослава, они сначала раздавили бы нас, а потом раскатали бы основную группу. – тут он решил сменить тему. – Кстати, и какой же у Милославы ранг?

– Не четвёртый, конечно. – уклончиво ответил я. – Повыше.

Командир помолчал, раздумывая, наконец вздохнул и сказал:

– Ладно, теперь о деле. Я могу уже сейчас закрыть вам стажировку. Отличную оценку вы заслужили полностью, а здесь больше ничего интересного уже не будет.

– Нет, нам никаких послаблений не нужно. Мы будем здесь до конца, как планировали.

– Ну что ж, достойно уважения, – согласился командир, – тогда на этом всё, иди работай.

Глава 22

Ленка вертелась у зеркала, а я лениво любовался ей, развалившись на диване. Мы вернулись из Габрича вчера, и Ленка сразу же с головой погрузилась в бесчисленные косметические процедуры, с энтузиазмом избавляясь от поднадоевшего образа суровой воительницы. Сегодня мы сдаём отчёт о стажировке в Вольную гильдию и получаем воинские аттестаты, а потом будем совершенно свободны до самого начала занятий в Академии.

– Куда ты хочешь пойти вечером? – спросил я.

– А куда ты меня поведёшь? – отозвалась с отсутствующим видом Ленка, сосредоточенно подправляя тушь на реснице.

– Это что, я должен решать куда ты хочешь пойти? – удивился я.

– Кени, не веди себя как ребёнок, – наставительно ответила она, – ты мужчина, вот и будь мужчиной.

Я закатил глаза. Ну конечно, когда женщине неохота задумываться, она сваливает это на мужчину.

– Визион, опера, ресторан? Какой-нибудь приём? У нас есть пара приглашений.

Ленка надолго задумалась.

– Ночной клуб. – наконец решила она. – После той дыры хочется чего-нибудь шумного.

Клуб «Серебряная мышь» был одним из излюбленных мест золотой молодёжи и постоянно фигурировал в разделе скандалов светской хроники. Также совершенно случайно он принадлежал мне, хотя это особенно не разглашалось, и знали об этом немногие. На первом этаже находился огромный танцпол с длинной стойкой бара вдоль стены, за которой хлопотали сразу четверо барменов. Поднявшись по широкой лестнице, можно было попасть в несколько баров на разный вкус, в которых уже можно было нормально разговаривать. Для нетерпеливых парочек имелись и отдельные кабинеты, в которые, впрочем, пускали далеко не каждого. Словом, это было именно то место, которое следовало посетить после двухмесячного сидения в Каменном Логе, по сравнению с которым нам и сонный Габрич со свиньями и курами на улицах показался столицей.

Мы с Ленкой весело отплясывали танец, мало отличающийся от когда-то знакомых мне клубных танцев. Хотя учиться танцам мы начали с паваны[47] и эстампи[48], как только мы немного подросли, мать распорядилась учить нас всем современным танцам, вплоть до уличных разновидностей. Как она сказала тогда: «В любой жизненной ситуации дворянин не может позволить себе выглядеть неуклюжим и смешным». Надо сказать, что наша мать всегда очень серьёзно относилась к поддержанию должного образа дворянина, несмотря на её нежелание вращаться в свете, порой переходящее в затворничество.

[47 - Старинный медленный танец. 48 - Старинный танец.]

Ленка в короткой юбочке привлекала повышенное внимание публики, и этим вниманием явно наслаждалась. Всё же в каждой женщине живёт эксгибиционистка, хотя после двух месяцев в камуфляже можно понять её желание покрасоваться в короткой юбке, тем более и показать есть что. Ну а я после недолгого раздумья решил, что ничего против не имею – пусть смотрят и завидуют.

Наконец и неутомимая Ленка устала.

– Хочу передохнуть. – шепнула она мне, игриво укусив меня при этом за ухо.

– Бар или кабинет? – шепнул я в ответ.

– Нет, кабинет – это неприлично, – подумав, ответила Ленка, – мы же не озабоченные подростки.

– Нет, мы подростки не озабоченные, – согласился я, – мы подростки удовлетворённые. Значит, бар.

Я огляделся вокруг, и заметив служителя, поманил его пальцем.

– Какой тут бар у вас самый приличный? Проводи-ка нас туда, любезный.

Небольшой бар и впрямь оказался на удивление приличным. Музыка танцпола была едва слышна, но при этом можно было наблюдать за танцами сверху через стеклянную стену. Публика состояла из явных представителей золотой молодёжи – а кто ещё может кучковаться в самом дорогом баре далеко не самого демократичного ночного клуба?

Надо сказать, что хотя эту молодёжь и называли «золотой», аристократов среди них не встречалось – в основном это были отпрыски совсем молодых дворянских семей или даже разбогатевших простолюдинов. Для детей аристократов, особенно для наследников семейств, было немислимым буянить в компании подвыпивших подростков – главе семьи вряд ли понравилось бы упоминание семьи в скандальной хронике, и наказание последовало бы незамедлительно. Если молодой аристократ хотел посетить подобное заведение, он делал это без сословного знака, с негласной охраной, и как правило, вёл себя достаточно тихо. Собственно, и мы обычно поступаем так же, хотя с Ленкой слово «тихо» сочетается не всегда.

Мы взгромоздились на высокие табуреты у стойки.

– Апельсиновый сок, – приказал я бармену, бросив на стойку двухкуновую[49] бумажку, – и проследи, чтобы он был холодным.

[49 - Куна равна 1/24 гривны.]

– Мне то же самое. – поддержала меня Ленка.

Пока мы цедили наш сок, от самой шумной компании отделился слегка пьяный парень и плюхнулся на табурет рядом с Ленкой. Он щёлкнул пальцами, подзывая бармена и распорядился:

– Мне как обычно, и давай шевелись побыстрей.

Затем он с видом превосходства оглядел сначала соседа справа, а затем нас с Ленкой. Увидев наш апельсиновый сок, он гнусно заржал.

– Что, детишки, мамочка не разрешает спиртное? – громко спросил он, привлекая всеобщее внимание.

– Исчезни, придурок. – не глядя бросила ему Ленка.

– Что ты сказала, коза?!

Резкий удар снёс его с табурета. Послышался смех и одобрительные выкрики, публика приветствовала новое развлечение. Компания парня вскочила с мест, и сам он, пошатываясь, поднялся на ноги. Проведя рукой по разбитой губе, он посмотрел на окровавленную ладонь, поднял на Ленку налитые бешенством глаза, и произнёс, слегка шепелявя:

– Тебе конец, сучка!

– Ещё одно оскорбление, и я выбью тебе зубы. – предупредил его я. – Они у тебя, похоже, лишние.

– Тебе тоже конец. – обратил он внимание на меня.

Возле него появились два крепких парня, видимо, его охрана. В стороне нарисовалась ещё пара плечистых ребят. Я не помнил их лиц, но судя по бейджикам, они были сотрудниками безопасности клуба. Я посмотрел на них и еле заметно отрицательно покачал головой. Безопасники расслабились.

– Они на меня напали! – сообщил парень своим телохранителям. – Я хочу, чтобы отсюда их увезли в лечебницу. Ну давайте, вломите им!

Ленка предвкушающе заулыбалась. Я посмотрел на парней и скептически поднял бровь. Они замялись – наше поведение совершенно не вписывалось в привычную для них схему, и они начали сомневаться. Мы могли оказаться кем угодно, а избивание представителей аристократического семейства или знатных родовичей гарантированно закончилась бы очень плохо для всех причастных. Отступить просто так телохранители, однако, тоже не могли, так что, немного поколебавшись, их старший решил для начала прояснить ситуацию.

– Кто вы такие? – спросил он агрессивным тоном.

– Моё имя Кеннер Арди, – вежливо ответил я, – а это моя жена, Лена Менцева-Арди. С кем имею честь, достойные?

Все разговоры в баре немедленно стихли. Парень явственно побледнел и отступил на шаг назад. Похоже, я серьёзно недооценивал свою репутацию – покойный Самуил Катцель неплохо потрудился, рисуя меня полным отморозком, для которого убить проще, чем высморкаться. Старший охранник поклонился и сказал:

– Господин Кеннер, госпожа Лена, мы просим прощения за этот прискорбный инцидент. Просим вашего разрешения покинуть заведение.

Он посмотрел на парня тяжёлым взглядом, и тот шепеляво сказал: «Извините».

Я взглянул на Ленку. Она пожала плечами, я тоже в ответ пожал плечами, ответил «Разрешаю», и мы повернулись обратно к стойке. В зале было по-прежнему тихо.

– Вот вечно ты, Кени, испортишь всё развлечение. – громко пожаловалась Ленка. – С тобой даже и не подерёшься толком.

– Так ты сюда танцевать пришла или драться?

– Танцевать, – подумав, ответила Ленка, – но я не прочь и подраться.

С этими словами она наклонилась вперёд и внимательно посмотрела на парня, сидевшего по левую руку от меня. Тот поперхнулся своим коктейлем, торопливо слез с табурета и

быстрым шагом двинулся в туалет. Ленка проводила его грустным взглядом и со вздохом сказала:

– Ты знаешь, Кени, у меня складывается впечатление, что люди тебя боятся. Тебе нужно инкогнито ходить, как Гаруну аль-Рашиду[50].

[50 - Арабский халиф, правивший в VIII веке н.э. В сказках «Тысяча и одна ночь» описывается, как он, переодевшись, ходил по Багдаду, чтобы узнать жизнь простых людей.]

– Ладно, не грусти. – приободрил её я. – Пойдём пока потанцуем, а там может ещё кто захочет поскандалить.

– Так ты же опять влезешь и всё испортишь. – с печалью в голосе сказала Ленка.

– Нет, я больше не буду вмешиваться. Развлекайся как хочешь.

С этим мы и покинули странно тихий бар.

*

Когда на следующее утро я вернулся с пробежки, вконец разленившаяся Ленка была ещё в постели и с чашкой кофе в руке просматривала свежие газеты.

– Кени, – с воодушевлением поделилась она, – а про меня написали в «Светском курьере»!

– В каком разделе? – спросил я, заранее предполагая ответ.

– В скандальной хронике. – радостно ответила Ленка.

– Да ты что? Вот это неожиданность! – фальшиво удивился я. – А я было подумал, что в списке награждений.

Ленка фыркнула в чашку, едва не расплескав кофе.

– Нет, ты только послушай, что они пишут:

«Вчера вечером привычный скандал нашей золотой молодёжи в „Серебряной мыши“ принял неожиданную форму. Нашим читателям хорошо знаком постоянный герой нашей хроники Алекс Гремский, сын известного промышленника Стефана Гремского. В этот вечер, заметив необычайно красивую девушку в сопровождении молодого человека, г-н Алекс решил, что эта пара замечательно подходит на роль жертвы его обычных развлечений. Увы, на этот раз в непривычной для себя роли жертвы выступил именно он. Не дослушав стандартное выступление г-на Алекса, прелестная незнакомка одним ударом отправила его в полёт, заодно придав его лицу некоторую несимметричность. Как немедленно выяснилось, г-н Алекс имел неосторожность оскорбить Лену Менцеву-Арди – прекраснейший цветок влиятельного аристократического семейства Арди, которая решила посетить заведение в сопровождении своего мужа и главы семейства Кеннера Арди.

Молодая пара только что вернулась из городка Габрич, где они оттачивали своё воинское мастерство в боях с гвардией папы римского. Хотя в настоящее время у нас почти нет информации о происшедших там событиях, мы сумели точно выяснить, что наши герои вернулись с блестящими рекомендациями командования, а вот папских гвардейцев в той местности больше не стало.

Г-н Алекс проявил обычно несвойственную ему житейскую мудрость, немедленно принес извинения и с разрешения г-на Кеннера покинул клуб. Однако очаровательная г-жа Лена осталась недовольной тем, что ей не дали возможности как следует разобраться с невоспитанным юношей, и громко выразила надежду, что найдётся ещё какой-нибудь скандалист, воспитанием которого она могла бы заняться. Как рассказали нам впоследствии сотрудники клуба, наша буйная золотая молодёжь немедленно решила вести себя образцово, сделав этот вечер одним из самых тихих в истории заведения.»

– «Необычайно красивая», вот. – с удовлетворением отметила Ленка. – И дальше про меня тоже хорошо написали. И почему мы так редко ходим в ночные клубы?

– Может быть потому, что в больших дозах они тебя не выдержат?

– Опять глупости болтаешь. – Ленка отмела инсинуацию небрежным жестом. – Лучше поцелуй меня... Ага, и вот здесь тоже... М-м-м... И вот тут ещё...

До начала занятий в Академиуме у нас оставалось ещё больше недели, и мы твёрдо настроились за это время полностью получить всё, что мы недополучили во время медового месяца.

Вместо эпилога

Аббат Антуан Дюкле сидел за убогим столом в доме деревенского старосты, и вертя в руке ручку, мучительно размышлял о том, что стоит писать в отчёте, а что лучше упомянуть вскользь. Или даже вообще не упоминать. В конце концов, не придя ни к какому определённом выводу, он положил ручку, и со вздохом отхлебнул вина. «Паршивая страна, – с тоской подумал он, – и вино у них дрянь.»

Внезапно за дверью послышались голоса, дверь распахнулась настежь, и в комнату решительным шагом вошёл новый персонаж.

– Отец Доминик! – воскликнул Дюкле. – Не верю своим глазам! Вы же должны быть в Вене, при дворе императора?

– Здравствуйте, отец Антуан! Должен. Но как видите, я здесь. – с досадой отвечал аббат Доминик Верде. – Папе первоначальный доклад о здешних событиях показался несколько э-э... – он неопределённо покрутил рукой, – словом, он приказал мне разобраться с этим и доложить ему лично. Что, впрочем, не освобождает вас от написания полного доклада.

– Понимаю, – кивнул Дюкле, – и должен сказать, рад этому. Мне бы не хотелось быть

единственным вестником этого фиаско, и я совсем не против разделить эту ношу с вами. Неловко предлагать вам бурду, которую здесь называют вином, но лучше ничего нет, увы.

– Наливайте, – ответил аббат Верде, усаживаясь на хлипкий стул, – и рассказывайте.

– Как вы, вероятно, знаете, у нас была задача вытеснить схизматиков[51] из этой области. У них здесь закрепились довольно значительные силы наёмников. Наши силы также состояли из нескольких наёмных отрядов, но их было совершенно недостаточно для наступления. Однако мы сумели незаметно перебросить сюда отряд гвардии с поддержкой паладинов. Две недели назад мы начали наступление силами наёмных отрядов в пятнадцати лигах к северу. Когда противник полностью втянулся в бой, гвардейцы атаковали здесь. Это направление противник считал совершенно незначимым, и здесь стоял крохотный отряд, скорее для проформы. Гвардейцы должны были пройти сквозь него без остановки и ударить отрядам схизматиков в тыл.

[51 - Католическая церковь называет так греческих (православных) христиан.]

– План выглядит вполне выполнимым. Что пошло не так?

– А вот это уже лучше показать. Пойдёмте, отец Доминик.

Оба священника некоторое время стояли на вершине небольшого холмика, обозревая раскинувшийся перед ними на сотню туазов[52] металлический пейзаж. Бронеходы наступали, и гвардейцы бежали вслед за наступающими бронеходами, стреляя на ходу. Несколько гвардейцев лежали неподвижно, а ближайший к аббатам падал, нелепо вскинув руки, явно сражённый пулей защитников. Один из бронеходов лежал на боку с подломившейся ногой, и пилот уже наполовину вылез через задний люк.

[52 - 1 туаз = 1,95 м.]

– Впечатляет, – наконец сказал аббат Верде, – а где же паладины?

– Взгляните правее, вон они стоят группой. А чуть сзади стоит светлый паладин Доннер. Мы можем подойти поближе, только не сходите с мостков. Стебли травы легко проткнут и обувь, и ногу.

Аббаты прошли по проложенным поверх травы деревянным мосткам.

– Действительно, Марк Доннер, – задумчиво сказал Верде, – представляете, отец Антуан, я пятьдесят лет видел его исключительно с кислой физиономией, а тут глядите-ка, улыбается.

– Эту гримасу сложно назвать улыбкой. – с сомнением отозвался Дюкле.

– Ну, первая улыбка за пятьдесят лет, что ж удивительного, что плоховато вышла. – философски заметил Верде. – Итак, что же мы тут имеем?

– Двести восемь гвардейцев, двенадцать бронеходов, восемь паладинов, один светлый

паладин. Все здесь.

– Выяснили, что это за металл?

– Невозможно взять пробу. Алмаз не оставляет царапин.

– Одиннадцатый ранг, полагаю?

– Как бы не двенадцатый. Я про такое даже не слышал. Я связался с орденом паладинов – они пообещали выяснить, что это может быть, и кто мог бы такое сделать, но чувствуется, что они тоже в недоумении.

– Это точно не магусы схизматиков?

– Абсолютно точно. Мы бы не пропустили прибытие одного из их верховных магусов, они все на виду. У схизматиков здесь только наёмники.

– Однако версия, что у каких-то третьеразрядных наёмников в отряде служит высший магус, выглядит совсем невероятной. – заметил Верде. – Что говорят слухи? Наверняка кто-то что-то болтает.

– Болтают многое. – пожал плечами Дюкле. – Тут у каждого окрестного холопа есть своя версия событий. Самый правдоподобный слух состоит в том, что это сделала лекарка отряда, потому что стрельба мешала ей лечить раненых.

Аббат Верде некоторое время молча смотрел на собеседника, и наконец со вздохом сказал:

– Смешно. Но папа не оценит.

– Мы распространяем версию, что наших людей призвали на небо ангелы божьи для борьбы с воинством тьмы, а эти статуи оставили взамен, чтобы люди помнили о святых героях.

– У ваших людей плоховато с воображением, – скептически заметил Верде, – можно было бы придумать что-нибудь и получше.

– Придумывать было некогда, схизматики уже всю объясняли крестьянам, что наших людей господь покарал за ересь. Нужно было рассказать хоть что-то, пока их версия не закрепились в умах.

– Действительно. Прошу прощения, отец Антуан, я поспешил с выводами.

– Нам пришлось срочно договариваться о перемирии, наши наёмники просто отказались воевать.

– Глядя на эту э-э... композицию, этого следовало ожидать. – согласился Верде.

Прелаты некоторое время молчали, разглядывая расстилавшуюся перед ними картину.

– Скажите, отец Доминик, там, – Дюкле показал пальцем вверх, – есть какие-нибудь планы по этому поводу? Например, привлечь святых паладинов и устроить карательный рейд?

– Забудьте, – решительно сказал Верде, – вы же знаете, что у нас всего два святых паладина. Папа не будет рисковать ими из-за этой дыры. И в любом случае он не пошлёт их сражаться с монстром, который способен устроить такое. – Верде неопределённо повёл рукой, обозначая окружающий пейзаж. – А светлым паладинам здесь делать нечего, не говоря уж о простых.

– Это всё же несправедливо, – с горечью сказал Дюкле, – что еретикам и язычникам сила отмерена так щедро, а у нас каждый паладин на счету.

– Не ставьте под сомнение промысел божий, отец Антуан. – строго ответил Верде. – Сатана охотно делится своей нечистой силой, но не забывайте, что он спросит с них за это самую высокую цену.

– Воистину так, отец Доминик! – смиренно отозвался Дюкле.

Аббат Верде помолчал, разглядывая металлические скульптуры.

– Позволю себе дать вам совет, отец Антуан – будьте очень осторожны с выводами в своём докладе. Вы знаете, откуда вообще появилась затея оттеснить отсюда схизматиков?

– Нет, отец Доминик, – настороженно сказал Дюкле, – и буду признателен, если вы меня просветите.

– Император пожелал сделать одного из своих приближённых аббатграфом[53] и ему понадобилась бенефиция[54] на новое аббатство[55]. А кардинал Скорцезе захотел оказать услугу императору. Двести восемь гвардейцев и девять паладинов напрасно погибли, добывая должность для светского коммендатора[56]! Ваш доклад будут внимательно читать и друзья, и враги кардинала Скорцезе. Не ошибитесь.

С этими словами аббат Верде повернулся и пошёл прочь, а аббат Дюкле долго смотрел ему вслед в глубокой задумчивости.

[53 - Светский аббат. 54 - Доходная должность или земельное владение. 55 - Католический монастырь, управляемый аббатом, и обычно подчиняющийся епископу. 56 - Священнослужитель или мирянин, владеющий аббатством, и отчуждающий доходы аббатства в свою пользу.]

Конец первой книги